Почти двѣнадцать лѣтъ прошло со времени завершенія великаго дѣла утвержденія русскаго владычества на Кавказѣ—и нынѣ съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе выясняется необходимость подробнаго изученія великой борьбы, возникшей вслѣдствіе исторической необходимости, требовавшей въ теченіе болѣе шестидесяти лѣтъ громадныхъ жертвъ, напряженія нравственныхъ и матеріальныхъ средствъ Имперіи и приведшей, наконецъ, къ установленію нашей границы въ южныхъ предѣлахъ Кавказскаго перешейка, съ водвореніемъ началъ новой жизни между многочисленными племенами Кавказскаго края.

Опытъ предшествовавшихъ военныхъ дѣйствій хотя служилъ и служитъ намъ, въ извѣстной мѣрѣ, полезнымъ указаніемъ для послѣдующихъ военныхъ предпріятій—однако, многое, что можно-бы было почерпнуть изъ опыта борьбы, прошло безслѣдно. Много именъ и дѣяній, которыя должны-бы были оживотворять духъ русской арміи и русскаго народа и служить примѣромъ для потомства—забыты. Наша военная литература хотя и представляетъ сочиненія, касающіяся Кавказской войны, но онѣ не исчерпываютъ вполнѣ даже тѣхъ предметовъ, до которыхъ ближайшимъ образомъ относятся; всѣ остальныя печатныя данныя, касающіяся отдѣльныхъ эпизодовъ

этой войны—отрывочны. Такимъ образомъ, систематическая разработка богатаго военно-историческаго матеріала, представляемаго дѣломъ водворенія русскаго владычества на Кавказѣ, можно сказать, еще не начата.

Между тѣмъ, съ каждымъ годомъ смерть уноситъ лучшихъ представителей этой эпохи; воспоминанія, одушевлявшія войска и увлекавшія ихъ на геройскіе подвиги, хотя еще остаются въ часяхъ арміи, передаваясь устно, но, при настоящей быстрой перемѣнѣ состава арміи, и онѣ должны слабѣть съ каждымъ годомъ. Если желательно, чтобы въ этой арміи не исчезъ, а поддерживался и крѣпъ духъ, выработанный продолжительными тяжелыми трудами и неисчислимыми жертвами, надо, чтобы преданія о былomъ не угасали, чтобы имена и подвиги представителей Кавказской славы были безсмертными для будущихъ поколѣній.

Съ другой стороны, громадный военно-историческій матеріалъ, находящійся въ многочисленныхъ архивахъ Кавказскаго края, лежитъ почти не тронутымъ, а время и случайныя обстоятельства приводятъ и его все къ большему и большему обѣдненію.

25-го августа, 1874 года, съ Высочайшаго соизволенія, Его Императорское Высочество Главнокомандующій Кавказскою арміею обратился съ печатнымъ воззваніемъ о доставленіи на Имя Его Высочества записокъ, воспоминаній и другихъ матеріаловъ для предположеннаго тогда-же къ изданію особаго Сборника.

Воззваніе это вызвало поступленіе на Имя Его Высочества различныхъ рукописей, относящихся до эпохи войны и владычества русскихъ на Кавказѣ. Количество высылаемыхъ матеріаловъ лучше всего свидѣтельствуетъ о томъ сочувствіи, которое встрѣтила начальная мысль среди бывшихъ дѣятелей войны на Кавказѣ.

Нынѣ, по указанію Его Императорскаго Высочества Великаго Князя МИХАИЛА НИКОЛАЕВИЧА, выпускается въ свѣтъ первый томъ „Кавказскаго Сборника“; на будущее-же время, по мѣрѣ накопленія матеріаловъ, послѣдніе будутъ печататься и издаваться отдѣльными-же томами, но безъ назначенія для выпуска оныхъ какихъ-либо сроковъ.

Не предполагая входить въ критическую оцѣнку мнѣній или заключеній, высказываемыхъ авторами, и имѣя только въ виду способствовать сохраненію и сбору матеріаловъ—редакція „Кавказскаго Сборника“ считаетъ лишь своею обязанностію возстановлять хронологическую вѣрность въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ память могла измѣнить авторамъ.

Воспоминанія изъ кавказской старины (*).

Въ исходѣ лѣта 1868 года, мнѣ довелось ѣхать по Волгѣ; на пароходѣ встрѣтилъ я офицера стрѣлковаго баталіона и фельдъегеря, ѣхавшихъ изъ Ташкента. Зашла рѣчь о послѣднихъ военныхъ дѣйствіяхъ генерала Кауфмана противъ бухарцевъ; само-собою, разговоръ склонился на геройскую защиту Самарканда русскимъ гарнизономъ. Между многими подробностями доблестныхъ подвиговъ этого гарнизона, ташкентскіе путешественники высоко ставили заслуги подполковника Назарова, переведеннаго съ Кавказа, остававшагося въ крѣпости за болѣзнію и бывшаго сначала безъ дѣла,—но, въ минуту крайней опасности, своимъ участіемъ много способствовавшаго отпору непріятеля. Въ заключеніе, стрѣлковый офицеръ сказалъ, что сборону Самарканда велѣно считать наравнѣ съ обороною Ахты,—фельдъегерь-же возразилъ, что велѣно ее считать на-равнѣ съ обороной Ахалциха.

— Какъ, развѣ не забыты еще ахалцихскія битвы въ 1828 и 1829 годахъ, не забыта еще славная защита Ахалциха противъ турокъ княземъ Василіемъ Осиповичемъ! Это восклицаніе взволнованнымъ голосомъ послышалось отъ сидѣвшаго около насъ толстаго старика, съ виду деревенскаго по-

(*) Авторъ *воспоминаній* принялъ только форму разсказа отъ другаго лица,—но какъ свидѣтель событій, держался строго исторической правды и вѣрности въ изложеніи, не позволяя себѣ нисколько вымысла.

Андр.

мѣщика, физіономія котораго вдругъ пришла въ сильное движеніе отъ неожиданныхъ словъ фельдъегеря.

— Да развѣ вы служили въ войскѣ? спросилъ я.

— Еще-бы! Вы полагаете, что я былъ вѣчно деревенскимъ увальнемъ и такою старою тряпкой, какъ теперь,—отвѣчалъ рѣзко старикъ.

— Позвольте-же спросить, кто это князь Василій Осиповичъ?

— Князь Василій Осиповичъ Бебутовъ—тогда молодой генералъ, впослѣдствіи генералъ-отъ-инфантеріи, командовавшій войсками на Кавказѣ въ крымскую войну, герой Кюрюкъ-Дара и Баш-Кадыкъ-Лара,—сказалъ болѣе покойнымъ тономъ старикъ.

— Какая-же это была защита отъ турокъ Ахалциха, взятаго, помнится, штурмомъ Паскевичемъ въ турецкую 1828 и 1829 годовъ войну? сдѣлалъ я опять вопросъ.

— Прежде позвольте сказать—продолжалъ старикъ—что, не уменьшая нисколько значенія героизма при защитѣ Ахты, оборона Самарканда и Ахалциха имѣетъ много сходства между собою, не-только въ положеніи защитниковъ той и другой крѣпости, но и въ значеніи самыхъ крѣпостей на ходъ кампаній Паскевича и Кауфмана. Если-бы турки успѣли обратно взять Ахалцихъ въ февралѣ или мартѣ 1829 года, то вся блестящая кампанія въ 1829 году въ Азіятской Турціи пропала-бы даромъ. Вслѣдствіе нашихъ побѣдъ и завоеваній, пораженные страхомъ тогдашніе обитатели ахалцихскаго пашалыка, столько-же воинственные, какъ и кавказскіе горцы, при малѣйшемъ успѣхѣ ободрились и получили увѣренность въ своихъ силахъ,—между тѣмъ Грузія пришла-бы въ страхъ и смущеніе. Въ предстоящую кампанію 1829 года, Паскевичу пришлось-бы только возвращать утраченное пре-

восходство и пріобрѣтенія прошлаго года и не думать уже о завоеваніи Эрзерума; онъ не могъ-бы удерживать противъ себя лучшую тогда въ Турціи анатолійскую армію—и тѣмъ отвлечь значительныя силы отъ Европейской Турціи. Точно также, если-бы сарты успѣли взять обратно Самаркандъ, то положеніе Кауфмана было-бы тоже не хорошо.

— А вы давно служили на Кавказѣ? кто-то перебилъ рѣчь старика. Да и еще ермоловскій офицеръ. Надобно замѣтить, что кавказцы стараго времени имѣютъ замашку похвастаться такимъ титуломъ, считая себя первоначальниками славы этого корпуса, и ни за что не назовутъ его теперь арміей; хотя подвиговъ и храбрости такъ много было потрачено нашими войсками на Кавказѣ и прежде, и послѣ, что первенство тѣмъ или другимъ присвоивать себѣ не слѣдуетъ. Первенство, впрочемъ, остается за тѣми господами, которые нынѣ, по разнымъ причинамъ, отдаютъ преимущество болѣе новому ходу дѣлъ.

— Да, въ наше время—продолжалъ старикъ—Кавказъ былъ не то, что теперь; въ настоящее или недавно прошедшее время его можно назвать цивилизованною страною, въ сравненіи съ прежнимъ временемъ: самыя удобства походной жизни и доставляемыя правительствомъ средства теперь улучшены, численность войска громадно увеличена. Ермоловъ первый выхлопоталъ, чтобы солдатамъ, расположеннымъ по берегамъ Чернаго и Каспійскаго морей и въ Тифлисѣ, отпускать для улучшенія пищи по 20 копѣекъ сер. въ мѣсяцъ на человѣка: въ первыхъ мѣстностяхъ—по нездоровому климату, въ послѣдней—по дороговизнѣ припасовъ,—и это считалось большою милостію. Въ походахъ пользовались отбитымъ у непріятеля скотомъ, а когда этого не было, то на «нѣтъ и суда нѣтъ»; только въ персидскую кампанію начали правильно отпускать

солдатамъ, три раза въ недѣлю, по полу-фунту мяса и два раза водку, за то уменьшили порцію сухарей; капитанамъ давались то-же съ персидской кампаніи раціоны: остальные офицеры довольствовались фунтомъ мяса въ день и солдатскимъ пайкомъ, такъ какъ прежде доводилось имъ голодать болѣе солдатъ—по невозможности что-нибудь достать вслѣдствіе удаленія жителей или пустынной мѣстности. Солдатскія палатки офицерамъ давались не-всегда—все зависѣло отъ расположенія полковаго командира. На Араксѣ и урочищѣ Карабаба отрядъ стоялъ болѣе 2-хъ мѣсяцевъ въ самой нездоровой мѣстности, и терпѣлъ во всемъ большой недостатокъ—даже чаю и сахара не было: самъ Паскевичъ платилъ по 100 руб. ассиг. за пудъ сахара—цѣна по тогдашнему огромная; офицеры придумали спекуляцію слѣдующаго рода: играли въ карты на чай и сахаръ,—выигравшій долженъ былъ угощать прочихъ; не было даже кахетинскаго вина для страдавшихъ въ большинствѣ разстройствомъ желудка отъ сильныхъ жаровъ и недостаточной дурной пищи (*).

Отъ Эривани до Нахичевани, въ долинѣ Аракса, лѣтомъ не бываетъ дождей, и превосходно родящаяся здѣсь пшеница, поливается изъ искусственно проведенныхъ съ горъ канавъ,—знойный воздухъ удушливъ былъ даже по ночамъ, термометръ показывалъ до 40° въ тѣни. И мы безостановочно въ это время шли впередъ, чтобы взять близъ Нахичевани ничтожную

(*) Въ Гагрѣ былъ такой случай: какъ сухопутнаго сообщенія съ Сухумомъ гарнизонъ не имѣлъ, и ѣхавшій къ нему съ провизіей и виномъ маркитантъ на лодкѣ былъ захваченъ черкесами, то солдаты, во избѣжаніе, по возможности, цынготной болѣзни, въ продолженіе всего великаго поста, вмѣсто водки, пили воду, настоенную стручковымъ перцемъ; хотя брандвахтенныя суда въ Сухумѣ обязаны въ двѣ недѣли навѣщать Гагры, но этаго по бурной погодѣ и дурному рейду два мѣсяца не дѣлалось, и гарнизонъ терпѣлъ во всемъ большой недостатокъ.

Прим. автора.

крѣпость на Араксѣ, Аббасъ-Абадъ, которую построить могло только невѣжество англійскаго инженера, такъ какъ возлѣ лежащія за рѣкою горы совершенно ею командуютъ. Въ скотѣ упряжномъ подъ арбами и порціономъ открылись болѣзни и падежъ, и этотъ-то скотъ выдавали намъ въ порцію; если выданные бараны не были зарѣзаны въ одинъ день, то часть ихъ на слѣдующій день издыхала; отсталому нельзя было сбиться съ дороги, потому что по обѣимъ ея сторонамъ валявшійся дохлый скотъ служилъ указателемъ въ обезлюдѣвшей мѣстности. Даже лошади уланъ, привыкшія къ холѣ и конюшнямъ въ военномъ поселеніи харьковской губерніи, пришли въ истощеніе. Въ прибывшихъ изъ Россіи войскахъ болѣзни и смертность были въ большихъ размѣрахъ и не-только отъ климата, но и отъ образа жизни, лишеній и скуки, такъ присущихъ кавказскому войску, а потому въ этомъ старомъ ермоловскомъ войскѣ если и была убыль, то сравнительно менѣе: оно было бодрѣе и на все пригоднѣе.

Въ сраженіи за Араксомъ, подъ Джеванъ-Булакомъ, въ сильный зной, нижегородскіе драгуны сдѣлали двѣ блестящія атаки на огромное скопище персидской кавалеріи, посаженной на славныхъ жеребцахъ (*), и разбили ее на-голову,—уланы-же на своихъ исхудалыхъ лошадяхъ дѣйствовали не-столь успѣшно.

Мы помнимъ шутки тифлисскихъ жителей надъ нашими драгунами, когда вступили въ Тифлисъ уланы на прекрасныхъ лошадяхъ, въ красивой невиданной до-толѣ формѣ. Тогда какъ лошади нижегородцевъ горской и донской породы, ходившія почти круглый годъ на пастбищѣ по Алазани, изъ экономіи полковаго командира, привыкшія къ непогодамъ и жарѣ, мало

(*) Въ Персіи мереновъ нѣтъ—считается грѣхомъ легчить жеребцовъ,—человѣка сдѣлать евнухомъ,—дѣло другое—пояснилъ старикъ.

Прим. автора.

порченныя манежной ѣздой, съ виду невзрачныя и потому забракованныя при пріемѣ полка новымъ командиромъ,—эти забракованныя лошади превосходно исполняли службу не только въ персидскую, но и во всю турецкую кампанію, почти не видя конюшенъ.

Оберъ-квартирмейстеръ корпуса Коцебу (братъ нынѣшняго варшавскаго генерал-губернатора) въ своихъ замѣткахъ о ходѣ кампаніи, по обязанности своего званія, изложилъ генерал-квартирмейстеру главнаго штаба о несвоевременномъ поспѣшномъ движеніи къ Нахичевани въ срединѣ знойнаго лѣта, и находилъ, что планъ Ермолова—расположить на лѣто дѣйствующій корпусъ на возвышенной плоскости Башъ-Абарани, близъ нашихъ границъ, былъ раціональнѣе,—въ мѣстности здоровой, изобильной лугами, куда, по близости нашихъ границъ, продовольствіе доставлять было удобно: надобно было поставить только наблюдательный отрядъ близъ Эриванн, для чего и былъ назначенъ генералъ Красовскій. Но непогрѣшимость Паскевича въ Петербургѣ тогда уже была признана—и бѣдный Коцебу липился своей должности.

Между тѣмъ Паскевичъ понялъ, что Ермоловъ оставилъ ему надежное наслѣдство, что къ кавказскому солдату нельзя примѣнять мѣрку другихъ войскъ, что его стоитъ беречь на черный день, не смотря на то, что онъ съ виду не такъ казистъ и выглаженъ, за что Паскевичъ сначала сердился на него и говорилъ, что «*ему стыдно показать его непріятелю*». Паскевичъ между тѣмъ досадовалъ, что оставшійся послѣ него администраторомъ въ Грузіи Синягинъ—задаетъ въ Тифлисѣ пиры при пушечной пальбѣ по случаю нашихъ побѣдъ, но не присылаетъ въ отрядъ припасовъ, для жизни необходимыхъ и бывшихъ въ Грузіи въ изобиліи и дешевизнѣ,—охотниковъ-же маркитантовъ можно было найти много—какъ послѣ показала турецкая кампанія.

Паскевичъ вдругъ измѣнился въ обращеніи: съ войскомъ сдѣлался ласковъ и снялъ съ него опалу. Такое выраженіе мнѣ показалось страннымъ, а потому спросилъ его—какая-же могла быть на васъ опала.

—Да за службу при Ермоловѣ.—отвѣчалъ онъ.

—Это что такое?

—Да такъ было—продолжалъ разсказчикъ.

Надобно знать, что Ермоловъ любимецъ Александра 1-го и другъ брата его Константина, благодушный начальникъ для своихъ подчиненныхъ, умѣлъ привязать ихъ къ себѣ, хотя, правду сказать, на награды былъ не очень щедръ: наговоритъ бывало кучу любезностей, расхвалитъ въ приказѣ по корпусу, много обѣщаетъ—мало даетъ,—мы и тѣмъ были довольны. У него чины подполковника и полковника были *завѣтное дѣло*; кромѣ храбрости и усердія, много надобно было имѣть личныхъ способностей, чтобы заслужить эти чины.

Начиная съ Циціанова, за Кавказомъ всѣ должности въ провинціяхъ и такъ называемыхъ дистанціяхъ занимались почти одними военными, съ названіемъ комендантовъ или окружныхъ начальниковъ,—но эти административныя личности, получая по тогдашнему хорошее содержаніе, очень туго шли при Ермоловѣ въ высшіе штабъ-офицерскіе чины, хотя онъ раздавалъ должности съ разборчивостію; что такое—говорилъ Ермоловъ—*письменный* полковникъ, или полковникъ отъ швальни, отъ казармъ? Отъ военнаго строя онъ отсталъ, а доживетъ до очереди въ генералы —будетъ мало способенъ занимать высшія гражданскія и военныя должности, и за что такимъ людямъ привиллегія предъ статскими. Неумѣстное *высокочиніе* — говорилъ онъ—даже вредно государственному строю и самымъ финансамъ; для посредственности, даже порядочной, довольно посредственнаго положенія въ обществѣ и службѣ, и никакъ

не должно чередовать ее съ талантливою личностію или замѣчательнымъ подвигомъ и осмысленнымъ трудомъ.

Да-съ—продолжалъ старикъ—хорошій начальникъ съ подчиненными, Ермоловъ былъ не уступчивъ и шероховатъ въ сношеніяхъ съ высшими сановниками, рѣзко писалъ и говорилъ имъ свои убѣжденія, шедшія не-рѣдко въ разрѣзъ съ петербургскими взглядами; а сарказмы его, на которые онъ былъ большой мастеръ, говоренные всегда во всеуслышаніе, задѣвали иногда за живое сильныхъ міра сего. За семеновскую исторію онъ бранилъ Васильчикова, давшаго ей такой печальный исходъ; про одно важное лицо—меттерниховскую креатуру—онъ разъ по одному случаю написалъ въ Петербургъ: «только врагъ отечества могъ присовѣтовать такую мѣру!» будто не зная виновника этой мѣры.

Но обстоятельства вдругъ неожиданно перемѣнились, и надъ неуязвимымъ до того Ермоловымъ начала собираться грозная туча. Стало распространяться мнѣніе, будто ермоловская слава, въ которую до того вѣровали—только славны бубны за горами,—что въ управленіи его много произвола, министерскихъ предписаній или предложеній рѣдко слушается, на составленные въ Петербургѣ проекты по Кавказу, пишетъ рѣзкія возраженія, а военные его подвиги—сущій дымъ: съ нестройною толпой полудикихъ горцевъ всегда легко можно справиться! Въ доказательство приводили, что онъ унимаетъ и держитъ ихъ въ страхѣ при помощи такого запущеннаго и плохо обученнаго войска, какъ кавказскіе солдаты,—что окружилъ себя слѣпо преданными людьми какъ въ гражданскомъ, такъ и военномъ управленіи, которые трубятъ про его славу и дѣлаютъ между тѣмъ большія злоупотребленія.

Въ это время, въ началѣ 1826 года, пріѣхалъ въ Грузію изъ Петербурга офицерикъ для выбора изъ полковъ солдатъ въ гвардію. Вскормленный на шагистикѣ и тонкой вып-

равкѣ вахтпарадовъ, офицерикъ этотъ приходилъ въ ужасъ и негодованіе отъ тифлисскихъ разводовъ—и вслѣдствіе того сочинилъ каррикатуру на кавказскаго солдата; она имѣла такой ходъ, что была получена Ермоловымъ изъ Петербурга въ конвертѣ отъ неизвѣстнаго лица. Каррикатура изображала солдата въ изодранномъ мундирѣ на распашку, въ синихъ холщевыхъ широкихъ шароварахъ, заправленныхъ въ сапоги, въ черкесской папахѣ на головѣ, съ боку висѣлъ маленькій котелокъ, и вмѣсто манерки—болталась травянка (въ жары хорошо сохраняющая воду, изъ породы тыквъ).

— Позвольте при этомъ—съ жаромъ воскликнулъ старикъ—перенестись на 25 лѣтъ впередъ отъ того времени.

Въ 1850 году зашелъ я въ академію художествъ, посмотрѣть на выставку картинъ; вдругъ на пюпитрѣ, въ видномъ мѣстѣ, вижу писанную акварелью картину—почти снимокъ съ пресловутой каррикатуры, но уже въ типичномъ, хорошемъ смыслѣ: изображался солдатъ въ мундирѣ на распашку, безъ галстука, въ знакомыхъ синихъ широкихъ шароварахъ, запрятанныхъ въ сапоги; съ боку на тесакѣ маленькій котелокъ, возлѣ травянка и огниво съ трубкой висѣли на ремнѣ. Фонъ картины представлялъ знойный, южный день; солдатъ, видимо усталый отъ труднаго перехода, облокотился на ружье, желая отдохнуть; остановясь на минуту, повѣсилъ свой черкесскій папахъ на штыкъ и съ открытою головою «*прохлаждается*» подъ палящими лучами солнца. Можете представить мое умиленіе!

Вдругъ, неожиданно, среди мирныхъ сношеній, безъ объявленія войны, персіяне сдѣлали вторженіе въ наши владѣнія со стороны Эриванн. Многіе приписывали причину этой войны интригамъ самого Ермолова изъ желанія прославить себя. Не зная темныхъ путей политики, можно сказать только одно, что война эта застала Ермолова врасплохъ; онъ не ожидалъ

такого смѣлаго, внезапнаго набѣга отъ вялыхъ и трусливыхъ персіянъ, которыхъ, по всѣмъ вѣроятіямъ, настроили англичане, внушивъ имъ воспользоваться успѣхомъ внезапнаго нападенія на неготоваго къ тому Ермолова. Что онъ безцеремонно обращался съ персидскимъ дворомъ, часто задиралъ его и всячески старался мѣшать вліянію англичанъ въ Персіи—это правда; что онъ завистливымъ окомъ смотрѣлъ на богатую эриванскую провинцію, нужную намъ, сверхъ того, для обузданія разбойническихъ кочевыхъ татаръ или карапапаховъ, жившихъ на тогдашней пограничной чертѣ и имѣвшихъ поддержку отъ эриванскаго хана—это тоже несомнѣнно. Но, въ сравненіи съ лордомъ Клейвомъ или Гастингсомъ, Ермоловъ былъ ангелъ чистоты,—а если интрига Ермолова вывела персіянъ изъ терпѣнія и побудила начать войну, самую счастливую для Россіи по легкости завоеванія и полученной огромной контрибуціи, втрое покрывшей расходы, сверхъ пріобрѣтенія долины Аракса,—то Ермолову за эту важную для нашихъ пользъ интригу слѣдуетъ поставить памятникъ, съ означеніемъ, впрочемъ, на пьедесталѣ и услуги англичанъ тогдашней ост-индской компаніи, какъ подстрекателей къ вторженію персіянъ.

На свѣтлую голову Ермолова, въ самый важный моментъ его жизни, нашелъ туманъ. Иначе нельзя объяснить запутанности и нерѣшительности его дѣйствій при вторженіи персіянъ въ Грузію. Собирая разбросанныя по разнымъ пунктамъ войска, онъ не спѣшилъ—какъ дѣлалъ самъ прежде противъ горцевъ, или по примѣру Котляревскаго—броситься на непріятеля съ горстью отважныхъ солдатъ, которыхъ онъ зналъ не по петербургскимъ каррикатурамъ, чтобы озадачить передовыя шайки непріятеля и взбунтовавшихся нашихъ татаръ, хотя одной удачной сшибкою, и тѣмъ поддержать нравственное свое вліяніе и ободрить христіанское населеніе Грузіи, когда еще

Аббасъ-Мирза былъ на Араксѣ, или подходилъ только къ Шушѣ. Онъ могъ собрать въ теченіи 10 дней болѣе 7-ми тысячъ пѣхоты, полкъ драгунъ, два полка казаковъ и 500 человѣкъ грузинской конной милиціи, что было достаточно для начала военныхъ дѣйствій, и съ чѣмъ порѣшилъ кампанію 1826 года Паскевичъ. Замѣчательно, что съ этими-же 8-ы тысячями Паскевичъ покончилъ дѣло подъ Ахалцихомъ; а Талызинъ говорилъ въ Москвѣ—разумѣется, по инструкціи Ермолова—что онъ не можетъ двинуться, имѣя только 8000 противъ Аббасъ-Мирзы, у котораго 100 т. войска; но не только такого числа, и на-половину едва-ли могло быть, что Ермоловъ и его протеже Мазаровичъ должны были знать.

Въ такое горячее время для полководца и начальника края—Ермоловъ занимался въ Тифлисѣ собственноручно предписаніями мелкимъ начальникамъ разныхъ частей и другими не важными бумагами, составленіе коихъ есть принадлежность канцелярій; но какъ старшихъ адъютантовъ своего штаба онъ разослалъ еще прежде для исполненія должностей комендантовъ и окружныхъ начальниковъ, гдѣ они получали хорошіе оклады жалованья, то самъ-же послѣ жаловался, что заваленъ перепискою, а работать не кому. Тщетно преданные ему люди, пользовавшіеся его довѣріемъ, умоляли его выступить изъ Тифлиса къ собравшемуся уже отряду; онъ все откладывалъ, отговариваясь множествомъ дѣлъ и желаніемъ опровергнуть придирчивую переписку, на него нападавшую за его или его подчиненныхъ распоряженія, вмѣстѣ съ тѣмъ хандрилъ, сердился на непріятное, непривычное для него положеніе.

Князь Палавандовъ (*), (бывшій впослѣдствіи тифлисскимъ

(*) Князь Палавандовъ, родомъ грузинъ, при баронѣ Розенѣ сдѣланъ былъ тифлисскимъ губернаторомъ, хотя ахалцихская область не входила въ составъ его губерніи,—но перешедшіе туда изъ Турціи армянскіе

губернаторомъ), любимецъ Ермолова, говорилъ мнѣ, что онъ вмѣстѣ съ другими преданными ему, видя свои усилія безполезными, упросили престарѣлую княгиню Бебутову—мать князя Василія Осиповича, которую Ермоловъ очень уважалъ—съѣздить къ нему и объясниться съ нимъ откровенно. Эта женщина, туземная армянка, видѣла въ молодости разореніе Тифлиса Ага-Магометъ-ханомъ, на ея глазахъ совершилось не мало кровавыхъ сценъ, когда при грузинскихъ царяхъ лезгины и другіе горцы рыскали по несчастной Грузіи, какъ хищные звѣри, и, врываясь въ предмѣстіе Тифлиса—Авлабаръ, рѣ-

---

переселенцы, вмѣстѣ съ водворенными въ другихъ мѣстахъ, были въ его управленіи, какъ равно и завѣдывающіе ими офицеры. Будучи назначенъ по окончаніи войны управлять въ Ахалцихѣ переселенцами, я получилъ осенью въ 1832 году извѣстіе, что князь Палавандовъ прибудетъ въ Ахалцихъ для осмотра переселенцевъ.

По прибытіи, князь сначала занялся осмотромъ городскихъ переселенцевъ и начавшейся подъ моимъ надзоромъ постройки домовъ новаго города за рѣкою Поцховомъ, по присланному плану, но безъ пособія архитектора. Между тѣмъ князь объявилъ, что онъ будетъ осматривать по всей области переселенцевъ и поѣдетъ чрезъ Ахалкалаки по границѣ до Гумръ—нынѣшняго Александрополя, для осмотра другаго таковаго-же отдѣла, при чемъ часто склонялъ разговоръ о деревняхъ, расположенныхъ близко къ границѣ и условіяхъ той мѣстности; наконецъ, разъ на-единѣ спросилъ меня: «хорошо-ли вамъ знакома пограничная черта и какіе именно пункты должны остаться необходимо въ нашемъ владѣніи?» Я отвѣчалъ, что въ продолженіи двухъ лѣтъ, постоянно разъѣзжая верхомъ по здѣшней гористой мѣстности для осмотра и устройства переселенцевъ, я по необходимости долженъ былъ узнать всю окраину въ подробности. Прекрасно—сказалъ князь Палавандовъ—теперь я не буду прибѣгать къ распросамъ мѣстныхъ жителей, чтобы не произвести преждевременно между ними тревогу. По секрету вамъ объявляю, что часть занятыхъ теперь переселенцами земель, должна отойти обратно къ Турціи—но намъ все-таки надобно удержать самые необходимые пункты. Дѣло вотъ въ чемъ—продолжалъ князь: посланный Паскевичемъ изъ Эрзерума кругомъ чрезъ юж-

залп жителей; слѣдовательно, она не была изнѣженною, робкой женщиной мирной страны, и освоилась съ опасностями; она представила Ермолову страхъ и ужасъ, господствовавшій въ Тифлисѣ и во всей Грузіи въ ожиданіи бѣдствій, какія постигли уже нѣсколько колоній и армянскихъ деревень, злодѣйски истребленныхъ набѣгами татаръ и карапапаховъ,—передала толки и ропотъ народа на его нерѣшительность и домосѣдство, прежде не бывалыя. Ермоловъ какъ-бы воспрянулъ отъ сна, и, бросивъ всю переписку, немедленно отправился къ собравшемуся корпусу,—но время, собственно для него, было уже потеряно.

ную Россію курьеръ съ планомъ проведенія новой границы со стороны Азіятской Турціи, прибылъ въ Адріанополь, спустя три дня послѣ подписанія мирнаго трактата. Дибичъ, не зная предположеній Паскевича, провелъ прямую черту по картѣ, на-угадъ, отъ прежняго пограничнаго пункта на Черномъ морѣ, близь крѣпостцы св. Николая, по старой границѣ Гуріи и Имеретіи и при входѣ въ территорію ахалцихскаго пашалыка, назначилъ пограничную черту не менѣе двухъ часовъ разстоянія къ югу отъ Ахалциха и Ахалкалаки до Гумръ, не оговоривъ въ пользу отступленій по условіямъ мѣстности. Между тѣмъ какъ въ планѣ Паскевича требовалось оставить за Россіею, начиная отъ горы Улгаръ, крѣпостей Ардаганъ и Карсъ съ окрестными санджаками и разные пункты, подробно оговоренные. Тѣмъ болѣе прискорбна ошибка Дибича—сказалъ князь, что европейскія державы при заключеніи мира настаивали на цѣлости владѣній Турціи въ Европѣ, и мало заботились о ея азіятской территоріи. Теперь баронъ Григорій Владиміровичъ (Розенъ) очень безпокоится о проведеніи новой границы, зная ея неудобства для государства. Я сказалъ, что для необходимой прочности границы и безопасности жителей отъ разбоевъ турецкихъ шаекъ, необходимо удержать поцховское ущелье, составляющее часть санджака чалдырскаго,—иначе грабительства аджарцевъ около самаго Ахалциха и карапапаховъ на ахалкалакской плоскости будутъ неизбѣжны. Сверхъ того весь скотъ окрестныхъ деревень пасется лѣтомъ на пустынномъ хребтѣ Улгара, зимой-же скотъ ахалкалакскаго и хертвискаго санджаковъ имѣетъ пріютъ въ глубокомъ безснѣжномъ ущельѣ

Напрасно говоритъ Ермоловъ, что его пребываніе въ Тифлисѣ было необходимо для успокоенія жителей. Напротивъ, населеніе Грузіи было смущено и роптало на его бездѣйствіе и видѣло въ немъ зловѣщіе признаки для своей безопасности,—оно ожидало спасенія только отъ его личнаго

Куры; съ отходомъ этихъ мѣстностей къ Турціи, наше населеніе будетъ поставлено въ затруднительное положеніе. Поэтому я считаю необходимымъ удержать, если не весь Чалдыръ, то главное селеніе его Карзахъ и Картанакевы и самое Чалдырское озеро, которое-бы служило живою границею съ одной стороны, а съ другой—сохранить за нами необходимое ущелье по Курѣ и отрогъ Улгара, на полгода засыпанный снѣгомъ. На высотѣ Ахалциха по крайней мѣрѣ слѣдуетъ удержать входъ въ поцховское ущелье, для наблюдательнаго поста къ прегражденію выхода на долину, что будетъ подходить къ условленному разстоянію отъ Ахалциха верстъ 15. «Нельзя—сказалъ князь,—вы считаете часы разстоянія по-персидски—агачь въ 7 верстъ; въ Турціи считается въ градусѣ 20 часовъ (сагатъ), слѣдовательно, въ двухъ турецкихъ часахъ будетъ только съ небольшимъ 10 верстъ.» Тогда граница должна пройдти вблизи деревни Вале, сказалъ я,—нельзя будетъ по открытой мѣстности наблюдать за постояннымъ переходомъ на ту и другую сторону, и надобно имѣть частые казачьи посты, нѣсколько деревень перевести во внутрь территоріи, между тѣмъ какъ тѣсное и малолюдное поцховское ущелье и такой-же чалдырскій санджакъ составятъ самую ничтожную уступку со стороны Турціи, ни-сколько не нарушая ея интересовъ, и устранятъ безпрестанные пограничные ссоры и безпорядки. «Что дѣлать—сказалъ грустно князь, вы составьте записку съ изложеніемъ положенія дѣла—я ее представлю корпусному командиру.» Князь остался доволенъ моею запискою и благодарилъ за службу, и, къ удивленію моему, объявилъ, что отмѣняетъ поѣздку въ Ахалкалаки и Гумры, такъ какъ дѣла требуютъ скораго его возвращенія въ Тифлисъ; онъ осмотрѣлъ только мѣстность около Вале, и немедленно уѣхалъ чрезъ Боржомъ. Послѣ я узналъ, что Карзахъ съ извѣстною полосою земли кое-какъ отстояли,—но рыбное Чалдырское озеро и необходимыя для пасъ мѣстности около Вале отошли къ туркамъ и три деревни понадобилось переселить во внутрь страны.

Прим. автора.

командованія войсками, а не подручныхъ начальниковъ, которымъ мало довѣряло. Что въ Кахетіи и самомъ Тифлисѣ могло найтись нѣсколько безалаберныхъ головъ, сочувствовавшихъ персіянамъ и вообще всякой неурядицѣ—это такъ, но огромное большинство ожидало только страшнаго разоренія отъ персіянъ въ случаѣ ихъ успѣха, помня нашествіе Аги-Магометъ-хана при царѣ Ираклiѣ и настоящее звѣрство при разграбленіи колоній и нѣсколькихъ армянскихъ деревень. Да, въ Кахетіи хорошо знали, что ни за нее, ни противъ нея въ настоящую минуту Ермоловъ подъ рукою не имѣлъ ни одного баталіона—однако-же милицію выставляли охотно и порядокъ не нарушился, какъ случилось въ татарскихъ дистанціяхъ, болѣе близкихъ къ Тифлису. Поэтому поэтическіе дифирамбы славнаго партизана Давыдова о безпримѣрномъ самоотверженіи Ермолова, переносящемъ насъ въ лучшія времена великаго Рима, несогласны съ дѣйствительностію.

Также несправедливо бросаетъ онъ тѣнь на имя знаменитаго Грибоѣдова въ двоедушіи и неблагодарности къ Ермолову. Что Грибоѣдовъ былъ человѣкъ желчный, неуживчивый—это правда, что онъ худо ладилъ съ тогдашнимъ строемъ жизни и относился къ нему саркастически—въ этомъ свидѣтельствуетъ «Горе отъ ума»; но нѣтъ поводовъ сомнѣваться въ благородствѣ и прямотѣ Грибоѣдова потому только, что онъ разошелся съ Ермоловымъ или былъ къ нему непріязненъ при паденіи, сдѣлавшись близкимъ человѣкомъ Паскевичу. Во первыхъ—онъ былъ съ послѣднимъ въ родствѣ, пользовался полнымъ его довѣріемъ и ему обязанъ послѣдующей карьерой; тогда какъ у Ермолова Грибоѣдовъ составлялъ только роскошную обстановку его штаба, былъ умнымъ и ѣдкимъ собесѣдникомъ, что Ермоловъ любилъ, но никогда не былъ къ нему близкимъ человѣкомъ, какъ къ Паскевичу. Что касается

объ услугѣ, какую будто-бы вправѣ былъ ожидать Грибоѣдовъ лишь отъ роднаго отца, какъ говоритъ Давыдовъ, то едва-ли это такъ (*). Извѣстно, что Грибоѣдовъ былъ привезенъ изъ Грузіи по подозрѣнію въ дѣлѣ 14-го декабря и содержался нѣкоторое время подъ арестомъ въ главномъ штабѣ,—но послѣ оправданъ болѣе потому, что онъ былъ всегда врагомъ Якубовича и стрѣлялся съ нимъ на дуэлѣ. Тутъ заступничество Ермолова могло только повредить поэту, ибо и Якубовичъ пользовался тоже расположеніемъ Ермолова и бывалъ его собесѣдникомъ. Второе—Грибоѣдовъ, чувствуя превосходство своего ума, не могъ въ тайнѣ не оскорбляться, что онъ составляетъ только штатъ Ермолова по дипломатической части, но не имѣетъ отъ него серьезныхъ порученій, и предпочитается ему какой-то авантюристъ Мазаровичъ—пришлый докторъ изъ Сербіи или Далмаціи, рекомендованный Капо д' Истріа, и къ которому онъ посланъ былъ въ тавризскую миссію совѣтникомъ; но съ нимъ онъ, разумѣется, не ужился, и возвратился въ Тифлисъ послѣ исправленія его должности во время отпуска. Тогда какъ Грибоѣдовъ изучилъ персидскій языкъ, слѣдилъ за его литературой и нравами персіянъ—могъ-ли онъ, при своихъ прекрасныхъ дарованіяхъ, писать бумаги въ Тифлисъ, которыя возбуждали въ канцеляріи Ермолова лишь смѣхъ, какъ говоритъ Давыдовъ? Вѣроятнѣе—какимъ саркастическимъ смѣхомъ разразился Грибоѣдовъ надъ тупоуміемъ и оплошностію Мазаровича, невидавшимъ и неугадавшимъ сборовъ персіянъ къ открытію военныхъ дѣйствій и непредупредившимъ во-время Ермолова. А сборы, какъ говоритъ самъ

(*) Мы сомнѣваемся, чтобы Ермоловъ имѣлъ возможность дать Грибоѣдову часъ времени на истребленіе бумагъ; когда пріѣхавшій фельдъегерь засталъ Грибоѣдова за ужиномъ у Ермолова, то, конечно, онъ слѣдилъ каждый его шагъ.

Прим. автора.

Ермоловъ—по персидскимъ порядкамъ, были продолжительные, которые, по извѣстной продажности персіянъ и ихъ копотливости и неумѣлости въ сложныхъ операціяхъ, легко можно было открыть заблаговременно. Какъ смѣялся, надобно полагать, Грибоѣдовъ надъ довѣрчивостію Ермолова, когда тотъ принималъ за чистую монету донесенія нашего посланника Мазаровича, что персидскія регулярныя войска ни въ чемъ не уступятъ нашимъ кавказскимъ солдатамъ и могутъ помѣриться съ ними въ силахъ въ равномъ числѣ, и, что теперь не тѣ персіяне, которыхъ огромныя полчища громили съ горстью солдатъ Котляревскій и другіе его современники. Эти безтолковыя донесенія, непонимавшаго военнаго дѣла Мазаровича, которому такъ много вѣровалъ Ермоловъ, и ввели его въ заблужденія, заставивъ дѣйствовать осторожно и медленно и мало надѣяться на имѣвшіяся у него подъ рукою силы, съ которыми—какъ доказалъ впослѣдствіи подъ Елисаветполемъ Паскевичъ—легко можно было управиться съ персіянами (*).

(*) —А вы знавали Грибоѣдова? спросилъ я неумолкавшаго въ своихъ разсказахъ старика, безпрестанно сворачивавшаго въ разныя стороны въ своихъ воспоминаніяхъ.

— Немного зналъ—отвѣчалъ онъ. Командиромъ нашего херсонскаго гренадерскаго полка былъ тогда полковникъ Поповъ, очень молодой человѣкъ, лѣтъ 26, сынъ извѣстнаго въ свое время Василія Степановича, правителя дѣлъ при Потемкинѣ, довѣренное его лицо и послѣ статсъ-секретарь Екатерины.

—Вотъ, думаю, куда занесло старика—спрашиваю о Грибоѣдовѣ, а онъ отвѣчаетъ о Поповѣ. Про него и Фалеева—интенданта и финансоваго администратора Потемкина—ходила во-время оно такая вирша:

Коль хочешь знать Потемкинъ кто таковъ,
Отвѣтъ дадутъ Фалеевъ и Поповъ.

У Василія Степановича и послѣ у графа Самойлова служилъ въ канцеляріи отецъ Алексѣя Петровича, имѣлъ чинъ статскаго совѣтника—

Покойный императоръ Николай Павловичъ справедливо находилъ, при вторженіи персіянъ въ Грузію, въ частныхъ исполненіяхъ—оплошность непомѣрную. Напримѣръ: командиръ тифлисскаго полка, расположеннаго на границѣ эриванскаго ханства, князь Севардземидзевъ, родомъ грузинъ, знавшій туземные языки и населеніе, имѣлъ порученіе въ нѣкоторыхъ случаяхъ сноситься съ эриванскимъ ханомъ, наблюдать надъ жителями, которые постоянно бывали по торговымъ

по-тогдашнему значительный—и Владиміра 2-й степени со звѣздою. Нашъ Ермоловъ юношею жилъ въ домѣ старика Самойлова, и по этимъ связямъ Алексѣй Петровичъ принималъ отеческое участіе въ молодомъ Поповѣ и графѣ Самойловѣ, служившихъ у него адъютантами. Оба молодые люди, съ значительнымъ состояніемъ, любили пожить на широкую руку и пожуировать; графъ Самойловъ, при высокомъ ростѣ, обладалъ необыкновенною красотою, ловкостію и силою,—по характеру и наружности его справедливо называли русскимъ Алкивіадомъ, нѣкоторые находили въ немъ сходство съ Алексѣемъ Петровичемъ, только черты лица были граціознѣе, женственнѣе. Ермоловъ, когда у него было меньше дѣлъ, изрѣдка навѣщалъ штабъ-квартиры полковъ близкихъ къ Тифлису, гдѣ онъ дней семь отдыхалъ въ жары въ болѣе прохладномъ климатѣ. Вотъ, разъ онъ пріѣхалъ къ намъ въ городъ Горн съ большою свитою—въ ней находились изъ дипломатической канцеляріи Грибоѣдовъ и Тимковскій. Грибоѣдовъ былъ хорошаго роста, довольно интересной наружности—брюнетъ, съ живымъ румянцемъ и выразительной физіономіей, съ твердой рѣчью. Я былъ тогда полковымъ адъютантомъ, канцелярія и вмѣстѣ моя квартира помѣщались противъ дома полковника, гдѣ расположился Алексѣй Петровичъ съ пріѣхавшими гостями у тароватаго амфитріона. Разъ по-утру, часу въ 10-мъ, входитъ ко мнѣ въ канцелярію Грибоѣдовъ и проситъ позволенія пробыть въ моей квартирѣ до обѣда,—я отвѣчалъ готовностію услужить, такъ какъ все это время долженъ былъ заняться въ канцеляріи дѣломъ и ему никто не помѣшаетъ. «Да, не помѣшаетъ,—нѣтъ ужъ, одолжите, если будетъ спрашивать меня Тимковскій, такъ скажите, что не знаете гдѣ я».—Я сказалъ, что поставлю къ дверямъ своей квартиры вѣстоваго съ приказаніемъ говорить, что никого нѣтъ.—«И пре-

дѣламъ въ Эриванѣ—какъ главномъ пунктѣ сообщенія и торговли съ Тавризомъ,—а онъ ничего не зналъ о сборищѣ большихъ силъ близъ границы у персіянъ, повторяю, всегда медленныхъ и безтолковыхъ и падкихъ на деньги, чтобы удержать въ секретѣ. Впрочемъ, эти большія силы, какъ пишетъ Ермоловъ, сдѣлавшія первоначальное нападеніе на укрѣпленіе Миракъ, весьма сомнительны въ своей численности,—ибо въ

красно!» отвѣтилъ Грибоѣдовъ.—Такое отношеніе Грибоѣдова къ Тимковскому меня удивило. Еще онъ не былъ извѣстенъ (въ 1822 г.), какъ даровитый писатель. Между тѣмъ Тимковскій имѣлъ у насъ какую-то авторитетность умнаго человѣка, много видѣвшаго, и кажется кое-что понисывавшаго, хотя бонъ-вивана, но хорошаго разсказчика. Разъ, помню, за обѣдомъ зашла рѣчь объ одномъ важномъ дипломатическомъ лицѣ; Ермоловъ обвинялъ его въ продажности и недостаткѣ патріотизма. «Ну, нѣтъ, ваше превосходительство—это несправедливо. Н.. большой патріотъ, сказалъ Тимковскій,—онъ чрезвычайно любитъ своихъ соотечественниковъ—голландскіе червонцы». Ермоловъ расхохотался. Тутъ склонился разговоръ о Потемкинѣ; сидѣвшій за столомъ маіоръ Титовъ, комендантъ въ Гори, объяснилъ—куда дѣвались смертные останки Потемкина. Баталіонъ херсонскаго полка стоялъ въ Херсонѣ, когда воцарился Павелъ,—баталіономъ командовалъ полковникъ князь Шаховскій, бывшій послѣ командиромъ гренадерскаго корпуса,—Титовъ у него былъ адъютантомъ. Разъ вечеромъ Шаховскій требуетъ Титова, у него нашелъ онъ прибывшаго фельдъегеря, привезшаго за подписомъ императора повелѣніе «старшему воинскому начальнику въ Херсонѣ», гдѣ говорилось: «что бальзамированіе покойниковъ и погребеніе въ церквахъ принадлежитъ только лицамъ царскаго дома, почему—ночью вынуть изъ церковнаго склепа тѣло покойника Потемкина и, положивъ въ простой гробъ, схоронить на городскомъ кладбищѣ.» Сейчасъ были посланы Титовымъ солдаты вырыть скорѣе могилу и до-разсвѣта тѣло Потемкина было перенесено въ новое жилище. Распоряженіе это велѣно было хранить въ тайнѣ, и фельдъегерь отправился сейчасъ обратно съ донесеніемъ объ исполненіи. «Если-бы мнѣ теперь велѣно было отыскать его могилу, я-бы ни-какъ не могъ этого исполнить, забывъ мѣсто»—говорилъ Титовъ,

Прим. автора.

этомъ укрѣпленіи, зная тогдашнее распредѣленіе войскъ, не могло быть болѣе двухъ ротъ—и то едва-ли, а онѣ безъ потери отступили къ Гумрамъ, въ мѣстности открытой, гдѣ многочисленная персидская кавалерія могла нанести значительный вредъ. Послѣ того эриванскій сардарь допустилъ Севардземидзева, также безъ потери, со всѣмъ штабнымъ хозяйствомъ и полковымъ имуществомъ, перейти изъ своей штабъ-квартиры Караклиса на Каменную рѣчку, чрезъ страшную гору Безобдалъ на протяженіи 7-ми верстъ крутаго подъема, покрытаго лѣсомъ, предъ коимъ Крестовая и Гуть-гора—въ прежнемъ еще видѣ—сравнительно ничто. Чего-же было послѣ этого бояться эриванскаго сардаря, дѣйствовавшаго только небольшими шайками конныхъ персіянъ и карапапаховъ въ нашихъ предѣлахъ; пѣхоты-же его, не говоря объ артилеріи, не было видно въ массахъ, и Севардземидзевъ не имѣлъ ни одной горячей стшбки, хотя Каменная рѣчка всего верстъ 12—15 отъ Караклиса, откуда онъ уже не трогался и преспокойно строилъ укрѣпленіе Джелалъ-оглу.

Командиръ 42 егерскаго полка, полковникъ Реутъ, въ Карабагѣ то-же дремалъ. Ему нечего было торопиться—прятаться въ крѣпость, когда непріятель былъ далеко, онъ могъ частію полка занять Шушу, а съ другою на-легкѣ идти къ Герюсамъ для облегченія отступленія баталіону подполковника Назимки и употребить строгое настояніе о поспѣшномъ выступленіи изъ Герюсъ. Между тѣмъ, предписаніе объ отступленіи шло медленно—да еще на бѣду получено было во время раздачи солдатамъ жалованья, когда, по заведенному обычаю, бываетъ у солдатъ разгулъ въ бѣдной развлеченіями кавказской военной жизни; внезапность неожиданнаго отступленія, ералашъ въ головѣ—замедлили выходъ баталіона на цѣлыя сутки; настигнутый въ тѣсномъ каменистомъ ущельи огромнымъ

скопищемъ персіянъ и взбунтовавшихся татаръ, баталіонъ, растрѣлявъ всѣ патроны, погибъ съ двумя орудіями, которыя, если-бы бросилъ вмѣстѣ съ артельными повозками и багажемъ, то могъ-бы спастись горною тропинкою. Аббасъ-Мирза, командуя 25 т. войска, велъ осаду Шуши, куда скрылся съ полкомъ Реутъ, съ ребяческимъ искусствомъ и боязнію; никакой крайности не предстояло осажденнымъ, а между тѣмъ, по предложенію Аббасъ-Мирзы, Реутъ отдалъ въ заложники ему коменданта крѣпости, маіора Челаева. Бѣдный Челаевъ представлялъ—что комендантъ въ военное время не долженъ оставлять крѣпости, что въ заложники можно послать другаго штабъ-офицера, а онъ, комендантъ, долженъ оставаться при своемъ мѣстѣ. Но Аббасъ-Мирза требовалъ именно его, съ условіемъ, что онъ не будетъ штурмовать крѣпости, пока нарочно посланный не привезетъ отъ Ермолова приказанія о сдачѣ оной и гарнизона военноплѣннымъ—на что Реутъ согласился. Посланный изъ крѣпости маіоръ Клюки-фонъ-Клюгенау, извѣстный впослѣдствіи генералъ, уже не возвращался назадъ изъ Тифлиса, а Ермоловъ послалъ къ Реуту съ своимъ лазутчикомъ записку, писанную по-польски, такъ какъ на другомъ языкѣ бывшіе съ персіянами англичане и бѣглые русскіе могли прочитать,—«если хочешь, что-бы твоя голова осталась на плечахъ, то ты не долженъ сдавать крѣпости (*). Челаевъ, послѣ плѣна переведенный въ нашъ полкъ, горько жаловался на распоряженіе Реута и свою судьбу. У него, начиная съ часовъ и денегъ, отобрали всѣ необходимыя вещи, держали взаперти во все время плѣна, кончившагося съ заключеніемъ мира—и послѣ не дали ему вознагражденія.

Ермоловъ въ своихъ запискахъ о персидской кампаніи и концѣ своей службы на Кавказѣ не высказывается вполнѣ и

(*) Поляковъ тогда у насъ служило мало и то офицерами.

Прим. автора.

говоритъ не-рѣдко съ задней мыслію, желая себя или своихъ подчиненныхъ оправдать и только упоминаетъ вскользь о безалаберномъ и трусливомъ маіорѣ Ильинскомъ. Этотъ Ильинскій, служа въ преображенскомъ полку, въ началѣ двадцатыхъ годовъ женился на плохой и даже не красивой актрисѣ. Тамъ не хотѣли его держать, а отецъ, старый зажиточный дворянинъ, къ себѣ не принималъ—вотъ онъ по неволѣ и перешелъ въ нашъ грузинскій полкъ маіоромъ; на видъ онъ былъ довольно ловкій офицеръ и, командуя у насъ баталіономъ, держалъ себя порядочно; Ермоловъ, желая ему дать ходъ, назначилъ его командиромъ отдѣльнаго каспійскаго морскаго баталіона, расположеннаго въ крѣпости Ленкорани, и вмѣстѣ комендантомъ крѣпости и управляющимъ талышинскимъ ханствомъ. Тамъ отъ климата онъ потерялъ жену и, вѣроятно, отъ скуки, непривычной пустынной жизни, началъ съ офицерами кутить, распустилъ баталіонъ, и въ заключеніе, передъ самой войной, укралъ вдову какого-то хана, съ тѣмъ, чтобы ее окрестить и на ней жениться. Послѣднее, разумѣется, взволновало татаръ, перешедшихъ сейчасъ съ извѣстіемъ о вторженіи персіянъ въ возстаніе. Тогда Ильинскій, нисколько не думая объ оборонѣ, бросилъ крѣпость и переправился съ баталіономъ на ближайшій островъ Сару, гдѣ находилась каспійская флотилія.

Сверхъ не-разъ высказаннаго Ермоловымъ желанія императору Александру 1-му о необходимости войны съ персіянами, ему извѣстны были и подстрекательства англичанъ къ этой войнѣ персидскаго шаха, и это показываетъ одинъ курьезный случай передъ самымъ началомъ войны. Англійскій полковникъ, проѣзжая чрезъ Петербургъ въ Персію, остановился въ Тифлисѣ отдохнуть отъ длиннаго пути, и долго откладывалъ свой выѣздъ далѣе по разнымъ причинамъ. Полковникъ былъ огромнаго роста, выказывалъ опыты необыкновенной силы, любилъ

покутить, часто сходился съ штабными лицами, пировалъ съ жителями и постоянно бывалъ въ военной формѣ на нашихъ разводахъ. Баталіонъ нашего полка стоялъ тогда въ Тифлисѣ для карауловъ; командиръ 1-й гренадерской роты, поручикъ Зубковъ, исправный служивый, по покутить тоже былъ не прочь, обладалъ огромною силою, чего нельзя было заключить по наружности: средняго роста, сухощавъ, только въ плечахъ и груди былъ очень широкъ. Его знали по всѣмъ увеселительнымъ закоулкамъ, гдѣ собиралась молодежь, и остерегались затрогивать. Разъ вечеромъ отправился Зубковъ въ одно веселенькое мѣстечко и расположился тамъ, какъ дома, на ночлегъ. Въ полночь явился туда-же англичанинъ очень на-веселѣ, началъ шумѣть, задирать Зубкова и хотѣлъ отнять у него его пріобрѣтеніе. Взбѣшенный наглостію англичанина, Зубковъ далъ ему такой ударъ, что тотъ покатился на полъ и не-скоро пришелъ въ себя. Пьяный и ошеломленный ударомъ, англичанинъ едва могъ съ помощію другихъ добраться до дома, но уходя, грозилъ пожаловаться Ермолову. На-утро Зубковъ сообразилъ, что ему можетъ обойтись очень дурно ночное похожденіе, ибо зналъ, что англичанинъ, какъ казалось, былъ ласково принятъ Ермоловымъ и сошелся съ разными вліятельными лицами штаба. Зубковъ рѣшился отправиться къ довѣренному адъютанту Ермолова, Талызину, и просить его заступничества. Талызинъ началъ въ нашемъ полку службу юнкеромъ, зналъ Зубкова и его силу, но все-таки не хотѣлъ вѣрить, чтобы онъ такъ легко могъ справиться съ силачемъ англичаниномъ; Зубковъ-же наивно клялся, что только наглость пьянаго англичанина вывела его изъ терпѣнія и заставила употребить всю силу своего кулака.

Отправясь немедленно къ Ермолову, Талызинъ, зная продѣлки англичанина, разсказалъ происшествіе. «Да вѣдь я, бра-

тецъ, знаю Зубкова—неужто у него такая сила, чтобы онъ могъ свалить Голіафа,—сказалъ весело Ермоловъ; да скажи пожалуйста—таки онъ его пластомъ и положилъ?»—Зубковъ даже испугался, полагая, что онъ убилъ англичанина, такъ какъ онъ былъ нѣсколько минутъ безъ чувствъ,—отвѣчалъ Талызинъ.—«Ну, подѣломъ ему, каналью; однако, скажи Зубкову, чтобы впредь онъ не давалъ воли своимъ кулакамъ, а то будетъ ему отъ меня плохо, но на этотъ разъ его прощаю»(*). Является вскорѣ англичанинъ и между разговоромъ приноситъ жалобу на Зубкова, что тотъ сдѣлалъ ему «грубую выходку при встрѣчѣ *въ одномъ мѣстѣ*». Ермоловъ, будто ничего не зная, обѣщаетъ строго взыскать съ виновнаго, между тѣмъ сталъ спрашивать, гдѣ именно встрѣтился онъ съ нимъ. Англичанинъ сталъ заминаться, Ермоловъ настаивалъ объяснить откровенно дѣло, такъ какъ онъ хочетъ строго взыскать за буйство. Когда-же англичанинъ все высказалъ, Ермоловъ сказалъ: «въ такомъ случаѣ, я не могу вамъ сдѣлать удовлетворенія,—я знаю Зубкова и самъ боюсь встрѣтиться съ нимъ въ подобномъ мѣстѣ—онъ и мнѣ спуску не дастъ!» Послѣ такого рѣшенія англичанинъ выѣхалъ на другой день въ Персію, чего такъ желалъ Ермоловъ, не зная, какими благовидными средствами выжить его изъ Тифлиса, такъ какъ Ермолову было хорошо извѣстно, что англичанинъ шпіонилъ, сносился съ разными подозрительными личностями, откладывая подъ пустыми предлогами свой выѣздъ.

Когда назначенъ былъ Паскевичъ въ помощники Ермолову, то, конечно, послѣдній понималъ сущность дѣла, но при разводѣ заявилъ, что очень радъ имѣть помощникомъ такого

(*) Ермоловъ самъ имѣлъ необыкновенную силу и питалъ маленькую слабость къ силачамъ.

Пр. автора.

достойнаго храбраго генерала, съ которымъ онъ знакомъ еще съ кампаніи 1812 года. Между тѣмъ въ Высочайшемъ приказѣ была неясность, именно: генералъ-адъютантъ Паскевичъ назначался командиромъ кавказскаго корпуса, объ Ермоловѣ же ничего не было сказано; послѣ уже, въ другомъ приказѣ говорилось мимоходомъ, что назначаются адъютанты къ генералъ-адъютанту Паскевичу, состоящему подъ главнымъ начальствомъ генералъ-отъ инфантеріи Ермолова.

Событія персидской кампаніи и въ послѣднее время служба Ермолова на Кавказѣ принадлежатъ исторіи,—я передаю только нѣкоторыя частности этого времени, что осталось у меня въ памяти, или что я случайно зналъ.

Принятый Ермоловымъ очень любезно, Паскевичъ отправился командовать къ собравшемуся отряду на Гассанъ-су. Сначала не было у нихъ размолвки. Когда князь Мадатовъ, командуя авангардомъ, разбилъ на-голову сильный персидскій авангардъ подъ Шамхоромъ, и Ермоловъ принялъ команду надъ корпусомъ, то опасаясь, что при дальнѣйшемъ движеніи съ небольшими силами князь Мадатовъ, при своей удалой отвагѣ, послѣ блестящаго успѣха, можетъ увлечься и, вступивъ въ непрерывный бой, понести пораженіе,—послалъ Паскевича и начальника своего штаба Вельяминова, съ бо́льшею частію отряда, на соединеніе съ Мадатовымъ, поступившимъ уже подъ его начальство (*). Ермоловъ желалъ дѣйствовать по обстоятельствамъ, но не вступать въ рѣшительный бой съ главными силами Аббасъ-Мирзы, а стараться отвлечь его отъ Шуши во внутрь страны, и по прибытіи подкрѣпленій, нанести уже непріятелю рѣшительный ударъ. Паскевичъ распорядился по

(*) Хотя въ частной перепискѣ Ермоловъ и извиняется предъ Мадатовымъ въ такомъ распоряженіи, но это надобно считать дипломатической тонкостію, чтобы не оскорбить любимаго имъ генерала.

своему: соединясь съ авангардомъ Мадатова, онъ двинулся впередъ на неожиданно прибывшаго къ Елисаветполю со всею арміею Аббасъ-Мирзу, и разбилъ его на-голову. Казаки едва успѣвали брать въ плѣнъ отсталыхъ бѣжавшаго безъ оглядки непріятеля, очутившагося на четвертый день за Араксомъ.

Я не могу угадывать, что перечувствовалъ Ермоловъ при первой вѣсти о совершенномъ разбитіи персіянъ, стоя съ остальною частію отряда при Гассанъ-су,—но ходили слухи, за которые, впрочемъ, не ручаюсь, что эта вѣсть о побѣдѣ Паскевича смутила его. Тутъ, вѣроятно, понялъ онъ всю нелѣпость свѣдѣній о Персіи Мазаровича и важность своей ошибки. Во всякомъ случаѣ, Россія лишилась чрезъ Елисаветполь въ Ермоловѣ фельдмаршала съ замѣчательными способностями, а край потерялъ полезнаго администратора, какихъ отыскалось и прежде и послѣ не-много, особливо относительно государственнаго бюджета.

Если-бы Ермоловъ самъ пошелъ къ Елисаветполю на соединеніе съ Мадатовымъ, оставя Паскевича или кого другаго на Гассанъ-су, то онъ точно также разбилъ-бы персіянъ—и тріумфъ побѣды принадлежалъ-бы ему: тогда не было-бы предлога къ его удаленію.

Я слышалъ отъ князя Палавандова и отъ другихъ, что когда получено было покойнымъ государемъ Николаемъ Павловичемъ въ Москвѣ донесеніе о дурномъ положеніи дѣлъ въ Грузіи, то посланному туда Паскевичу дано было полномочіе, смотря по положенію дѣлъ, объявить Ермолову Высочайшее повелѣніе объ его удаленіи и самому вступить немедленно въ командованіе корпусомъ и краемъ. Но Паскевичъ такъ уважалъ Ермолова и такъ велико было обаяніе послѣдняго на окружающее, что Паскевичъ не рѣшился на этотъ шагъ, боясь дурныхъ послѣдствій, не смотря на возникшія между ними неудовольствія

послѣ елисаветпольскаго сраженія, когда Ермоловъ сталъ ограничивать дальнѣйшія военныя дѣйствія Паскевича, не дозволивъ ему преслѣдовать за Араксомъ Аббасъ-Мирзу, находя это опаснымъ,—тогда какъ послѣ, съ гораздо слабѣйшимъ отрядомъ, былъ посланъ имъ туда-же Мадатовъ, который легко разогналъ персидскія войска и завладѣлъ огромными запасами заготовленнаго персіянами продовольствія, такъ что не имѣя возможности взять все съ собою на отбитыхъ 2000 верблюдахъ, при возвращеніи долженъ былъ истребить добычу.

Поставленный вдругъ судьбою въ самое выгодное положеніе, но не знакомый съ мѣстными условіями и подчиненными ему лицами, недовольный Ермоловымъ, Паскевичъ подозрѣвалъ во всемъ около себя интригу, и потому былъ сначала недовѣрчивъ къ начальникамъ частей, бывшимъ довѣреннымъ Ермолова, вслѣдствіе чего былъ строго требователенъ, взыскателенъ за самыя неважныя упущенія или неисполненія, происходившія часто отъ мѣстныхъ причинъ, недоразумѣній, или заведенныхъ прежде порядковъ, которыхъ Паскевичъ не хотѣлъ знать. Полковымъ командирамъ и начальникамъ частей доставалось больше всего, войскамъ тоже—за все брань и аресты; строгое требованіе служебной формальности, не смотря на то, что войска были въ постоянномъ движеніи до января мѣсяца подъ открытымъ небомъ, не видя квартиръ полгода. Разумѣется, въ такомъ положеніи, запачканные грязью, въ изорванной аммуниціи, войска были не казисты; въ сердцахъ онъ не рѣдко говорилъ солдатамъ: «мнѣ стыдно показать васъ непріятелю.» Но строгихъ наказаній или исключеній изъ службы не было. Очень можетъ статься—какъ надобно судить по послѣдствіямъ, онъ думалъ иначе, но такъ, можетъ быть, надобно было говорить: это было что-то въ родѣ пресловутыхъ очередныхъ распеканій полковъ во время оно. Почти всѣ под-

ковые командиры и другіе начальники низшихъ инстанцій прослужили подъ его начальствомъ персидскую и турецкую кампаніи и были щедро награждены. Если два лучшіе генерала—начальникъ штаба Вельяминовъ и князь Мадатовъ—были переведены на службу въ Россію, то тутъ не послѣднее мѣсто занимало ихъ собственное желаніе, также и партизана Давыдова, возвратившагося вмѣстѣ съ Ермоловымъ.

Какъ я уже замѣтилъ—продолжалъ старикъ—планъ кампаніи 1827 года послѣ взятія Абассъ-Абада состоялъ въ томъ, чтобы въ сентябрѣ идти за Араксъ на Тавризъ, хотя лучшебы было, если-бы вмѣсто несчастной, нездоровой стоянки отряда въ Карабабѣ, идти-бы по взятіи этой крѣпости, въ исходѣ или даже въ половинѣ іюля, не останавливаясь, къ Тавризу, такъ какъ, перейдя Араксъ, мы нашли-бы хлѣбъ уже сжатымъ, мѣстность здоровую, жары менѣе знойные,—ибо отъ джульфинской переправы начинаются безлѣсныя горы и мѣстность вплоть до Тавриза становится возвышенною, волнистою. Тавризъ и область его Аддербейджанъ отличаются въ Персіи хорошимъ климатомъ и плодородіемъ, кромѣ фруктовъ, которые въ умѣренной полосѣ не такъ роскошны и изобильны, какъ въ жаркой долинѣ Аракса.

Однако-же и эти предположенія Паскевича не сбылись; въ первыхъ числахъ сентября или послѣднихъ августа, вмѣсто Тавриза, онъ долженъ былъ неожиданно идти поспѣшно съ главными силами своего корпуса обратно къ Эривани на выручку отряда генералъ-лейтенанта Красовскаго, разбитаго на Аштаракѣ войсками Аббасъ-Мирзы. Пожалуй—сказалъ старикъ—военные историки персидской кампаніи назовутъ меня лжецомъ, что такъ называю побоище подъ Аштаракомъ Красовскаго и объявятъ его побѣдою, ссылаясь на календарь, куда такъ занесли это несчастное для насъ сраженіе. Но

персидская война ведена такъ для насъ счастливо, что не слѣдуетъ скрывать и неудачъ, которыхъ было всего двѣ—въ Герюсахъ и подъ Аштаракомъ.

Генералъ Красовскій, съ 7-ю или 8-ю баталіонами пришедшей изъ Россіи 20-й дивизіи, стоялъ лагеремъ на Башъ-Абаранской возвышенной плоскости, наблюдая за Эриванью, блокада съ которой была снята съ движеніемъ главнаго корпуса къ Нахичевани,—но оставленъ былъ гарнизонъ изъ баталіона въ Эчміадзинѣ—патріаршемъ монастырѣ, святынѣ армянской, въ 12-ти верстахъ отъ Эривани. Въ одно утро августа докладываетъ адъютантъ Красовскому, что въ Эчміадзинѣ мало провіанта и показываетъ провіантскую вѣдомость, въ которой, между многочисленными графами разныхъ подвижныхъ и постоянныхъ магазиновъ, значилось въ эчміадзинскомъ магазинѣ къ 1-му августа только до 40 четвертей провіанта, такъ что продовольствіе должно быть на-исходѣ. Красовскій приказалъ немедленно изготовить значительный транспортъ хлѣба на воловыхъ арбахъ, и на другой день пошелъ самъ конвоировать транспортъ съ 5 или 6-ю баталіонами далеко не комплектными, оставя войска для защиты вагенбурга.

День былъ необыкновенно знойный, мѣстность безводная, усѣянная по сторонамъ огромными камнями, могущими закрывать стрѣлковъ; неуклюжія арбы часто ломались, задерживая движеніе и растягивая прикрытіе, солдаты были страшно утомлены, задыхаясь отъ жажды; въ это время Аббасъ-Мирза, имѣя болѣе 15/т., прибывъ подъ Эривань съ желаніемъ дѣйствовать на тылъ Паскевича, напалъ на Красовскаго; надобно было защищать растянувшійся транспортъ и отбиваться отъ непріятеля, который по обѣимъ сторонамъ дороги, занимая за каменьями выгодные пункты, наносилъ большой вредъ нашимъ войскамъ батарейною и ружейною пальбою;

когда наши бросались въ штыки, желая сбить непріятеля—онъ отступалъ и послѣ опять наступая, осыпалъ градомъ пуль своихъ многочисленныхъ стрѣлковъ изъ за каменьевъ; сломавшіяся или подбитыя арбы заграждали узкую дорогу другимъ. Замѣшательство усилилось, люди падали истомленные жаромъ и жаждою и падали во множествѣ отъ пуль непріятеля; генералъ Красовскій лично оказывалъ отличное мужество, самъ водилъ роты сбивать непріятельскія позиціи, не смотря на полученную сильную контузію ядромъ въ плечо. Командиръ крымскаго полка полковникъ Головинъ, одушевляя солдатъ своею примѣрною храбростію, былъ убитъ, многихъ отличныхъ офицеровъ постигла та-же участь; отрядъ, поражаемый съ обѣихъ сторонъ, продолжалъ двигаться къ Эчміадзину еще мало разстроенный,—но вотъ показались монастырскія стѣны, верстахъ въ 2-хъ отъ нихъ въ широкой канавѣ, для поливки полей, протекала хорошая вода, солдаты бросились въ безпорядкѣ пить воду—и никакая сила не могла поднять ихъ съ земли. Персіяне бросились въ эту минуту рубить солдатъ—утомленіе отъ жары и жажды отняло силы до самозабвенія, такъ что у одного рѣзали голову, а возлѣ другой лежалъ растянувшись и глоталъ воду, не думая обороняться. Истребленіе нашихъ здѣсь было страшное; по своему варварскому обычаю, какъ подлые трусы, персіяне не давали пощады слабому, и рѣзали безпощадно головы, не забирая въ плѣнъ даже раненыхъ; артилерія, не надѣясь на прикрытіе, поскакала къ монастырю, болѣе сильные бѣжали въ безпорядкѣ за нею—только безпримѣрная трусость персіянъ и невѣжество въ военномъ дѣлѣ помогли разстроеннымъ остаткамъ отряда добраться до Эчміадзина. Изъ 2500 или 3000 своего войска, Красовскій потерялъ болѣе тысячи человѣкъ со всею аммуниціей и транспортомъ.

Между тѣмъ оказалось, что спѣшить доставленіемъ провіанта гарнизону было не къ чему, такъ какъ его было достаточно еще на мѣсяцъ впередъ: вышла ошибка адъютанта, принявшаго графу показывающую крупу, за графу, въ которой значились сухари или мука. А только два дня нужно было подождать прибытія кабардинскаго полка, который въ усиленномъ тогдашнемъ кавказскомъ составѣ, около 300 человѣкъ въ ротѣ, переправился уже чрезъ Безобдалъ съ осадною артилеріей и спѣшилъ на соединеніе съ Красовскимъ. Посланъ былъ лазутчикъ къ командиру кабардинскаго полка, полковнику Швецову, съ приказаніемъ спѣшить на помощь къ нему, оставя осадную артилерію въ вагенбургѣ, и чтобы онъ шелъ чрезъ Аштаракъ ночью и приблизясь до утра къ Эчміадзину версты на три, далъ сигналъ выстрѣломъ два раза изъ пушки, а чрезъ 10 минутъ повторилъ тоже самое, и когда получитъ въ отвѣтъ три выстрѣла изъ Эчміадзина, то чтобы немедленно двинулся на соединеніе. Швецовъ исполнилъ въ точности приказаніе, и не доходя роковой канавы, далъ условленный сигналъ; каково-же было его изумленіе—онъ не получаетъ отвѣта; полагая, что монастырь взятъ персіянами и весь отрядъ истребленъ, Швецовъ пришелъ въ затрудненіе. Онъ уже прошелъ скорымъ маршемъ 30 верстъ въ продолженіе ночи; съ разсвѣтомъ на него долженъ напасть непріятель и ему, пробиваясь, должно спѣшить на спасеніе вагенбурга. Однако Швецовъ, тотъ самый, что захваченъ былъ когда-то горцами въ плѣнъ—изъ людей ни въ какомъ случаѣ не боявшихся бросаться на врага, не измѣнилъ и тутъ своей натурѣ: онъ рѣшился узнать, во что-бы ни-стало, о судьбѣ отряда, и чрезъ нѣсколько времени повторилъ сигналъ,—тутъ только получилъ желанный отвѣтъ. Объятые страхомъ послѣ пораженія и угрожаемые ежечасно нападеніемъ Аббасъ-Мирзы,

въ отрядѣ не могли подумать, чтобы безъ перестрѣлки могъ приблизиться Швецовъ и такъ аккуратно по времени, когда онъ могъ еще не достигнуть вагенбурга. Почему полагая, что лазутчикъ схваченъ персіянами, записка прочтена, и данъ ими фальшивый сигналъ, поэтому боялись отвѣчать. Спасенный Красовскій безпрепятственно возвратился въ свой лагерь, не будучи преслѣдуемъ непріятелемъ. Со времени Котляревскаго постоянно терпя пораженіе отъ русскаго оружія, Аббасъ-Мирза могъ похвалиться единственною побѣдою,—но, не умѣя ею воспользоваться, получилъ немедленно страшное возмездіе (*).

Какъ прямое сообщеніе между эриванскимъ отрядомъ и главнымъ у Карабабы, на разстояніи полутораста верстъ, было постоянно занято персидскими войсками, то Паскевичъ, кажется, на 6-й день получилъ вѣрное извѣстіе о пораженіи Красовскаго и на-скоро собравшись, пошелъ въ послѣдніе дни августа съ бо́льшею частію своего корпуса на выручку къ Эривани.

Съ небольшимъ двѣ тысячи пѣхоты, бригада уланъ и полкъ или два казаковъ составлялъ отрядъ, оставленный у Нахичевани подъ командою генералъ-лейтенанта князя Эристова; его назначеніе было—прикрывать оставленную значительную часть обоза и парка, дѣлать движенія за Аракъ для отвлеченія непріятельскихъ силъ отъ Эривани и, при самыхъ счастливыхъ условіяхъ, нанося вредъ непріятелю, далеко не вдаваться во внутрь страны.

Князь Эристовъ—грузинъ, выросшій и состарѣвшійся въ битвахъ съ горцами, плохой грамотей, но человѣкъ отважный

(*) Аштаракское дѣло тяжело легло на сердцѣ Паскевича; послѣ него онъ ставилъ уже на второй планъ прибывшія войска, дѣйствуя преимущественно старыми кавказцами; подъ Ахалцихомъ было только двѣ роты козловскаго полка.

Прим. автора.

и очень пригодный на боевую рѣшительную службу; войско любило его за храбрость и доброту,—говоря не совсѣмъ чисто порусски, онъ имѣлъ привычку, обращаясь къ подчиненнымъ, говорить *батушка*,—солдаты и прозвали его *батушкой*. Сдѣлавъ одинъ поискъ за Араксъ и возвратясь къ Нахичевани, князь Эристовъ, оставя тамъ часть тяжестей, двинулся совсѣмъ отрядомъ на джульфинскую, чрезъ Араксъ, переправу, по дорогѣ къ Тавризу, и гоня передъ собой робкія толпы персіянъ, несмѣвшія преграждать намъ путь даже въ очень трудныхъ мѣстностяхъ—особенно во Фражскомъ ущельи, князь Эристовъ сдѣлалъ съ Паскевичемъ то-же, что послѣдній съ Ермоловымъ; вопреки приказанія, взялъ Тавризъ—и надобно правду сказать—взялъ въ самое удобное время, ибо персіяне ни-какъ не предполагали, чтобы Эристовъ рѣшился безъ Паскевича на этотъ подвигъ,—не приготовились къ оборонѣ и ничего не вывезли изъ города: арсеналъ, литейная, гдѣ такъ дѣятельно работали англичане, все досталось намъ,—изъ дворца ничего не было спасено. Подходя къ городу, часовъ въ 8 утра, мы увидѣли на противоположной сторонѣ въ полѣ толпу всадниковъ; послѣ мы узнали, что это бѣжалъ гаремъ Аббасъ-Мирзы въ сопровожденіи небольшого конвоя—по участь гарема была-бы лучше, если-бы онъ достался намъ. Куртинцы напали не-вдалекѣ на него и обошлись съ нимъ по своему—ограбили его до-чиста, даже съ любимой жены или наложницы Аббасъ-Мирзы сняли красные бархатные, шитые золотомъ шаровары, многихъ получше увели съ собою. Покамѣсть мы подошли къ городу и князь принималъ съ повинною старшинъ города, обѣщая безопастность и сохраненіе имущества жителямъ, эти послѣдніе задними проходами пробрались во дворецъ Аббасъ-Мирзы и начали расхищеніе цѣнныхъ вещей. Войско персидское, весь придворный штатъ—бѣжали, какъ только зави-

дѣли русскихъ, раболѣпные, забитые жители уже не признавали персидскихъ властей и съ полною охотою подчинялись русскимъ.

Аддербейджанъ и его столица населены татарскимъ племенемъ, говорящимъ своимъ языкомъ, считающимся лучшимъ у мусульманъ; жители ненавидятъ настоящихъ персіянъ и фамилію царствующихъ каджаровъ; персидскій языкъ въ Тавризѣ употребителенъ только въ высшихъ правительственныхъ сферахъ (*). Нашъ *батушка* все это зналъ, и потому рѣшился, съ перваго взгляда, на дерзкое, но вѣрно разсчитанное предпріятіе, пользуясь паническимъ страхомъ персіянъ и не расположеніемъ къ нимъ населенія—занять вторую многолюдную столицу Персіи, съ горстью русскаго войска, вопреки даже воли главнокомандующаго. Предпріятіе тѣмъ болѣе рискованное, что Тавризъ окруженъ довольно глубокимъ рвомъ и стѣною изъ сырцоваго кирпича, и при рѣшительности гарнизона и жителей, могъ противопоставить значительную оборону нашему маленькому отряду. И судьба въ возмездіе за кровавыя жестокости, произведенныя въ Тифлисѣ шахомъ Ага-Магометъ-ханомъ, чрезъ 30 лѣтъ, послала мстителемъ грузина, во-главѣ русскаго войска!

Съ занятіемъ Тавриза послѣдовало полное разложеніе Персіи—по крайней мѣрѣ сѣверной половины ея; Алаяръ-ханъ, первое правительственное лицо, любимецъ Аббасъ-Мирзы, которому поручена защита Тавриза и вообще военныя распоряженія, какъ военному министру, умышленно сдался въ плѣнъ; зная, что у русскихъ голова его будетъ цѣлѣе, нежели когда-

(*) Вообще раса Аддербейджана отличается отъ персидской своею благовидною наружностію, тѣлеснымъ развитіемъ, меньшею смуглостію противъ сухопарыхъ, почернѣвшихъ персіянъ,—въ одеждѣ, даже въ деревняхъ, видна опрятность.

Пр. автора.

бы онъ явился бѣглецомъ къ Аббасъ-Мирзѣ, и потому казачій урядникъ догналъ его въ нѣсколькихъ верстахъ за городомъ на незавидной на-взглядъ лошадкѣ, когда подъ Алаяръ-ханомъ былъ прекрасный арабскій жеребецъ; казакъ, посадивъ сдавшагося плѣнника на свою лошадку, а самъ сѣлъ на добытаго коня, и на чумбурѣ привелъ персидскаго вельможу къ князю Эристову во дворецъ, при чемъ собравшаяся толпа народа съ изумленіемъ и страхомъ смотрѣла на превратность судьбы своего грознаго правителя.

Самъ Аббасъ-Мирза былъ поставленъ въ плачевное, бѣдственное положеніе; съ потерею Тавриза онъ лишился всѣхъ средствъ къ продолженію войны; укрываясь въ окрестныхъ укрѣпленныхъ городахъ, переѣзжалъ изъ одного въ другой, онъ не смѣлъ явиться въ Тегеранъ къ отцу своему Фетъ-Алишаху, рискуя потерять голову,—такъ какъ престарѣлый шахъ, предаваясь сладостной дремотѣ въ объятіяхъ трехъ-сотъ своихъ одалисокъ, былъ всегда противъ войны съ русскими и только неотступныя домогательства сына и интриги англичанъ вынудили его согласіе на эту несчастную войну. Между тѣмъ старшій братъ Аббасъ-Мирзы, обойденный наслѣдствомъ престола, какъ рожденный отъ христіанки, имѣлъ свою партію при дворѣ отца и въ народѣ. Города Аддербейджана и сосѣднихъ провинцій сѣверной Персіи, постоянно укрѣпленныя, сдавались немедленно или присылали депутаціи съ изъявленіемъ покорности, въ увѣренности, что русскіе уже не возвратятъ ихъ подъ иго ненавистныхъ каджаровъ. Даже было предложеніе Паскевичу привести плѣнникомъ самаго Аббасъ-Мирзу, въ надеждѣ получить за то вознагражденіе, но онъ отвергъ это, зная, что при заключеніи мира свободный наслѣдный принцъ будетъ полезнѣе, чѣмъ плѣнный, такъ какъ ему нужна будетъ поддержка Россіи противъ враждебнаго брата. Какимъ страхомъ

и негодованіемъ объятъ былъ Аддербейджанъ (*), когда узналъ, что онъ возвращается обратно Персіи! Паскевичу очень не пріятно было, что взятіе второй тогда столицы Персіи произошло по-мимо его; потерявъ одинъ лишній тріумфъ, онъ лишился и титула *Тавризскаго*, уже по необходимости замѣненнаго эриванскимъ. Изливъ свое неудовольствіе на отважнаго ветерана нашего *батушку*, и давъ нагоняй находившемуся при немъ товарищу начальника корпуснаго штаба, полковнику Муравьеву (карскому), заподозрѣнному въ подстрѣкательствѣ, Паскевичь однако-же исходатайствовалъ награды, первому—Александра Невскаго, а второму—чинъ генералъ-маіора,—но вмѣстѣ съ этимъ князь Эристовъ назначенъ былъ сенаторомъ, съ дозволеніемъ жить въ Грузіи, а Муравьевъ изъ генеральнаго штаба опредѣленъ командиромъ нашей гренадерской бригады. Съ этого времени началось постоянное нерасположеніе Паскевича къ Муравьеву.

Подойдя часовъ въ 11 къ городу, насъ остановили у воротъ, а князь, для увѣренія въ дружелюбныхъ чувствахъ къ покорнымъ жителямъ, поѣхалъ съ штабомъ въ сопровожденіи небольшого конвоя уланъ въ городъ, и расположился на переднемъ дворикѣ или площадкѣ передъ входомъ во дворецъ Аббасъ-Мирзы; здѣсь онъ принималъ разныхъ людей и депутаціи отъ разныхъ цеховъ, мирно бесѣдуя съ ними на собственномъ ихъ татарскомъ языкѣ. А между тѣмъ плутоватые тавризскіе жители, какъ я уже сказалъ, задними выходами тащили изъ дворца, что попало подъ руку. Въ 12 часовъ велѣно было двинуться и намъ съ музыкою и барабаннымъ боемъ. Нашъ

(*) Онъ предлагалъ значительныя пособія деньгами, хлѣбомъ, и вьючнымъ и порціоннымъ скотомъ для движенія русскихъ къ Тегерану, чтобы остаться во владѣніи Россіи.

Прим. автора.

херсонскій гренадерскій полкъ расположился въ самыхъ дворцовыхъ покояхъ и большею частію въ комнатахъ гарема. Проходя городомъ, по извилистымъ узенькимъ улицамъ, между заборами и домами почти безъ оконъ, выстроенными исключительно изъ камня и глины, мы представляли себѣ—какую преграду могли-бы поставить намъ персіяне, если-бы хотѣли защищаться,—ибо и зажечь городъ было трудно при плоскихъ земляныхъ крышахъ; поэтому не только въ городахъ, но и въ деревняхъ пожаровъ не бываетъ въ Персіи.

Начиная съ Эривани, по всей сѣверной Персіи, мы не встрѣчали ни кустика лѣса, кромѣ посаженныхъ деревъ, преимущественно пирамидальнаго тополя и садовъ около деревень. Со всѣхъ сторонъ тянутся ряды обожженныхъ солнцемъ красноватыхъ голыхъ горъ, наводящихъ уныніе,—но земля, поливаемая изъ канавъ, родитъ хлѣбъ превосходно; поэтому въ Персіи о дождѣ мало безпокоятся, да онъ лѣтомъ рѣдко и бываетъ: въ теченіи 4 мѣсяцевъ мы видѣли одинъ дождь, да и тотъ жителями считался рѣдкостію.

Одинъ Араратъ даетъ великолѣпный видъ, рисуясь гигантомъ между мелкими горами, изъ чего понятно, что древніе связали съ нимъ свои легенды.

Подходя къ дворцу, мы ожидали увидать какое-нибудь большое строеніе, но, къ удивленію, никакого особеннаго строенія не встрѣтили; изъ узкой улицы взошли на дворикъ, саженъ сдва-ли 15 въ квадратѣ, кругомъ глиняныя стѣны прорѣзанныя низенькими дверями и въ серединѣ высокая, съ острымъ мавританскимъ сводомъ кирпичная арка, она-же служила портикомъ дворца; за аркою маленькая площадка съ фонтаномъ, площадку эту преграждаетъ стѣна, изъ мелкихъ разноцвѣтныхъ стеколъ, рисункомъ похожимъ на ковровый узоръ, саженъ 7 или 8 длины и аршинъ 7 высоты,—стѣнка эта составляетъ чет-

вертую сторону пріемной залы. Потолокъ залы украшенъ арабесками изъ золота и красокъ, при чемъ вдоль карниза, въ родѣ бордюра вязью, крючковатыми арабскими буквами, довольно пріятнаго рисунка, тянутся стихи изъ корана или изрѣченія мусульманской мудрости; въ углу залы низенькая дверь ведетъ въ узкій коридоръ, по бокамъ котораго нѣсколько комнатокъ и чуланчиковъ для прислуги и склада разныхъ вещей; затѣмъ опять площадка съ бассейномъ, окруженная комнатами, изъ которыхъ одна средняя, въ два свѣта высокая, а по бокамъ низкія, въ два жилья, съ такими-же сплошными цвѣтными стеклянными стѣнами или окнами; снаружи при закрытыхъ рамахъ, нельзя видѣть внутренности покоевъ (*), кругомъ идутъ открытыя галлереи и такъ продолжается далѣе все небольшими квадратами съ открытыми площадками, имѣющими по срединѣ бассейны, обнесенные жилыми комнатами; такихъ площадокъ, идущихъ во всѣ стороны лабиринтомъ, безчисленное множество; въ этомъ лабиринтѣ помѣщалось нѣсколько тысячъ живущихъ, составлявшихъ чиновниковъ двора и гарема, прислугу и нукеровъ, т. е. вооруженныхъ служителей; далѣе каждая гурія имѣла свое помѣщеніе, особую прислугу и свое хозяйство; возлѣ такихъ комнатъ непремѣнно было нѣсколько чуланчиковъ, гдѣ хранилась провизія и домашній скарбъ. Мы нашли много муки, масла, фруктовъ, разнаго марината и необыкновенно много розовой воды; все хранилось въ большихъ банкахъ и кувшинахъ, сдѣланныхъ изъ глины въ родѣ фаянса; ковровъ и верблюжьихъ войлоковъ съ прекрасными узорами было раскидано въ безпорядкѣ много.

(*) За ними часто садился Аббасъ-Мирза, чтобы полюбоваться на своихъ купающихся одалисокъ; послѣднія, будто не зная скрытаго присутствія своего повелителя, старались, играя въ водѣ, выказывать свои прелести.

Пр. автора.

Нашъ полкъ, какъ я сказалъ, расположился въ гаремѣ, къ сожалѣнію, опустѣвшемъ, видимо недавно поспѣшно оставленномъ. Около полугода невидавъ надъ собою крыши, испытавъ страшный зной и сырыя довольно холодныя осеннія ночи, пріятно было отдохнуть на мягкихъ коврахъ. Солдаты тотчасъ принялись за стряпню—жарить на маслѣ лепешки, варить галушки, приправляя лукомъ, чеснокомъ и перцемъ, бывшихъ подъ рукою. Разъ прохожу мимо кучки солдатъ, мѣсившихъ для себя тѣсто,—слышу сильный запахъ розовой воды, спрашиваю—на чемъ они мѣсятъ: на розовой водѣ, ваше благородіе,—это для чего? да вкуснѣе будетъ—былъ отвѣтъ. Въ слѣдъ за этимъ мы и сами поступили не много лучше: нѣсколько офицеровъ прохаживались по извилинамъ дворцовыхъ корридоровъ и площадокъ,—вдругъ въ одномъ отдаленномъ углу увидѣли худенькаго персіянина, низко кланяющагося; бывшій съ нами товарищъ грузинъ спросилъ потатарски, что ему нужно; оказалось, что онъ баньщикъ, конечно евнухъ, предлагаетъ приготовленную имъ баню; мы съ радостію вошли въ нее, покрытые пылью и грязью долгаго похода. Баня имѣла полъ и ванны изъ бѣлаго мрамора, въ острому куполѣ было нѣсколько маленькихъ круглыхъ отверстій, закрытыхъ выпуклыми стеклами, пропускавшими полусвѣтъ; вдругъ кому-то изъ насъ вздумалось потребовать розовой воды,—услужливый баньщикъ принесъ нѣсколько кувшиновъ, и мы смѣясь начали окачиваться ею, фантазируя, что у персіянъ бываютъ при этомъ другіе порядки, и что, кромѣ Аббасъ-Мирзы и его красавицъ, не смѣлъ до насъ никто входить сюда изъ мужскаго пола въ неизуродованномъ видѣ.

По взятіи Эривани, въ исходѣ октября, Паскевичъ съ главнымъ отрядомъ прибылъ въ Тавризъ, обошелся съ нами

привѣтливо и, по случаю благодарственнаго молебствія, отложеннаго до его прибытія, назначилъ парадъ всѣмъ войскамъ, и каково-же было наше удивленіе: на парадѣ приказано было офицерамъ быть въ сюртукахъ, а солдатамъ—въ шинеляхъ,—да это было поермоловски—говорили мы. Уже полгода не учившись, проходя колоннами, мы получали похвалы. Члены англійскаго посольства въ Персіи, какъ добрые наши союзники, не покидали Тавриза, и считаясь на службѣ ость-индской компаніи и отъ нея аккредитованные, гарцовали за Паскевичемъ въ своихъ военныхъ мундирахъ, самъ Паскевичъ и его штабъ были тожс въ мундирахъ. Послѣ въ англійскихъ газетахъ была статья изъ Персіи, что кавказскія войска хотя одѣты не красиво, но своимъ видомъ умѣютъ внушать уваженіе непріятеля.

Мы не хотѣли помнить слишкомъ годъ продолжавшейся кампаніи, изнурительной по переходамъ, тяжелой по лишеніямъ и климату,—мы нисколько не заботились, что послѣ знойныхъ долинъ Аракса намъ придется еще въ продолженіе зимы вынести стужу и глубокіе снѣга въ горахъ Аддербейджана и Кафланку, въ изношенной одеждѣ у солдатъ и офицеровъ, не имѣя сколько-нибудь сносныхъ квартиръ и не-рѣдко бивуакировать на снѣгу, какъ это было съ эриванскимъ полкомъ у Міаны, въ предохраненіе отъ укушенія тамошнихъ смертоносныхъ клоповъ; мы были горды успѣхомъ нашего оружія и признательностію къ намъ новаго главнокомандующаго, такъ неприв ѣтливо прежде обращавшагося съ нами, а теперь добраго, заботливаго о насъ начальника (*).

(*) Здѣсь я, прекращая разсказъ о Персіи и заключеніи мира, прибавлю только, что привезенная въ Тавризъ за конвоемъ нашихъ драгунъ при персидскихъ чиновникахъ первая часть контрибуціи, счетомъ въ курурахъ, была сложена сперва въ домѣ англійскаго посланника;

«А далеко отъ Тавриза до Ахалциха? спросилъ я расплывшагося въ своихъ разсказахъ старика о Персіи. Ахъ, извините... точно, ужъ я слишкомъ увлекся воспоминаніями и забѣжалъ далеко въ сторону отъ первоначальнаго разговора,—сказалъ спохватившись старикъ. Наши два гренадерскіе полка—херсонскій и грузинскій—выступили послѣдніе изъ Тавриза послѣ полудня 8-го марта, 1828 года, чтобы дать возможность на слѣдующій день, прибывшему не-задолго принцу Аббасъ-Мирзѣ изъ загороднаго дворца, вступить церемоніально въ свою резиденцію, и въ отсутствіи гяуровъ встрѣтить 9-го марта Навруз—мусульманскій новый годъ.

До Аракса по персидской землѣ, прикрывая огромное число аробъ, бывшихъ подъ подвижными магазинами, парки и обозы, мы шли довольно тихо, т. е. по маршруту. Въ Асландузѣ, переправясь чрезъ рѣку на свою сторону 24-го марта, на другой день на пустынномъ берегу встрѣтили Пасху. Кое-какіе припасы, взятые изъ Тавриза, истощились, такъ какъ съ половины дороги по гористой, но безлѣсной и каменистой мѣстности Карадага уже населенія почти не было; на на-

---

при нихъ цѣлую недѣлю я стоялъ въ караулѣ съ 60 выбранными гренадерами, при семи только постахъ (что-бы вѣрнѣе съ кого взыскать), до перевода въ цитадель Аркъ; въ послѣдней, подъ опекой англичанъ, золото сдавалось на вѣсъ въ монетахъ и слиткахъ, даже въ мелкихъ вещахъ нашимъ комиссарамъ; я видѣлъ, какъ одинъ англичанинъ дергалъ себя за усы съ досады, ходя въ сторонѣ заслоненный толпою, что наши пріемщики стараются быть осторожными, хотя все-таки были частію надуты при пробѣ золота и вѣсѣ, какъ оказалось послѣ. Здѣсь-же, у посланника, я познакомился съ англійскимъ обѣдомъ съ примѣсью индѣйскихъ блюдъ и прекраснымъ ширазскимъ виномъ, которое имѣлъ только Паскевичъ—и то отъ посланника.

Прим. автора.

шей сторонѣ до Шуши и далѣе тоже было безлюдье. Послѣ суровой зимы въ гористой Персіи, въ низменныхъ равнинахъ Карабага наступила теплая, весенняя погода; остатки старыхъ, мокшихъ безчисленное множество разъ подъ дождемъ сухарей, съ трудомъ добытое мясо и десятка три яицъ для офицеровъ, составляли наше разговѣнье; о мукѣ, маслѣ и проч., кромѣ, впрочемъ, вина у маркитанта, нечего было спрашивать въ этой, хотя благодатной по климату и почвѣ пустынѣ. Но мы, нисколько не подозрѣвая о предстоящей намъ опять кампаніи, весело встрѣтили праздникъ, считая себя уже *дома*, т. е. не принимая въ разсчетъ слишкомъ 500 верстъ, которыя надобно было еще пройдти до нашихъ штабъ-квартиръ, гдѣ полагали отдохнуть и пожуировать на свободѣ, да главное исправить свою обмундировку, крѣпко пострадавшую въ продолженіи похода у офицеровъ и солдатъ. Полковымъ командирамъ Паскевичъ дозволилъ отправиться впередъ—вѣроятно, сообщивъ имъ по секрету о предстоящей войнѣ, чтобы они поспѣшили сдѣлать нужныя распоряженія къ походу, а главное приготовили обмундировку.

Подъ самыми пріятными впечатлѣніями, солдаты и офицеры только и думали поскорѣе добраться до мѣста, и начали шагать на-славу, да еще пикируясь одинъ полкъ передъ другимъ, перегоняя другъ друга, такъ какъ полки должны были идти отдѣльно на одинъ переходъ, не имѣя общаго начальника. Подножный кормъ показался, и ночлеги во всякомъ мѣстѣ были удобны подъ открытымъ небомъ, не разбивая палатокъ. Вмѣсто 10-ти дневокъ по маршруту, мы сдѣлали только четыре, да нѣсколько переходовъ изъ трехъ два, и десятью днями ранѣе маршрута явились подъ Тифлисомъ. Грузинскій полкъ долженъ былъ вступить днемъ ранѣе нашего, но какъ наши ночлеги всегда были близки одинъ отъ другаго верстахъ въ

4-хъ, а иногда вмѣстѣ, смотря по удобству, то нашъ старый волка, еще подъ Кремсомъ дравшійся съ французами, Гофманъ, хотѣлъ перехитрить своего товарища, ведшаго грузинцевъ,—на послѣднемъ переходѣ обогналъ его, чтобы по-раньше, часовъ въ 7 утра, придя въ Тифлисъ, выхлопотать дозволеніе пройти безъ церемоніи прямо на Авлабаръ въ казармы. Когда посланный офицеръ за приказаніемъ явился къ коменданту, тотъ поѣхалъ вмѣстѣ съ нимъ къ главнокомандующему для доклада; послѣдній удивился нежданному нашему прибытію, безпокойно разсчитывая его по часамъ, такъ какъ Карталинія и почти вся наша граница была открыта для вторженія турокъ, и въ Ахалцихѣ начали уже собираться турецкія войска и толпы горцевъ. На нашемъ трактѣ отъ Аракса лежалъ только одинъ городъ Елисаветполь, откуда были посланы рапорты о нашемъ движеніи, но они почему-то не были получены, ибо почту возили тогда верхомъ казаки шагомъ и одинъ разъ въ недѣлю. Обрадованный нашимъ приходомъ, Паскевичъ не сталъ розыскивать о неисправности донесеній, приказалъ офицеру, чтобы по прибытіи грузинцевъ, за которыми послали казака, вмѣстѣ вступить въ городъ и остановиться на маленькой базарной площади около моста, а не передъ домомъ главнокомандующаго, на обширной площади, какъ всегда бывало.

Началась у насъ страшная суматоха, такъ какъ велѣно было быть въ мундирахъ; стали чиститься, подбѣливать амуницію, зашивать прорѣхи; въ смущеніи ожидали мы гонки за свою неказистую наружность. Въ 12 часовъ, когда мы явились на базарную площадку, залитую народомъ, и стали колоннами, увидѣли мы, къ удивленію, митрополита съ крестомъ и духовенствомъ и въ слѣдъ за нимъ Паскевича; отслужили молебенъ, Паскевичъ объѣхалъ кругомъ колонны, въ сре-

дину которыхъ было припрятано все крѣпко обносившееся, изъявилъ войскамъ благодарность и велѣлъ идти съ музыкою въ казармы; ну, съ нашихъ плечь гора свалилась! И точно, говорили, въ тѣснотѣ и давкѣ народа, мы показались не дурны. А между тѣмъ, лазутчики поскакали за-границу и въ горы съ вѣстями о приходѣ солдатъ изъ Персіи: «тамъ ихъ и шайтанъ не побралъ!»

Тутъ только, въ половинѣ апрѣля, мы услышали, что Паскевичь собирается идти подъ Ахалцихъ, всегда игравшій грозную роль въ исторіи Грузіи. Составляя прежде ея часть и давно покоренный турками, Ахалцихъ, своей гористой областью врѣзываясь угломъ въ центръ павшаго грузинскаго царства, былъ гнѣздомъ хищныхъ горцевъ, собиравшихся туда съ разныхъ сторонъ и вмѣстѣ съ туземцами, обращенными въ мусульманство, тоже воинственными на подобіе боснійцевъ, дѣлали постоянныя вторженія въ Грузію и Имеретію, раззоряя ихъ при грузинскихъ царяхъ въ большихъ размѣрахъ, и въ малыхъ при русскомъ управленіи, вплоть до Ермолова.

Власть султана признавалась тамъ номинально; присылаемые паши были безсильны и не-рѣдко прогонялись взволнованнымъ народомъ. Турецкое правительство получало съ Ахалциха мало доходовъ и ежегодно присылало еще деньги и подарки вліятельнымъ лицамъ для поддержанія своего значенія. Большинство народа было, какъ и вообще горцы до Шамиля, плохіе мусульмане и по своему происхожденію питали сочувствіе къ христіанскимъ преданіямъ, а христіанское населеніе смахивало на мусульманъ; даже нѣкоторые христіане имѣли не малое значеніе въ городѣ, находясь подъ покровительствомъ какого-нибудь важнаго бека, обыкновенно лѣниваго и безпечнаго, предоставлявшаго гяуру завѣдывать своею хозяйственною и финансовою частію, и быть агентомъ отъ него у паши.

Бывали не-рѣдко случаи, что аджарскій или чалдырскій бекъ когда пріѣзжалъ на поклонъ нашѣ, то послѣдній принималъ всѣ военныя предосторожности, запиралъ ворота крѣпости, усиливалъ ея гарнизонъ, такъ какъ гостя сопровождали нѣсколько сотъ головорѣзовъ, имѣвшихъ еще пріятелей въ городѣ. При свиданіи происходили иногда курьезныя сцены: по этикету, подчиненный бекъ долженъ входить въ пріемную залу къ начальнику нашѣ одинъ или съ двумя-тремя почетными лицами изъ своихъ, сопровождающая-же его вооруженная толпа должна оставаться на дворѣ; но обыкновенно десятокъ и болѣе изъ нея—разумѣется, самыхъ удалыхъ—вламывались насильно въ пріемный покой; при этомъ пріѣзжій бекъ показывалъ раздраженный видъ на своихъ тѣлохранителей, грозно кричалъ на нихъ, чтобы они вышли вонъ, даже толкалъ ихъ назадъ, а тѣ молча становились у дверей и не трогались съ мѣста до конца аудіенціи, будто-бы вопреки воли своего повелителя: паша не замѣчалъ, повидимому, происходящаго. А между тѣмъ, у него накопилось много жалобъ на разбои и убійства этихъ самыхъ сорванцевъ, почему онъ хотѣлъ объясниться съ бекомъ. Съ такимъ населеніемъ чеченскаго характера, усиленнымъ тридцати-тысячнымъ корпусомъ изъ Анатоліи лучшихъ въ Турціи войскъ, пришлось Паскевичу имѣть дѣло подъ Ахалцихомъ.

Проведя съ мѣсяцъ на своихъ обычныхъ квартирахъ въ Карталиніи, въ занятіяхъ по обмундировкѣ и исправленію обоза, нашъ полкъ пошелъ въ боржомское ущелье прокладывать по немъ дорогу къ Ахалциху, на соединеніе съ Паскевичемъ, долженствовавшимъ придти туда по взятіи Карса. Нынѣшніе туристы, катясь быстро въ экипажѣ по великолѣпно-угрюмому боржомскому ущелью, конечно, улыбнутся при этихъ словахъ, полагая, что тамъ нечего или очень мало

требовалось работать. Но какъ въ мое время, по выраженію Марлинскаго, инспекторомъ путей сообщенія на Кавказѣ былъ чертъ, то его мрачность особенно позаботился затруднить по Боржому проходъ; одни лезгины, укрываясь въ лѣсистыхъ дебряхъ для внезапныхъ набѣговъ въ Грузію, находили путь этотъ отличнымъ. Сверхъ преградъ, представляемыхъ теченіемъ Куры, ударяющейся во многихъ мѣстахъ въ скалы, заграждая по берегу проходъ для колесной дороги, а иногда и для пѣшаго, поставленнаго въ необходимость взбираться на скалистыя крутизны для обхода, выючная тропинка при выходѣ изъ ущелья шла подъ пушечными выстрѣлами укрѣпленной скалы Ацхура. Вслѣдствіе чего мы должны были повернуть на огромныя высоты хребта Цихисъ-Джвари, перерѣзанныя глубокими впадинами, чтобы съ артилеріей и обозами обойдти крѣпостцу. Молодой инженеръ Мельниковъ тутъ въ первый разъ приложилъ школьную теорію къ практикѣ; надобно было подниматься на высоты въ 6 т. и болѣе футовъ и спускаться въ страшныя трущобы и устроить мостъ черезъ Куру. По этому болѣе мѣсяца нашему полку пришлось порядкомъ потрудиться въ Боржомѣ, и соблюдать вмѣстѣ военную осторожность отъ нечаянныхъ нападеній со стороны Ахалциха. —Это былъ съ вами не теперешній-ли генералъ Мельниковъ? сцросилъ я. Не знаю, а можетъ быть; нашъ Мельниковъ былъ малый хоть куда: и товарищъ хорошій, и подраться съ турками молодецъ—за это его Паскевичь и въ адъютанты взялъ къ себѣ,—сказалъ старикъ, разводя руками.

Наконецъ, 5-го августа, съ тяжкими трудами, замѣняя часто людьми при подъемѣ и спускѣ выбившихся изъ силъ животныхъ подъ артилеріей и обозами, мы спустились съ памятнаго намъ Цихисъ-джварскаго хребта въ долину или, вѣрнѣе, желобину Куры, помѣнявшись съ крѣпостными выстрѣ-

лами и прогнавъ вылазку изъ Ацхура,—увидали съ горъ вдали дымъ выстрѣловъ и облака пыли—то была схватка съ турецкой конницей только-что пришедшаго изъ Карса къ Ахалциху съ главными силами Паскевича. Я не буду говорить много вамъ, господа пароходные спутники, о битвахъ подъ Ахалцихомъ, такъ интересовавшихъ тогда публику, взамѣнъ затруднительнаго хода дѣлъ кампаніи въ 1828 году на Дунаѣ.

Сначала положеніе Паскевича подъ Ахалцихомъ было сомнительно—и военная его репутація висѣла на волоскѣ, не смотря, что подъ Карсомъ судьба слишкомъ ему благопріятствовала: послѣдній взятъ былъ случайно въ теченіи трехъ сутокъ и съ малой потерею. Едва заложивъ нѣсколько траншей около крѣпости и поставивъ батареи, съ разсвѣтомъ четвертаго дня былъ открытъ нашими огонь по городу; турки, сдѣлавъ вылазку, вывезли нѣсколько орудій за палисадъ—началась перестрѣлка; для поддержанія нашей передовой цѣпи, изъ траншей пошелъ сикурсъ—началась свалка, турки побѣжали назадъ, наши смѣльчаки за ними по пятамъ,—изъ траншей увидѣли опасное положеніе передовой цѣпи; если-бы турки, собравшись съ силами, ударили на нее, двинули всѣ резервы—между тѣмъ турки побѣжали въ крѣпость и наши ворвались за ними. Все это сдѣлалось вдругъ, безъ предварительныхъ распоряженій и безъ приказанія Паскевича. Услыхавъ сильную канонаду, онъ поѣхалъ изъ лагеря къ передовымъ линіямъ, разсерженный своевольнымъ распоряженіемъ, грозя наказать виновныхъ, вступившихъ безъ спроса въ бой; къ нему на-встрѣчу прискакалъ офицеръ съ донесеніемъ о взятіи части крѣпости.

Ошеломленный внезапностію вторженія русскихъ въ городъ, испуганный паша въ цитадели завелъ переговоры о сда-

чѣ, потребовалъ сутки срока, разсчитывая на прибытіе вспомогательнаго корпуса; отъ него потребовали немедленной сдачи, угрожая штурмомъ. Предавшись волѣ Аллаха, паша сдался; между тѣмъ, какъ турецкій корпусъ уже подходилъ близко къ крѣпости и узнавъ торжество наше, поворотилъ къ Ахалциху, желая тамъ помѣряться съ нами. Болѣе всего способствовали такому счастливому, невѣроятно быстрому исходу дѣла подъ Карсомъ, начальники траншей: Муравьевъ (*) (которому такъ жестоко отомстила судьба за этотъ успѣхъ въ крымскую войну) и полковникъ Бурцевъ—человѣкъ замѣчательныхъ дарованій и храбрости. Подъ Карсомъ-же началась военная карьера поручика Лабинцева (извѣстнаго генерала), обратившаго на себя вниманіе Бурцева своею храбростію.

Счастливымъ и скорымъ исходомъ дѣла съ Карсомъ у Паскевича были развязаны руки къ дальнѣйшимъ предпріятіямъ; продержись Карсъ по-человѣчески долѣе временемъ, то врядъ-ли мы успѣли-бы въ томъ-же году раздѣлаться съ Ахалцихомъ, стоящимъ среди высокихъ горъ, гдѣ климатъ довольно суровъ и снѣга бываютъ глубокіе; слѣдовательно, отъ холода и непогодъ, кромѣ битвъ, мы должны были-бы понести большія потери.

Не смотря на огромный успѣхъ, поразившій страхомъ умы турокъ—Ахалцихъ оставался еще грознымъ знаменемъ турецкой силы. Изучивъ турокъ еще молодымъ офицеромъ на Дунаѣ и заслуживъ репутацію боеваго генерала въ отечественную войну, Паскевичъ, съ знаніемъ дѣла и рѣшительностію распо-

(*) Пріѣхавъ на главную батарею, гдѣ находился Муравьевъ, Паскевичъ вспылилъ на него за неумѣстное распоряженіе; тотъ представилъ случайность и необходимость дѣла, для довершенія котораго просилъ послать остальное прикрытіе, кромѣ одной роты; «хорошо, но вы отвѣчаете за нихъ головою»,—сказалъ Паскевичъ.

Прим. автора.

ряжался подъ Ахалцихомъ; но никогда, повторяю, его репутація и судьба корпуса не были въ такомъ сомнительномъ положеніи, какъ подъ стѣнами этой крѣпости: всѣ послѣдующіе успѣхи 1829 года въ Азіятской Турціи были только слѣдствіемъ упорныхъ битвъ подъ ея стѣнами въ 1828 году и за ея стѣпами, въ началѣ 1829 года, при штурмѣ и оборонѣ. Деморализованные анатолійскіе турки, не смотря на свою прирожденную храбрость, имѣя глупаго сераскира, бывшаго когда-то сапожникомъ (*), и не менѣе неспособныхъ пашей—уже не показывали привычной отваги: были легко разбиты на Саганлугскихъ высотахъ, не смотря, что послѣднія представляли хорошую естественную оборону. Корпусъ Паскевича на второй годъ кампаніи былъ гораздо сильнѣе численностію и успѣхъ былъ надежнѣе,—тогда какъ, за оставленіемъ значительнаго отряда въ Карсѣ, подъ Ахалцихъ пришло не болѣе 8000 штыковъ, главныхъ работниковъ въ рукопашномъ бою; правда, штыки эти были еще ермоловскаго закала, вернувшіеся изъ Персіи; но все-же они численно были слабы противу 20/т. отважнаго гарнизона и 30/т. анатолійскаго корпуса, пришедшаго изъ Эрзерума.

Въ ночь на 9-е августа, оставя часть войска для прикрытія вагенбурга и батарей, Паскевичъ пошелъ въ обходъ крѣпости, полагая къ разсвѣту напасть на Кіосъ-пашу, расположившагося съ эрзерумскимъ корпусомъ четырьмя лагерями въ верстѣ съ южной стороны крѣпости; горпстая мѣстность, пересѣченная оврагами, такъ затруднила въ глубокой тьмѣ ночи движеніе артилеріи, парка и лазаретныхъ фуръ, что мы какихъ-нибудь пять верстъ не могли сдѣлать прежде разсвѣта. Приблизясь, мы увидали непріятеля уже снимавшаго палатки,

(*) Такъ говорили турки князю Бебутову.

Прим. автора.

готовящагося къ бою, такъ какъ онъ былъ предупрежденъ стукомъ колесъ, не смотря, что они были обмотаны соломой, скоро разбившейся отъ каменистаго грунта.

Съ ранняго утра до 4-хъ часовъ по полудни, при сильномъ зноѣ, томилъ Паскевичъ турокъ стрѣлковыми цѣпями и канонадою, заставляя ихъ тратить по мелочи свою запальчивую храбрость, съ которою они бросались на наши кучки въ рукопашную; ну, конечно, и намъ было не легко—да мы справились. Изъ города толпы турокъ безпрестанно выходили на подкрѣпленіе эрзерумскому корпусу и чрезъ нѣсколько времени были смѣняемы другими толпами; и какъ на турнирѣ, показавъ свою удаль, за исключеніемъ убылыхъ, возвращались назадъ.

Небольшой оврагъ, раздѣлявшій сражавшихся, нѣсколько разъ переходилъ изъ рукъ въ руки, наполняясь трупами; онъ былъ поприщемъ ожесточеннаго рукопашнаго боя, кучками или въ разсыпную; стоявшія сзади колонны только подкрѣпляли стрѣлковыя цѣпи. При этомъ пришлось убѣдиться—какъ мало страшна для хорошей пѣхоты кавалерійская атака; только неопытныхъ новобранцевъ она можетъ испугать и разстроить; атакующая кавалерія ни-какъ не можетъ сдѣлать такого истребленія, какъ пѣхотная атака, даже въ случаѣ совершеннаго успѣха—и, странное дѣло, только немногіе полководцы, по примѣру Цесаря и Наполеона, ставили пѣхоту на первомъ планѣ—какъ рѣшительницу судебъ кампаній при поддержкѣ артилеріи; наши гренадеры въ этомъ случаѣ подъ Ахалцихомъ не ударили лицомъ въ грязь. Начальникъ передовой линіи, генералъ Остенъ-Сакенъ, разъѣзжая шашкомъ подъ сильнымъ огнемъ вблизи стрѣлковыхъ цѣпей, дѣлалъ нужныя распоряженія, и иногда присылалъ сказать, что «стрѣлки ведутъ себя хорошо». Какъ съ обѣихъ сторонъ къ оврагу мѣ-

стность шла покатостію, то орудія съ турецкой и нашей стороны картечью и гранатами усиливали батальный огонь. Вдругъ раздался страшный трескъ—взлетѣлъ нашъ зарядный ящикъ. На мгновеніе по всей линіи пальба смолкла, и вслѣдъ затѣмъ послышался дикій, неистовый крикъ бросившихся на нашу цѣпь турокъ; озадаченные въ это мгновеніе наши стрѣлки, однакожъ, дружно встрѣтили бѣшенный натискъ турокъ; минутъ десять-пятнадцать свалка была страшная, нельзя было дать себѣ отчета о происходившемъ: направо и налѣво падалъ то свой, то турокъ,—стукъ и блескъ оружія, выстрѣлы въ упоръ и бѣшенные крики. Турки начали отступать и побѣжали назадъ; преслѣдуя ихъ, мы вздохнули свободно и заняли ложбину, наполненную трупами—своими и турецкими, имѣя въ виду приказаніе, не отдѣляться далеко отъ своихъ колоннъ; ружейная пальба почти прекратилась на полчаса, только съ горы наши батарейныя ядра летали чрезъ головы стрѣлковъ въ легкую турецкую артилерію, стрѣлявшую по насъ. Усталость отъ долговременнаго боя и полуденнаго жара съ обѣихъ сторонъ видимо была большая. Да-съ—сказалъ старикъ, тяжело вздохнувъ—такія роковыя 10-15 минутъ очень не-рѣдко рѣшаютъ участь сраженій: кто устоялъ—тотъ побѣдитель, кто дрогнулъ—тотъ пропалъ. Видя на своей сторонѣ успѣхъ и замѣтное ослабленіе турокъ, Сакенъ приказалъ занять стрѣлкамъ херсонскаго полка бывшую на правомъ флангѣ крутую гору, командующую мѣстностію; это уже отдѣлило стрѣлковъ отъ колонны на довольно значительное разстояніе и сверхъ того былъ между ними небольшой оврагъ,—турки стали обстрѣливать стрѣлковъ изъ легкихъ орудій, наши батарейныя—съ горы, чрезъ головы своихъ, опять имъ отвѣчали; учащенный свистъ ядеръ сливался въ одинъ гулъ, вырывая у насъ ряды, но старые солдаты смекнули дѣломъ;

когда слышался ровный свистъ, солдаты говорили—«это наше,» когда-же летѣло съ продолжительнымъ пѣвучимъ свистомъ ядро, солдаты говорили: «вотъ чертъ несетъ турка,»—такъ какъ наши ядра, полированныя, а турецкія нѣтъ и со свищами, то онѣ производятъ пронзительный, непріятный звукъ. Со стороны непріятеля, въ семидесяти саженяхъ, занятый нами гребень раздѣляла глубокая впадина, расположенія которой за неровностію мы не могли видѣть. За нею, на покатости горы, показалась большая толпа кавалеріи, скрывшейся сейчасъ за неровностію; мы не могли знать ея намѣренія, и оставались спокойно на своемъ мѣстѣ. Вдругъ неожиданно изъ-за гребня впадины показались острыя, въ родѣ сахарной головы, высокія шапки делибашей, и съ гикомъ бросились на стрѣлковъ; стрѣлки едва успѣли сбѣжаться въ кучки и то не совсѣмъ, какъ ихъ уже охватили со всѣхъ сторонъ наѣздники, стараясь смять напоромъ рьяныхъ лошадей, считая вѣрною жертвою московскихъ гяуровъ. Однакожъ, случилось не такъ: штыками, выстрѣлами въ упоръ, стали отбиваться наши стрѣлки—все смѣшалось въ общую кучу; внизу стоявшій баталіонъ бѣгомъ бросился на выручку и, подбѣжавъ къ оврагу, считая насъ погибшими, сдѣлалъ залпъ по всей смѣшавшейся кучѣ; съ центральной большой батареи посыпались ядра, мимонутъ десять стрѣлковъ не было видно за кавалеріей—всѣ считали ихъ погибшими. Паскевичъ, находясь на высокой горѣ при батареѣ, видѣлъ, какъ на ладони, всѣ подробности поля сраженія, отвернулся и сказалъ съ досадою: «непадобно было такъ далеко стрѣлкамъ заходить—вотъ и пропали;» вдругъ ему закричали: «ваше сіятельство, стрѣлки уцѣлѣли!» «какъ уцѣлѣли?»—и видитъ Паскевичъ, что разорванныя кучки наши, перемѣшанныя съ делибашами, бойко отбиваются; толпа делибашей начала рѣдѣть и въ безпорядкѣ поска-

кала назадъ, не успѣвъ отрѣзать ни одной головы, какъ они это ловко и быстро дѣлаютъ даже подъ выстрѣлами, и оставивъ на мѣстѣ нѣсколько труповъ. Паскевичъ велѣлъ справиться и записать фамилію офицера, командующаго этими стрѣлками, и онъ получилъ владимірскій крестъ, не имѣя еще низшихъ орденовъ. По окончаніи сшибки, не считая подоспѣвшаго подкрѣпленія, осталось, за убылью, 48-мь стрѣлковъ, а въ атакующей толпѣ было не менѣе 400. Это былъ часъ по-полудни, солнце пекло страшно; отъ утомленія съ обѣихъ сторонъ батальный огонь становился рѣже и рѣже, у стрѣлковъ были выпущены всѣ патроны, разгорѣвшіяся ружья отъ частыхъ выстрѣловъ трудно было держать въ рукахъ—велѣно было, наконецъ, оставить гору, и пасъ смѣнили другою цѣпью; начали собираться облака и въ два часа пронеслась туча съ сильнымъ дождемъ, почва взмокла; на лѣвомъ флангѣ, въ 3 часа, скользя по мокрой горѣ и съ мокрыми ружьями, пошли наши на штурмъ большой турецкой батареи, защищавшей крѣпость и часть ихъ лагеря; какъ только взяли ее съ боя карабинеры и егеря, часа въ четыре, турки стали волноваться; Паскевичъ двинулъ колонны впередъ противъ турецкаго лагеря и главнаго эрзерумскаго корпуса; турки въ безпорядкѣ побѣжали, оставивъ часть лагеря въ нашихъ рукахъ; странно было видѣть, что отъ какихъ-нибудь двинувшихся 4—5 баталіоновъ огромныя массы турокъ, за отдѣленіемъ части ушедшей въ крѣпость, въ безпорядкѣ стали отступать, не оказавъ упорнаго сопротивленія, какъ-бы надобно было ожидать по предшествовавшему разсыпапному бою, ибо собственно пораженія туркамъ не было сдѣлано. Ихъ храбрость испарилась и они считали, что сдѣлали все, что нужно было сдѣлать,—пора было отдохнуть и убраться во-свояси, не думая о послѣдствіяхъ. Паскевичу предложили послать кавалерію на

перерѣзъ отступающимъ; понимая свое положеніе, онъ сказалъ: «припомните, господа, выраженіе одного римскаго полководца — бѣгущему непріятелю надобно строить золотой мостъ.» Если-бы турки отступивъ, заняли крѣпкую позицію въ тѣснинахъ поцховскаго ущелья, верстахъ въ 15-ти отъ Ахалциха, и усиливъ себя аджарцами, стали-бы угрожать нашему тылу во время осады и штурма крѣпости—положеніе наше было-бы очень связано; въ предположеніи этого маневра со стороны непріятеля, не желая дать ему одуматься отъ нанесеннаго страха, Паскевичь поспѣшилъ штурмомъ.

Собственно ахалцихская крѣпость, скорѣе замокъ, состоитъ изъ трехъ отдѣленій; высокая каменная скала, обнесенная каменною стѣною, составляетъ цитадель, нѣсколько ниже примыкаетъ къ ней такъ названная нами верхняя крѣпость, имѣющая со стороны города двѣ стѣны и третью низенькую стѣнку, въ родѣ покрытаго пути; въ этомъ отдѣленіи крѣпости былъ домъ паши и разныхъ служебныхъ лицъ, мечеть, медресе и прекрасный легкій минаретъ, все изъ тесаннаго камня, хорошей работы. Отъ верхняго отдѣленія крѣпости каменная стѣна съ воротами отдѣляла нижнюю ея часть, спускавшуюся внизъ по гребню горы скалистаго берега, омываемаго Поцховомъ, такъ что, въ случаѣ крайности, если-бы непріятель ворвался въ нижнюю часть крѣпости, то можно было-бы еще нѣкоторое время держаться въ верхней цитадели. Огражденная почти недоступнымъ скалистымъ берегомъ Поцхова со стороны юго-восточной, крѣпость прилегала безъ интервала къ самымъ домамъ города со стороны сѣверо-западной и была здѣсь очень доступна непріятелю. Но главная сила Ахалциха заключалась въ городѣ, имѣвшемъ до 25 тысячъ населенія, усиленнаго какъ частію эрзерумскаго корпуса, такъ и разнаго сброда удальцевъ отличной храбрости, составлявшихъ численность дѣй-

ствующей силы до 25 тысячъ; городъ былъ обнесенъ высокимъ частоколомъ изъ толстыхъ бревенъ и за нимъ крытые блиндажи для гарнизона, которыхъ не пробивали наши бомбы, и самый частоколъ не очень поддавался нашимъ ядрамъ, такъ что во время штурма приходилось съ большимъ трудомъ пролѣзать въ пробитыя отверстія и подрубать частоколъ подъ градомъ пуль. Минныя работы некогда было начинать, и едва было сдѣлано нѣсколько траншей около батарей въ болѣе важныхъ пунктахъ, и только одна брешь-батарея въ близкомъ разстояніи, отъ коей начался штурмъ. Паскевичъ спѣшилъ.

Зная изъ прежнихъ примѣровъ, что русскіе обыкновенно штурмуютъ крѣпости ночью, предъ разсвѣтомъ, турки собирались вечеромъ къ палисадамъ и готовясь къ отпору, размѣщали войска на извѣстныхъ мѣстахъ, гдѣ болѣе ожидалось нападеніе; съ наступленіемъ-же утра они расходились по домамъ и кофейнямъ, оставляя у стѣнъ небольшіе караулы, ни-какъ не предполагая, чтобы такъ скоро сдѣлана была атака. 15-го августа сильная бомбардировка всполошила турокъ,—но къ полудню все смолкло, и турки успокоились, не ожидая штурма.

Въ 4 часа по-полудни, пообѣдавъ послѣ своего полковаго праздника, два баталіона ширванскаго полка съ распущенными знаменами, музыкой и пѣснями, спустились съ высокой горы, гдѣ была главная батарея изъ осадныхъ орудій, къ ближайшей брешь-батареи у палисада, прикрываемой въ этотъ день баталіономъ херсонскаго полка и саперамъ. Турки полагали, что шла смѣна прикрытію на батареѣ—какъ дѣлалось прежде, и нисколько не тревожились, не смотря, что наканунѣ бѣжали въ крѣпость два фельдфебеля изъ кантонистовъ, которымъ грозили разжаловать за пьянство,—они извѣстили, что будетъ на слѣдующій день штурмъ; но такъ какъ показанія ихъ были сбив-

чивы, то премудрые паши имъ не повѣрили. Поэтому турецкіе порядки шли по прежнему, и на главномъ атакуемомъ пунктѣ при батареѣ оставалось прикрытія человѣкъ шестьдесятъ турокъ—остальные, за исключеніемъ другихъ небольшихъ карауловъ по фасамъ, разошлись кто въ баню, кто по домамъ для отдыха до ночи (это говорили послѣ, при мнѣ, князю Бебутову, оставшіеся въ городѣ почетные турки),—но эта горсть храбрецовъ постояла за себя: пока, пробѣжавъ саженъ полутораста, наши стрѣлки лезли въ дыры сбитыхъ амбразуръ и чрезъ поломанный изрѣдка частоколъ, который нужно было еще подрубить, турки положили нѣсколько офицеровъ и много солдатъ, пока не были всѣ переколоты.

Когда четыре баталіона ворвались въ городъ, перетащивъ коекакъ нѣсколько пушекъ, и заняли часть стѣны и лежащее близко кладбище—закипѣлъ отчаянный бой около бывшей не-вдалекѣ католической церкви и по кривымъ узенькимъ улицамъ, застроеннымъ въ безпорядкѣ домами изъ глины и камня.

Вправо отъ начальнаго пункта штурма, баталіонъ 42-го егерскаго полка, прорубивъ подъ сильнымъ огнемъ частоколъ, тоже ворвался въ городъ и нѣсколько отвлекъ массу непріятеля отъ католической церкви; въ этихъ 5-ти баталіонахъ была и бо́льшая потеря въ людяхъ, какъ главной дѣйствующей силы на штурмѣ. На лѣвой сторонѣ, въ жидовскомъ кварталѣ, спускавшемся въ глубокую впадину, сопротивленіе было слабѣе—тамъ можно было обстрѣливать мѣстность, почему потеря здѣсь у насъ, какъ и со стороны кургана, была не велика. Сторона къ Поцхову, какъ самая недоступная, предоставлена была для бѣгства непріятелю по дорогѣ къ Ардагану.

До ста нашихъ орудій съ командующихъ высотъ громили городъ и получали таковой-же отвѣтъ изъ крѣпости, покрывая своимъ грохотомъ мелкую дробь ружейнаго

огня. Прошло уже около трехъ часовъ ожесточеннаго боя, гдѣ надобно было выбивать непріятеля, засѣвшаго въ укрѣпленныхъ домахъ и въ кривизнахъ узкихъ переулковъ; начинало смеркаться—этой величественно-грозной картинѣ недоставало освѣщенія, и вдругъ какая-то благодѣтельная для насъ граната зажгла домъ—это надоумило насъ сжечь городъ. Въ разлившемся пламени, задыхаясь отъ жара и дыма, двѣ враждебныя силы свирѣпѣли до неистовства, поражая чѣмъ попало другъ друга, сталкиваясь грудь съ грудью; наконецъ, разливающееся пламя внутри города стало отодвигать обороняющихся, пальба становилась рѣже, рукопашныя схватки тоже. На возвышеніи католической церкви, командующемъ городомъ, мы утвердились прочно и поставили батареи, обстрѣливавшія внутренность его,—часовъ въ 10-ть начала смолкать перестрѣлка и городъ былъ нашъ. Въ жидовскомъ кварталѣ нашли трупы двухъ фельдфебелей, убитыхъ, какъ говорили, турками, по подозрѣнію въ шпіонствѣ; но могло случиться, что и свои солдаты съ ними расправились, такъ какъ во время штурма нѣсколько нашихъ бѣглецовъ, дравшихся противъ насъ, были схвачены и брошены въ огонь горѣвшихъ домовъ; прежде точно такъ-же въ елисаветпольскомъ сраженіи нашимъ бѣглецамъ, взятымъ въ плѣнъ, не давали пощады.

Забывъ преданіе, что прежде надобно снять мѣсяцъ съ неба и потомъ уже лупу съ ахалцихскаго минарета, предавшись волѣ Аллаха—турки стали оставлять городъ, и въ продолженіе почи большая часть ихъ бѣжала съ семействами къ сторонѣ Ардагана, вѣруя въ предопредѣленіе, что гяуры уже должны быть господами города.

16-го августа, по-утру, войска подступили къ стѣнамъ крѣпости; генералы Муравьевъ, Сакенъ и, кажется, полковникъ Бурцевъ потребовали сдачи; со стѣнъ завязались

переговоры, показывающіе соглашеніе къ сдачѣ,—но когда, увѣренные въ покорности, вошли паши генералы въ ворота крѣпости, то ихъ за ними затворили, и турки уже заговорили высокомѣрнымъ тономъ; не смотря на свое критическое положеніе, генералы однако не смутились и стояли на своихъ требованіяхъ безусловной сдачи гарнизона; видя солдатъ у самыхъ стѣнъ крѣпости и боясь гибели въ случаѣ предательства, паши согласились на всѣ требованія нашихъ смѣлыхъ парламентеровъ.

Главный оплотъ и угроза турецкой силы со стороны Грузіи, имѣвшій авторитетъ непобѣдимости, гнѣздилище набѣговъ храброй вольницы, наконецъ, рушился. Теперь ермоловское обаяніе силы русскаго оружія перешло окончательно на Паскевича, и онъ твердо могъ разсчитывать на дальнѣйшій успѣхъ кампаніи предстоящаго года. Упоенный успѣхомъ, онъ сталъ очень милостивъ къ войскамъ, на награды не скупился; благодаря войска въ приказѣ, онъ сказалъ: «что въ продолженіе 22-хъ лѣтней своей боевой службы онъ не видалъ болѣе храбрѣе, усерднѣе и терпѣливѣе въ трудахъ кавказскаго солдата!» того самаго солдата, которому за полтора или два года онъ говорилъ, что ему стыдно показать его непріятелю.

Взятіемъ Ахалциха закончивъ кампанію 1828 года, Паскевичъ, въ исходѣ августа или началѣ сентября (не помню), со всѣмъ отрядомъ отправился на зиму въ Грузію, оставивъ гарнизономъ въ Ахалцихѣ два баталіона ширванскаго полка и одну роту херсонскаго; ширванскіе баталіоны очень слабы были численностію состава послѣ большихъ потерь во время штурма, гдѣ былъ убитъ и ихъ полковой командиръ, полковникъ Бородинъ,—почему временно командовалъ ими гвардейскій полковникъ Бентковскій, а за его отъѣздомъ въ Петербургъ—старшій штабъ-офицеръ, онъ-же единственный изъ наличныхъ. Не

говоря объ убитыхъ, раненые офицеры, нѣсколько оправясь, поѣхали лечиться въ штабъ-квартиру; штабные офицеры—тоже для приведенія въ порядокъ дѣлъ, запущенныхъ въ долгомъ походѣ персидскомъ и настоящемъ; поэтому офицеровъ при полку было мало.

Старшій изъ нихъ, родившійся въ полку, сынъ фельдфебеля, дослужившагося до капитана, подполковникъ Юдинъ—какъ первый храбрецъ того времени, посланъ былъ съ донесеніемъ о взятіи Ахалциха къ Государю подъ Варну, и какъ онъ былъ не очень силенъ въ грамотѣ и небоекъ на слова, то ему въ помощники данъ былъ артилерійскій офицеръ, для подробнаго разъясненія Государю хода осады и штурма. Юдинъ награжденъ былъ чиномъ полковника и георгіемъ 4-й степени, и когда онъ изъявилъ сожалѣніе, что съ полученіемъ высшей степени долженъ будетъ снять георгіевскій солдатскій крестъ, дорогой по воспоминаніямъ, когда онъ дрался съ непріятелемъ подъ руководствомъ отца своего юнкеромъ, то ему первому въ русской арміи, послѣ Милорадовича, дозволено было носить этотъ орденъ вмѣстѣ съ офицерскимъ. Будучи знакомъ съ Юдинымъ по первоначальной моей службѣ въ ширванскомъ полку, я слышалъ, что когда ему велѣно было отправиться въ лейбъ-егерскій полкъ, послѣ постигшей его катастрофы подъ Варною, чтобы внушить солдатамъ—какъ должно усердно и храбро служить Государю, бѣдный Юдинъ былъ страшно сконфуженъ: не зналъ, что говорить, видя глубокую горесть на мужественныхъ лицахъ несчастныхъ лейбъ-егерей. «Дали-бы мнѣ этихъ солдатъ въ команду—говорилъ Юдинъ—я показалъ-бы, что имъ никакихъ внушеній ненужно для исполненія своего долга.» Не могу при этомъ не сказать, что для ширванскаго полка, кромѣ Юдина, долженъ сохраняться въ памяти и капитанъ Бѣлькевичь—тоже почти

родившійся въ полку. Сынъ провіантскаго чиновника, Бѣлькевичъ вмѣстѣ съ отцемъ находился часто при полку въ походахъ и еще почти отрокомъ поступилъ въ него на службу. Одинаково съ Юдинымъ храбрый до дерзкой отваги, онъ пользовался вмѣстѣ съ нимъ вниманіемъ Ермолова; отъ природы награжденъ былъ хорошими способностями—конечно, неразвитыми—и, при благопріятныхъ обстоятельствахъ, Бѣлькевичъ могъ-бы дойти до Евдокимовыхъ, тогда какъ Юдинъ не могъ долго пробыть полковымъ командиромъ. Подъ Елисаветполемъ Бѣлькевичъ, имѣя уже владимірскій крестъ, соблазнился персидскимъ знаменемъ, бросился на него съ ротою: знамя-то взялъ, но тутъ-же палъ, пораженный пулею. Не знаю, сохраняется-ли въ ширванскомъ полку память о *шести* братьяхъ Грековыхъ, харьковскихъ уроженцевъ; пятеро изъ нихъ въ разное время были убиты: старшій Грековъ, дослужившійся до генералъ-маіора, былъ заколотъ въ 1825 году въ крѣпости Грозной вмѣстѣ съ генераломъ Лисаневичемъ однимъ чеченскимъ абрекомъ, второй, командуя полкомъ, убитъ подъ Елисаветполемъ, трое—еще прежде, оставался въ живыхъ въ полку—младшій.

Мать просила Государя, помимо желанія сына, уволить его въ отставку для послѣдняго утѣшенія и поддержанія ея старости, въ виду того, что кампанія съ персіянами только-что началась, и она можетъ потерять послѣдняго сына. Грекова уволили отъ службы съ пенсіономъ гораздо прежде выслуженія на то срока.

Во вновь завоеванныхъ пашалыкахъ—карскомъ и ахалцихскомъ—Паскевичъ устроилъ правленіе на русскій ладъ, съ участіемъ туземцевъ. Назначивъ генералъ-маіора князя В. О. Бебутова начальникомъ ахалцихскаго пашалыка и расположенныхъ въ немъ войскъ, онъ велѣлъ открыть подъ его пред-

сѣдательствомъ правленіе, гдѣ были членами два штабъ-офицера и по два изъ каждаго исповѣданія: христіанскаго, мусульманскаго и еврейскаго, съ присоединеніемъ двухъ законниковъ изъ кадіевъ. Только-что произведенный въ генералы, не имѣя своего штаба, князь взялъ двухъ офицеровъ—одного для строевой и военной переписки, другаго—меня—для веденія дѣлъ по управленію пашалыкомъ, *секретаремъ* правленія, какъ дали мнѣ титулъ. Паскевичь приказалъ правленію быть коллегіальнымъ и соблюдать должныя формальности, для показанія азіятцамъ важности учрежденія, между тѣмъ при рѣшеніяхъ держаться болѣе мѣстныхъ обычаевъ и только, гдѣ они будутъ не сообразны, примѣнять русскіе законы. Тутъ-то секретарь сталъ въ тупикъ; конечно, онъ былъ единственный *секретарь*, который-бы такъ мало зналъ гражданскій порядокъ веденія дѣлъ и который никогда не прочелъ ни одной строки изъ русскихъ гражданскихъ законовъ, а *таковыхъ* и нельзя было достать въ только-что завоеванномъ турецкомъ городѣ. При докладѣ князю объ означенныхъ затрудненіяхъ секретаря, князь приказалъ: записывать въ русскій протоколъ всѣ рѣшенія и распоряженія правленія, указы, которые турки называли *бератами*, также акты и приказанія писать на турецкомъ языкѣ переводчикамъ и турецкимъ писцамъ, занося содержаніе ихъ въ журналъ по-русски; вмѣсто-же подписи, согласно турецкому обычаю, прикладывать мнѣ княжескую печать сверху заголовка бумаги, а внизу текста, гдѣ бываетъ у насъ подпись, должны прикладывать свои печати члены, какъ подчиненныя лица.

Будучи уроженцемъ Грузіи, князь Бебутовъ хорошо зналъ нарѣчія тамошнихъ разноплеменныхъ жителей—и это очень облегчило ходъ дѣлъ и администрацію. Онъ, какъ человѣкъ благодушный, кроткимъ обращеніемъ и знаніемъ обычаевъ восто-

ка, не смотря на буйное воинственное населеніе, фанатически преданное турецкимъ порядкамъ, внушалъ къ себѣ уваженіе жителей, и въ продолженіе осени и зимы, до исхода февраля, не случилось никакого безпорядка, никакого враждебнаго дѣйствія со стороны жителей. Многіе, ушедшіе изъ нихъ за новую границу, возвратились домой, продавали дома въ городѣ и земли по деревнямъ невозбранно. Беки, извѣстные недружелюбіемъ къ русскимъ и прежними разбоями, пріѣзжали на поклонъ или по своимъ дѣламъ къ князю, называя его *пашею*; одни получали ласковый пріемъ, другіе—правый судъ, большею частію словеспый, рѣдко возражая при объясненіяхъ. Возложенная задача заключалась въ томъ, чтобы всѣми мѣрами поддержать порядокъ, дабы не тревожить изъ Грузіи войска, занятыя приготовленіемъ къ предстоящему походу и нуждавшіяся въ отдохновеніи.

И такъ все время, до половины февраля 1829 года, въ Ахалцихѣ шло хорошо. Въ табельные дни и при полученіи запоздалыхъ извѣстій объ успѣхахъ нашего оружія въ Европейской Турціи, князь давалъ обѣды для почетныхъ лицъ города, при чемъ всегда производилась пальба изъ крѣпостныхъ пушекъ; турецкаго пороха и боевыхъ запасовъ взято было въ крѣпости много, и потому на нихъ не скупились, а между тѣмъ это производило впечатлѣніе на народъ, жадный до новостей; сейчасъ скакали гонцы за границу съ преувеличенными вѣстями о торжествахъ русскихъ. Надобно было приготовлять всегда два обѣда: общій—для русскихъ, гдѣ помѣщались и почетные христіане, и азіятскій—для мусульманъ, присылавшихъ готовить своего повара, располагавшихся въ той же залѣ на полу, на коврахъ, съ поджатыми ногами; при тостахъ за здоровье Государя употреблялся мусульманами шербетъ.

Новые порядки не нравились только фанатическимъ ахундамъ и прочимъ духовнымъ ислама или немногимъ кореннымъ туркамъ. Надобно помнить—какъ уже я сказалъ, что ахалцихская область, составлявшая часть прежняго грузинскаго царства въ родѣ удѣльнаго, подъ управленіемъ *атабеговъ* (владѣтелей), только въ половинѣ XVI столѣтія завоевана турками (*); но жители ея, хотя обращенные большею частію въ мусульманство, сохранили свой языкъ, преданія христіанства и прежніе обычаи, почему были плохіе мусульмане и, сохраняя воинственный характеръ, не очень поддавались турецкому гнету, вслѣдствіе чего они смотрѣли на насъ не такъ враждебно, какъ настоящіе турки, между ними водворившіеся.

Если случалась дисгармонія въ строѣ управленія князя Бебутова, часто его сердившая, то она происходила отъ подчиненныхъ ему лицъ. Въ ардаганской крѣпости и санджакѣ, передовомъ къ непріятелю, былъ поставленъ комендантомъ командиръ казачьяго полка при 2-хъ ротахъ пѣхоты, а въ ахалкалакской крѣпости командовалъ маіоръ и въ послѣдствіи подполковникъ Педяшъ. Казачій подполковникъ распоряжался нерѣдко по-казачьи—произвольно, и потому заставлялъ жителей обращаться съ просьбами къ князю, кассировавшему его распоряженія, чѣмъ тотъ обижался; Педяшъ, по крайней безтолковости своей, дѣлалъ часто сумбуръ въ управленіи, но такъ какъ они оба были назначены Паскевичемъ, то князь долженъ былъ ихъ терпѣть. Бывало, получится исписанный листъ донесенія отъ Педяша—князь почитаетъ, почитаетъ, улыбнется, да и передастъ мнѣ къ *исполненію*; прочитавши безсмыслицу, я спрашиваю—что дѣлать, такъ какъ я не понимаю написаннаго листа; ну, братецъ, и я не понялъ—скажетъ, улыбаясь, князь;

(*) Турки завладѣли ахалцихскою областью въ 1625 году.

Ред.

ты секретарь, турки тебя называютъ мирзою, а ты знаешь, что секретари должны работать за начальниковъ, когда они не понимаютъ,—такъ и дѣлай, какъ знаешь; отложи, впрочемъ, въ сторону бумагу Педяша, авось пріѣдетъ проситель или тамошній бекъ, тогда изъ словъ ихъ догадаемся въ чемъ дѣло. Иногда потребуешь поясненія на представленіе—онъ напишетъ еще хуже, обыкновенно съ примѣсью церковныхъ текстовъ и выраженій витіеватыхъ, затемняющихъ еще болѣе смыслъ. Турки, впрочемъ, мало на него жаловались, хотя удивлялись странностямъ въ его поступкахъ, такъ какъ Педяшъ былъ человѣкъ добрый. Когда его курьезные рапорты въ корпусный штабъ показывали Паскевичу: «онъ глупъ на письмѣ, а на словахъ и дѣлѣ уменъ»—получался отъ него отвѣтъ. Дѣло въ томъ, что Педяшъ былъ мистикъ, углубленный въ церковное писаніе, выказывалъ странности, а какъ при воздержной строгой жизни, онъ имѣлъ репутацію боеваго офицера, то ему и былъ ввѣренъ довольно опасный постъ въ то время—крѣпостца Ахалкалаки съ тремя санджаками: (въ родѣ уѣздовъ) ахалкалакскимъ, чалдырскимъ и хертвискимъ, населенными тогда преимущественно разбойничьимъ племенемъ карапанаховъ и бѣжавшими татарами изъ Грузіи; но какъ внутреннее управленіе въ санджакахъ было частію оставлено за беками, наслѣдственно при туркахъ пользовавшимися властью, то князь Бебутовъ, неслишкомъ полагаясь на Педяша, велъ часто дѣла прямо съ беками, давая только знать ему; остальные-же ближайшіе санджаки къ Ахалциху относились прямо въ правленіе.

Когда турки въ февралѣ осадили Ахалцихъ, Педяшъ, скоро получивъ о томъ извѣстіе чрезъ жителей, послалъ въ Тифлисъ добраго гонца, разумѣется, верховаго. Тогда станцій не было, да еще пустынный перевалъ черезъ горы, верстъ на

пятьдесятъ, къ крѣпости Цалкѣ былъ заваленъ снѣгомъ. Гонецъ Педяша первый доставилъ прямо въ руки Паскевичу донесеніе, гдѣ говорилось: «по приказанію вашего сіятельства (разумѣя общее распоряженіе о доставленіи экстренныхъ свѣдѣній прямо въ руки главнокомандующаго), Ахалцихъ турками *взятъ* подъ начальствомъ Ахметъ-паши аджарскаго;» потомъ излогалось въ донесеніи въ несвязныхъ, запутанныхъ фразахъ о числѣ турецкаго войска и о мѣрахъ князя Бебутова къ оборонѣ крѣпости; наконецъ, помѣщено было слово *«въ блокаду»*— о чемъ вашему сіятельству всепочтительнѣйше донести честь имѣю.» Прочитавъ первыя строки донесенія и остановясь на положительномъ выраженіи—Ахалцихъ *взятъ* турками подъ командой Ахметъ-паши аджарскаго—Паскевичъ, зная безтолковое многописаніе Педяша, не сталъ читать длиннаго рапорта, бросилъ его на полъ, прійдя въ страшный гнѣвъ по своей вспыльчивой натурѣ,—зная, какъ важенъ въ стратегическомъ отношеніи Ахалцихъ и какое страшное впечатлѣніе произведетъ его паденіе. Когда-же призванные начальникъ штаба Остенъ-Сакенъ и полковникъ Вальховскій объяснили смыслъ тарабарскаго писанія, Паскевичъ, нѣсколько успокоенный, сказалъ: «господа, я измѣнникъ—вѣдь Педяшъ доноситъ, что *по моему приказанію* Ахметъ-паша *взялъ* Ахалцихъ!» Не думайте, чтобы Педяшъ сколько-нибудь потерпѣлъ за это донесеніе—нѣтъ, онъ преспокойно оставался до 1831 года на своемъ мѣстѣ комендантомъ до упраздненія должности. Педяшъ оправдалъ свою репутацію въ мнѣніи Паскевича: онъ написалъ глупо, а распорядился умно, давъ первый знать о блокадѣ Ахалциха, не смотря на трудности сообщенія. Чрезъ два года послѣ разсказываемаго времени, по обязанности управляющаго пересилившимися изъ Турціи армянами, проѣздомъ чрезъ Ахалкалаки, я видѣлъ высокую, сухощавую серьозную

фигуру Педяша, говорящую какъ-то таинственно, изысканными словами. Подчиненные имъ тяготились, турки, смотря на его странности, покачивали головами, клали въ ротъ палецъ удивленія и называли его русскимъ дервишемъ.

Тутъ, говорившій безъ умолка старикъ, размечтался. Да, интересно было-бы взглянуть мнѣ теперь—говорилъ онъ—чрезъ 40 лѣтъ на ахалкалакскую долину (верстъ 40 длиною и 25 или болѣе ширины), лежавшую тогда болѣе 200 лѣтъ въ совершенномъ запустѣніи; частыя развалины деревень хорошей каменной постройки болѣе изъ плитняка, обрушившіеся куполы греческаго зодчества церквей, показывали былое счастливое положеніе жителей этой грузинской мѣстности. Дикія вторженія турокъ и горцевъ Кавказа обезлюдили совершенно край, и при нашемъ занятіи онъ былъ пустынею, занятою изрѣдка разбойничьими землянками карапапаховъ,—теперь эта плодородная мѣстность кипитъ дѣятельнымъ населеніемъ переселенцевъ.

Въ половинѣ октября высокіе горные хребты, идущіе изъ Анатоліи—Арсіанъ и Улгаръ—покрылись глубокимъ снѣгомъ, оградили насъ отъ мелкихъ нападеній со стороны Шавшета и Аджары; казачьи посты, за исключеніемъ пе-многихъ, были сняты по недоступности проходовъ въ зимніе мѣсяцы; совершенно какъ въ мирной странѣ проводили мы зиму, снѣга стали спускаться съ горъ все ниже въ долину, или скорѣе въ широкое ущелье Ахалциха; въ Ардаганъ, по дну поцховскаго ущелья и послѣ чрезъ Улгаръ, была едва проходимая для вьюковъ тропинка; въ декабрѣ и у насъ на низменныхъ мѣстахъ Поцхова и Куры и далѣе въ боржомскомъ ущельи выпалъ порядочный снѣгъ, но погода вообще на низменности стояла теплая, хотя возлѣ по горамъ бушевали метели и холодъ; тоже самое явленіе русской зимы было и на возвышен-

ной плоскости Ахалкалака, окруженной съ востока абульскими горами, такъ что Ахалкалаки съ западной стороны отъ насъ и съ восточной отъ Грузіи были совершенно изолированы, и съ послѣдней стороны движеніе зимою войскъ, по отсутствію населенія и лѣса, по сугробамъ было невозможно; оставалось одно надежное сообщеніе Ахалциха съ Грузіей чрезъ боржомское ущелье, а это надежное сообщеніе, на протяженіи 45 или 50 верстъ, составляетъ гигантскую трещину цихидзиварскихъ горъ, доходящихъ почти до линіи снѣговъ; сквозь эту трещину пробиваетъ себѣ путь быстрая Кура, упираясь не-рѣдко зизгагами отъ одной скалы въ другую, оставляя узкій проходъ, гдѣ невозможно свернуть или обойти въ сторону, да еще по глубокому снѣгу; въ нѣкоторыхъ мѣстахъ нужно было перебираться чрезъ скалы. Отъ Паскевича было приказано завести треугольники для разчистки снѣга, но толку было мало—нѣсколько шаговъ въ бокъ на горы, и нельзя было сдѣлать шага.

Около половины января 1829 года дошли къ намъ слухи изъ за-границы, что Ахметъ-бекъ аджарскій пожалованъ султаномъ ахалцихскимъ пашею, съ тѣмъ, чтобы онъ взялъ обратно городъ у русскихъ, для чего собираются войска. Мы шутили, что у князя Бебутова явился соперникъ, такъ какъ жители обыкновенно называли его пашею даже при личныхъ объясненіяхъ. Мы, да и самъ Паскевичъ, этой турецкой продѣлкѣ не давали значенія, зная, что у турокъ бываютъ за-частую очень громкіе планы и распоряженія, кончающіеся ничѣмъ—особенно среди суровой зимы. Никакихъ приготовленій къ отпору у насъ не было. Между тѣмъ князь еще съ осени завязалъ переписку съ Ахметъ-бекомъ аджарскимъ—какъ соплеменный съ нимъ туземецъ. Другъ отъ друга ѣздили открыто посланцы, мѣнялись любезностями и ни одинъ аджарецъ

не нарушалъ покоя временной пограничной черты.

Аджара—горная, лѣсная страна—начинается отъ береговъ Чернаго моря, около Батума, и граничитъ съ сѣвера нашею Гуріей и частію съ Имеретіей, входила въ составъ ахалцихскаго пашалыка; жители ея грузинскаго племени. Въ началѣ минувшаго вѣка, позднѣе всѣхъ своихъ сосѣдей, она была завоевана турками; искони христіанка, Аджара начала мусульманиться, но очень туго; вообще, жители въ горахъ ея плохіе прежде христіане и очень равнодушно относились къ мусульманству, мѣшали старое вѣрованіе съ новымъ и поддерживали былыя воспоминанія въ постоянныхъ сношеніяхъ съ сосѣдней Имеретіей и Гуріей. Тамъ сохранили свое вліяніе и собственность старыя дворянскія фамиліи, получившія названія бековъ. Власть турецкихъ пашей надъ ними была поминальная, о поборахъ турки не смѣли думать. Аджарцы сами справлялись съ южными сосѣдями лазами и прибрежными кобулетцами, одинаковаго съ ними покроя, и, никого не спрашиваясь, дѣлали набѣги то на Имеретію, то на вѣрноподданныхъ султана. Когда посланный Паскевичемъ, по заключеніи мира, изъ Эрзерума въ Трапезондъ адъютантъ Мельниковъ, возвращаясь назадъ въ Грузію по берегу моря на Имеретію, проѣзжалъ по прибрежью около Батума, вездѣ встрѣчалъ у бековъ радушный пріемъ и ночлегъ—какъ почетный русскій гость,—но когда на-утро начиналъ просить свѣжихъ лошадей и проводниковъ, то любезный хозяинъ приходилъ въ затрудненіе и говорилъ: «вотъ видишь вдали на горѣ башню и домъ, куда тебѣ ѣхать надобно,—я съ этимъ бекомъ въ войнѣ,—ты туда проѣдешь благополучно, ты русскій и имѣешь фирманъ отъ трапезондскаго паши, тебя не посмѣютъ тронуть,—но когда мои люди поѣдутъ одни обратно, то ихъ перебьютъ или возьмутъ въ плѣнъ.» Много надобно

было г. Мельникову дѣлать увѣреній, что постарается о безопасномъ возвращеніи прислуги бека.

Изъ такого сорта людей былъ пожилой Ахметъ-бекъ, управлявшій Аджарой, раздѣлявшейся на два санджака—верхній и нижній, если не легально, то фактически, наслѣдственно; послѣднее зависѣло отъ обстоятельствъ и силы бека. Какъ я сказалъ, князь велъ переписку съ Ахметъ-бекомъ собственноручно, по-грузински; Аджара тогда еще не утратила свой родной языкъ, хотя уже испорченный, и грамота грузинская еще жила между немногими, но бекъ такъ дурно и неразборчиво писалъ, что князь, знатокъ этого языка, всегда съ большимъ усиліемъ разбиралъ его письма и говорилъ, что только онъ одинъ можетъ понять написанное Ахметъ-бекомъ. Въ чемъ заключалась ихъ переписка—конечно, никто не зналъ,—но нѣкоторые говорили—и послѣ подтвердилось, что бекъ просилъ себѣ за новое подданство генеральскій чинъ, орденскую ленту и 10-ть тысячъ пенсіи.

Съ половины января начало теплѣть, а къ концу мѣсяца около Ахалциха и внизу лощины около Куры снѣгъ сошелъ,—но на ближайшихъ горахъ, выше нѣсколько десятковъ саженъ отъ лощины, лежалъ глубокій снѣгъ, а къ сторонѣ Улгара, Аджары и Ахалкалаки была родная наша зима. По временамъ, возобновлялись слухи о сборахъ Ахметъ-паши, какъ теперь начали титуловать его, но на нихъ не обращалось вниманія. Жизнь паша текла мирно и сносно, въ кавказскомъ смыслѣ, по милости добраго и распорядительнаго князя, входившаго въ нужды гарнизона, и чуть не бывшаго командиромъ полка—по отсутствію недавно назначеннаго и еще не прибывшаго полковника Кашкарова. Популярность князя укрѣплялась все болѣе и болѣе; каждый день приходила къ нему толпа народа съ просьбами и объясненіями, или просто по-

толковать съ русскимъ пашею по восточному обычаю, безъ помощи переводчика, которыхъ азіятцы не любятъ, зная ихъ продѣлки. Между множествомъ рѣшаемыхъ дѣлъ были характеристичныя—и водъ одно.

Разъ въ правленіе собралось много народа; явились всѣ почетныя лица, всѣ ученые турецкіе юристы, меодарисы, кади и муллы. Былъ оживленный споръ, въ которомъ князь принималъ большое участіе; иногда лицо его выражало неудовольствіе, иногда онъ смѣялся. Вліятельное лицо, старый бекъ, управлявшій ахалкалакскимъ санджакомъ, тутъ-же сидѣвшій, но говорившій мало, былъ предметомъ разсужденія по жалобѣ грузинскаго дворянина, плохо одѣтаго, невзрачной наружности, видимо приниженнаго судьбою. Какъ разговоръ шелъ по-турецки со стороны членовъ собранія, по-грузински—со стороны дворянина, то я кое-что догадывался, что дѣло идетъ о женщинѣ и сѣрой кобылѣ. Наконецъ, князь, обратясь ко мнѣ, сказалъ: «запиши въ журналъ, что по жалобѣ дворянина № на бека санджака ахалкалакскаго, дѣло кончено мировою, по которой Мути-бекъ даетъ дворянину № сѣрую куртинскую кобылу (имъ прежде подмѣченную) и 30 руб. за похищенную у него № лезгинами жену въ 1815 году, живущую съ того времени у бека, и симъ искъ прекращается; да, вели азнауру подписаться или приложить печать, если не знаетъ грамотѣ, а то, пожалуй, опять затѣетъ искъ». Дѣло было такъ: въ 1815 году лезгины, по обычаю до Ермолова, сдѣлали набѣгъ по хидиставскому ущелью, въ Карталинію, недалеко отъ г. Гори, и вмѣстѣ съ другими предметами добычи захватили молодую грузинку, которую при дѣлежѣ (по возвращеніи въ свой притонъ, какъ требовалъ обычай), продали владѣльцу мѣстности Мути-беку. У несчастной женщины остался дома мужъ и грудной ребенокъ. Попавъ въ жены беку, она, конечно, сначала

тосковала о семействѣ и родинѣ, но богатый, сильный бекъ происходя самъ изъ грузинъ, привязался къ ней и старался сдѣлать жизнь ея пріятною,—онъ даже позволялъ ей изъ сосѣдней деревни, населенной бродягами грузинами, принимать къ себѣ священника; года за два до нашего прихода въ пашалыкъ, онъ дозволилъ пріѣхать уже подросшему сыну на свиданіе съ матерью и, одаривъ его, подъ надежнымъ прикрытіемъ доставилъ обратно къ отцу. Теперь русскіе заняли пашалыкъ и законный мужъ явился съ требованіемъ возвращенія похищенной жены по правиламъ христіанскаго закона,—старый бекъ, на основаніи мусульманскихъ законовъ, не хотѣлъ также уступить пріобрѣтенную жену. Рѣшеніе—кому принадлежать, зависѣло отъ нея самой. Но извѣстно было, что она имѣла большое вліяніе на стараго бека, который въ угоду ей не держалъ соперницъ, что она привыкла къ избытку и довольству, и помня нужду и бѣдность у своего перваго мужа, отъ коего въ продолженіе долгаго времени уже отвыкла, сама не расположена была къ нему возвратиться; но какъ христіанка, она не хотѣла отрѣшиться совершенно отъ преданій своей родины, а потому предоставила рѣшить свою судьбу русскому пашѣ, по привычкѣ вѣруя въ обязательность пашинскихъ приговоровъ.

Между тѣмъ отнять жену у почтеннаго мусульманина, который съ прибытіемъ русскихъ сейчасъ изъявилъ покорность и даже показалъ преданность нашимъ интересамъ, бывъ употребленъ со стороны нашей въ переговорахъ о сдачѣ Ахалциха, произвело-бы страшный взрывъ негодованія турокъ. Печальныя событія въ Тегеранѣ по одинаковому поводу, погубившія Грибоѣдова, слишкомъ оправдывали князя Бебутова со стороны каноническихъ правилъ, а со стороны общественныхъ отношеній его рѣшеніе вотъ какъ было практично:

чрезъ два года послѣ разсказываемаго времени, объѣзжая по переселенцамъ, я заѣхалъ по дорогѣ навѣстить стараго знакомаго Мути-бека и не заставъ его дома, хотѣлъ продолжать путь далѣе; ко мнѣ подошелъ юноша, одѣтый по-грузински, лѣтъ 16-ти, и довольно изрядно по-русски сказалъ: «матушка проситъ васъ отдохнуть съ дороги и закусить. Я васъ часто видѣлъ въ Гори—теперь пріѣхалъ оттуда сюда погостить.» Это былъ сынъ плѣнницы, пріѣхавшій повидаться съ матерью. Въ сообществѣ его и бывшаго тутъ священника, я провелъ часа полтора въ домѣ Мути-бека. Я тутъ удостовѣрился, что жена бека была полная хозяйка въ домѣ и пользуется большою его привязанностію. Господа, припомните, что, по азіятскому обычаю, показываться ей незнакомому было неприлично—но уже и это большая свобода, что жена пригласила въ домъ гостя въ отсутствіе мужа.

Только-что назначенный, по ходатайству Паскевича, командиромъ херсонскаго гренадерскаго полка полковникъ Бурцевъ, пріѣхалъ въ началѣ февраля въ Ахалцихъ для осмотра роты своего полка, бывшей въ составѣ гарнизона. Живя на передовомъ посту, какъ на уединенномъ островѣ, мы не вѣдали, что творится и какъ думается на бѣломъ свѣтѣ; съ пріѣздомъ Бурцева, мы, къ немалому удивленію, узнали, что въ Россіи и даже за границею очень цѣнятъ заслуги кавказскаго корпуса, что иностранныя газеты, отдавая похвалу успѣхамъ нашего оружія въ Азіятской Турціи, находятъ между тѣмъ побѣды паши въ Европейской въ 1828 году уравновѣшенными съ потерями.

Позвольте, господа, сдѣлать опять отступленіе—обратился къ намъ разговорившійся старикъ—и сказать нѣсколько о Бурцевѣ. Онъ былъ даже не родственникъ извѣстному въ началѣ

нынѣшняго вѣка ухарю гусару Бурцову, прославленному поэтомъ-партизаномъ. Не-менѣе храбрый до дерзости знаменитаго гусара, нашъ Бурцевъ получилъ хорошее тогдашнее образованіе въ школѣ колонно-вожатыхъ, и бывши офицеромъ генеральнаго штаба, поступилъ въ адъютанты къ начальнику штаба 2-й арміи, генералу Киселеву; пользуясь большимъ довѣріемъ своего генерала, онъ уже въ званіи адъютанта игралъ видную роль во 2-й арміи, фактически управляемой Киселевымъ, который обращался съ Бурцевымъ за-просто, какъ съ близкимъ человѣкомъ; съ производствомъ въ полковники Бурцевъ получилъ полкъ, кажется, азовскій—въ одной дивизіи съ Пестелемъ и въ одной бригадѣ съ Абрамовымъ (тоже изъ важныхъ декабристовъ). Во время этой катастрофы, Бурцевъ первоначально въ газетахъ помѣщенъ былъ въ спискѣ главныхъ заговорщиковъ,—но въ послѣдующихъ печатныхъ извѣстіяхъ имя его уже не значилось. Однако-же полкъ у него былъ взятъ, и онъ переведенъ въ нашъ корпусъ, въ тифлисскій полкъ, подъ команду младшаго по производству, но стараго служаки извѣстнаго храбреца полковника Волжинскаго, когда-то ротнаго моего командира въ ширванскомъ полку. Моего бывшаго капитана звали Иванъ Димитріевичъ, а въ шутку называли «Иванъ съ Волги»—и недаромъ: ужъ, право, не знаю—когда-нибудь и предъ чѣмъ-нибудь робѣлъ-ли онъ, хотя былъ предобрый человѣкъ и заботился обо мнѣ, 15-ти лѣтнемъ юнкерѣ, какъ родной, и приказывалъ моему дядькѣ, старому унтеръ-офицеру изъ татаръ, Нарбекову: «ты смотри у меня, чтобы мальчикъ даромъ не пропалъ въ свалкѣ въ какой-нибудь трущобѣ, и учи его какъ слѣдуетъ». Иванъ Димитріевичъ Волжинскій доблестно покончилъ свою карьеру. Получивъ по представленію Паскевича, какъ отличный по службѣ офицеръ, тифлисскій пѣхотный полкъ послѣ князя Севардземидзева еще

въ началѣ персидской войны, но сознавая въ душѣ, что машина управленія регулярнымъ полкомъ для него тяжела (подобно Юдину и Авечкину—людямъ одинаковаго съ нимъ закала) по окончаніи турецкой войны онъ выпросилъ у Паскевича вмѣсто тифлисскаго—назначить его командиромъ гребенскаго казачьяго полка, съ которымъ онъ чуть несроднился въ продолженіе десяти-лѣтнихъ горныхъ походовъ при Ермоловѣ. Да и трудно было лучше придумать, какъ пустить стараго волчьяго вожака въ стадо другихъ волковъ (*)—гребенцы его обожали. Какъ ни тяжеленько имъ бывало часто рыскать съ нимъ въ преслѣдованіи чеченцевъ, но удалой командиръ воодушевлялъ ихъ. Возвратятся назадъ изъ-за Терека въ станицы казаки—опасности и труды забыты. Бывало, Иванъ Димитріевичъ въ Червленной станицѣ пойдетъ прогуляться, подойдетъ къ собравшимся на улицѣ казачкамъ, сядетъ на завалинку у хаты и начнетъ точить съ ними балясы; «Анкудиновна, что ты пригорюнилась! твоему сыну лучше, рана подживаетъ—лекарь говоритъ, непремѣнно выздоровѣетъ; молодецъ, я его къ Георгію представлю. А ты, Палаша, зачѣмъ насупилась—экая невидаль, что чеченецъ разрубилъ Кочкареву плечо, за то и онъ смазалъ его такъ шашкою, что тотъ свалился съ лошади, какъ снопъ,—скоро выздоровѣетъ, на вашу свадьбу платочекъ тебѣ подарю,—спойка лучше съ подругами пѣсенку (**).» И казаки, стоящіе вблизи,

(*) Къ господамъ гребенцамъ—прошу у нихъ извиненія—да и ко множеству кавказцевъ можно примѣнить девизъ на гербѣ одной старой фамиліи Волковыхъ, видимо взятый изъ старины: «славные храбрые волки». Такъ въ «Словѣ о Полку Игоревѣ» говорится: «скачутъ, аки сѣрые волки по полю, ищучи себѣ чести, а князю славы.»

Прим. автора.

(**) Надобно знать отшельническій, замкнутый въ военной средѣ,

съ самодовольствіемъ посматриваютъ на своего командира, не думая о жертвахъ только-что конченной экспедиціи. Послѣ разгрома зимою Кази-муллою Кизляра, въ слѣдующую весну 1832 года, еще до сбора нашего отряда, онъ началъ дѣлать дерзкіе набѣги на наши сообщенія и укрѣпленные посты. Однажды по данному извѣстію, что огромная партія горцевъ появилась по ту сторону Терека; собравъ на-скоро до 300 гребенцовъ съ двумя пушками, Иванъ Димитріевичъ бросился за рѣку на перерѣзъ хищникамъ, разсчитывая, что по сдѣланной тревогѣ со всѣхъ постовъ должны поспѣшить къ извѣстному пункту казачьи и пѣхотныя подкрѣпленія. Встрѣтивъ огромное скопище непріятеля, онъ смѣло началъ дѣло въ ожиданіи подмоги. Но горцы, имѣя страшное превосходство въ силахъ, неуклонились отъ битвы и начали со всѣхъ сторонъ окружать казаковъ; это показывало дурной знакъ— видимо, они не боялись нападеній со стороны. Понявъ положеніе дѣла и понеся уже потери, Иванъ Димитріевичъ приказалъ переколоть лошадей, сдѣлалъ изъ ихъ труповъ брустверы и повелъ битву на смерть, все еще не теряя надежды на выручку, разсчитывая на одинъ пѣхотный баталіонъ, стоявшій не-вдалекѣ. Одушевляемые фанатизмомъ Кази-муллы и только-что возникавшаго мюридизма, яростно бросались горцы въ шашки на своихъ заклятыхъ враговъ гребенцовъ, въ надеждѣ отомстить имъ хотя разъ за все прошлое,—но геройски отбиваемые казаками, горцы должны были отступать. Баталіонъ, къ которому должны были примкнуть казачьи команды не появлялся, патроны и заряды истощились, уже не много оставалось защитниковъ, одушевляемыхъ своимъ героемъ-началь-

---

бытъ тогдашнихъ офицеровъ, не знавшихъ ни семьи, ни общества образованной жизни, чтобы понять справедливость разсказа.

Прим. автора.

никомъ; озлобленные огромною потерею своихъ, горцы, наконецъ, сдѣлали послѣдній натискъ и подавили своею численностію немногихъ, остававшихся въ живыхъ казаковъ; Иванъ Димитріевичъ, сдѣлавъ вблизи послѣдній картечный выстрѣлъ и обезсиленный отъ нѣсколькихъ ранъ, легъ на пушку, обнявъ ее, гдѣ и былъ изрубленъ горцами. Баталіонъ опоздалъ выручить по оплошности командира.

Честь возвращенія взятыхъ чеченцами пушекъ принадлежитъ начальнику штаба Вальховскому. Желая, по возможности, поскорѣе изгладить дурное впечатлѣніе, произведенное гибелью Волжинскаго, отрядъ, подъ командою Вальховскаго, не смотря на непроходимость лѣсистыхъ трущобъ лѣтомъ, двинулся для наказанія болѣе виновныхъ въ этой катастрофѣ горцевъ. Трудность предпріятія требовала и выбора человѣка, надежнаго для авангарда отряда, которому предстояло пробивать путь по горамъ и густымъ зарослямъ разсыпной цѣпью. Выборъ палъ на только-что произведеннаго за отличіе маіора 41-го егерскаго, нынѣ мингрельскаго полка, Резануйлова. Онъ происходилъ изъ молдованъ, переселившихся при императрицѣ Елизаветѣ въ новороссійскій край. Начавъ съ нимъ службу юнкеромъ, я сохранилъ дружбу до его смерти. Илья Демьяновичъ Резануйловъ, подобно Бѣлькевичу, имѣлъ хорошія природныя способности, стойкое мужество было его прирожденное качество. Будучи полковымъ адъютантомъ въ херсонскомъ полку, по непріятностямъ съ полковымъ командиромъ, онъ перешелъ въ бывшій 41-й егерскій полкъ, и когда меня назначили на его мѣсто, то я, огорченный съ нимъ разлукою, хотѣлъ отказаться, но онъ былъ такъ благороденъ, что со слезами на глазахъ уговорилъ меня принять должность, дабы не сочли его интриганомъ. Сломивъ страшныя затрудненія и отчаянный отпоръ горцевъ, понесшихъ большія

потери и опустошеніе жилищъ—пушки Волжинскаго, наконецъ, отыскали въ одной непроходимой трущобѣ, брошенныя безъ лафетовъ. Тогда горцы не вошли еще во вкусъ и не употребляли нашей артилеріи противъ насъ-же, какъ было послѣ. Резануйловъ при этомъ тяжело раненъ въ руку—это была уже вторая рана, послѣ получилъ еще третью въ Абхазіи, тоже тяжелую; его репутація боеваго офицера сдѣлалась на Кавказѣ популярною; будучи уже подполковникомъ, выздоровѣвъ послѣ третьей раны, онъ пріѣхалъ къ полку, бывшему въ походѣ въ Чечнѣ. Солдаты всего полка, узнавъ о пріѣздѣ въ лагерь своего любимаго начальника, безъ приказанія выстроились въ линію передъ палатками, закричали—ура! Въ періодъ формалистики и главныхъ неудачъ противъ Шамиля, при Головинѣ и Нейдгартѣ, такой поступокъ солдатъ сочтенъ неумѣстною демонстраціей—и Резануйлову приказано было немедленно отправиться въ штабъ-квартиру; вслѣдъ затѣмъ онъ назначенъ былъ комендантомъ въ крѣпость Шушу, гдѣ прозябалъ года два въ непривычной для его натуры сферѣ. Когда пріѣхалъ на Кавказъ Чернышевъ для разобранія путаницы, и узнавъ о военной репутаціи Резануйлова, онъ немедленно перевелъ его, кажется, въ ширванскій полкъ. Но въ первый походъ въ Дагестанѣ, въ знойный день, усталый Резануйловъ напился изъ родника холодной воды, сдѣлалось воспаленіе, и бѣдный другъ мой чрезъ сутки умеръ, не исполнивъ такъ много лежавшихъ на немъ надеждъ. Однако память о немъ сохраняется, по крайней мѣрѣ, еще сохранялась недавно, какъ говорилъ мнѣ одинъ кавказскій ветеранъ: войска проходятъ церемоніальнымъ маршемъ мимо его уединенной могилы въ Дагестанѣ, когда имъ приходится слѣдовать по той мѣстности.

Да-съ—сказалъ взволнованный грустію старикъ,—если-бы

баронъ Розенъ и начальникъ его штаба Вальховскій остались подолѣе на Кавказѣ, то судьба Шамиля была-бы, вѣроятно, иная, и десятки тысячъ солдатскихъ головъ и милліоны рублей были-бы не потрачены непроизводительно. Время показало, что съ ихъ удаленіемъ дѣла на Кавказѣ пошли хуже. Хотя Розенъ имѣлъ нѣкоторыя слабости, пользуясь коими дѣлали злоупотребленія или упущенія, но онѣ ничто въ сравненіи съ послѣдующимъ. Послѣ Ермолова, Розенъ былъ относительно лучшій администраторъ тогдашняго времени на Кавказѣ. Сбереженіе казенныхъ расходовъ у него было на первомъ планѣ, грандіозныхъ плановъ и штатовъ управленія, не справляясь съ карманомъ казны, онъ не любилъ; находилъ излишнимъ обставлять себя департаментами и высокочиновными особами для возвышенія своего величія, дорого обходящагося государству. По примѣру Ермолова, у него не-рѣдко остатки мѣстныхъ доходовъ обращались на военныя издержки по продовольствію войскъ, содержанію госпиталей и тому подобное. Да-съ, онъ не дѣлалъ государства въ государствѣ—особенно тамъ, гдѣ питаютъ всегда широкія надежды и выходятъ узкіе результаты, особливо относительно цѣлаго.

Не смотря на давнишнюю непріязнь съ Канкринымъ за отчужденіе въ казну на милліонъ рублей изъ имѣнія князя Зубова, на дочери котораго былъ женатъ Розенъ, стѣснявшаго часто его финансовыя распоряженія, и на громадный авторитетъ своего предмѣстника Паскевича, системы котораго онъ не очень поклонялся,—Розенъ съ большимъ тактомъ велъ дѣла на Кавказѣ, а успѣшный походъ его въ 1832 году въ Чечню и гибель Кази-муллы показываютъ его военныя способности.

Много вреда принесла краю и государству его вражда съ ближайшимъ своимъ помощникомъ, генераломъ Вельямино-

вымъ, начальникомъ кавказской линіи, т. е. сѣвернаго склона Кавказа. Отличному генералу, но суровому, неуступчивому, любившему барствовать Вельяминову, не могла сочувствовать гуманная, осмысленная душа Розена, а сознаніе собственнаго достоинства—уступить его притязаніямъ. Первое неудовольствіе возникло но военно-суднымъ дѣламъ и другимъ крутымъ мѣрамъ, коихъ часто Розенъ не утверждалъ,—вражда разгоралась болѣе и Вельяминовъ, представляя въ дурномъ свѣтѣ дѣла своего противника, не мало способствовалъ его паденію.

Возвращаясь съ скудными своими воспоминаніями къ Бурцеву, скажу, что онъ уже въ персидскую кампанію, не смотря на свое приниженное положеніе, обратилъ на себя вниманіе Паскевича, и уже подъ Карсомъ, завѣдуя траншейными работами, болѣе другихъ способствовалъ внезапному занятію города; подъ Ахалцихомъ принималъ такое-же дѣятельное участіе въ осадѣ, на штурмѣ, командуя саперным баталіономъ, изъ первыхъ ворвался въ городъ, награжденъ георгіевскимъ крестомъ и, что важно было въ его положеніи, назначенъ опять командиромъ херсонскаго полка. Блистательно подвизаясь съ полкомъ въ кампанію 1829 года, онъ всегда имѣлъ какое-нибудь особое порученіе въ исполненіи военныхъ операцій, часто помимо старшихъ. Вступивъ въ Эрзерумъ генералъ-маіоромъ, онъ оставался командиромъ полка, такъ какъ Паскевичъ держался правила—во время похода, безъ крайней надобности, не перемѣнять командировъ отдѣльныхъ частей. Съ занятіемъ Эрзерума и разсѣяніемъ анатолійской арміи, вопреки показаніямъ впослѣдствіи нашихъ историковъ, чтобы возвысить славу Паскевича, ему оставалось уже мало дѣла, и онъ сталъ занимать отдѣльными отрядами извѣстныя по стратегическому положенію мѣстности, подвигаясь по-нем-

ногу по дорогѣ къ Трапезонду въ ожиданіи развязки событій въ Европейской Турціи. Поставя передовые посты на берегу Ефрата, онъ послалъ грузинскій полкъ въ Гулишъ-Хане (серебряный заводъ), гдѣ въ горныхъ ущельяхъ жило преимущественно греческое населеніе, занимаясь разработкой серебряныхъ рудъ, и послалъ напрасно. Принятыя съ распростертыми объятіями, наши войска должны были скоро возвратиться назадъ (*), а греки должны были вынести отъ турокъ тяжкое возмездіе за измѣну. Другое дѣло Байбуртъ, куда посланъ былъ съ Бурцевымъ херсонскій полкъ, съ присоединеніемъ одной роты эриванскаго. Этотъ городъ, обнесенный, какъ обыкновенно въ Турціи, каменными стѣнками, стоитъ на главномъ караванномъ пути изъ Трапезонда въ Персію,—вмѣстѣ съ торговымъ значеніемъ, онъ важенъ, какъ стратегическій пунктъ, прилегающій къ гористой мѣстности, населенной воинственнымъ племенемъ лазовъ, почти номинально признающихъ турецкую власть.

Подъ паникой русскаго погрома, Байбуртъ съ покорностію принялъ Бурцева,—чрезъ нѣсколько дней онъ однако-же получилъ свѣдѣніе, что значительное скопище лазовъ заняло большое селеніе Харть, верстахъ въ 20-ти отъ Байбурта. Хотя Бурцевъ получилъ приказаніе отъ Паскевича—не вдаваться въ рѣшительныя стычки съ непріятелемъ и, въ случаѣ необходимости, требовать подкрѣпленія,—но, подъ обаяніемъ постоянныхъ военныхъ успѣховъ и своей отваги, Бурцевъ въ ночь двинулся къ Харту съ однимъ баталіономъ подъ своей командой и другому баталіону велѣлъ идти другой дорогой,

(*) Пробывъ 6 дней, но до Трапезонда чрезъ горный хребетъ оставалось верстъ 45 и его легко было-бы взять, такъ какъ войска въ немъ не было,—между тѣмъ тамъ находился огромный складъ мѣди и другіе цѣнные предметы.

Пр. автора.

чрезъ одно ущелье, чтобы преградить путь другимъ скопищамъ лазовъ, шедшимъ на соединеніе, и къ разсвѣту стать 2-му баталіону съ другой стороны Харта. Въ ожиданіи скораго прибытія этого баталіона, Бурцевъ пошелъ на штурмъ селенія, дома котораго, углубленные въ землю, какъ грузинскія сакли, представляли прочную защиту; солдаты подъ перекрестными выстрѣлами на близкомъ разстояніи, въ безпорядочномъ лабиринтѣ азіятской постройки, должны были прикладами выбивать двери въ упорно защищаемыхъ жилищахъ, мало доступныхъ пожару. Въ короткое время всѣ ротные командиры и нѣсколько офицеровъ были убиты или ранены; для командованія ротами Бурцевъ долженъ былъ поставить адъютанта, казначея и квартирмейстера. Ожесточенные невиданнымъ послѣ Ахалциха сопротивленіемъ—гренадеры бились отчаянно въ сакляхъ и на улицахъ, защищенныхъ разными преградами. Понеся страшное пораженіе, непріятель, наконецъ, предался безпорядочному бѣгству,—Бурцевъ неотступно его преслѣдовалъ; въ это только время, сдѣлавъ, какъ оказалось, большой обходъ и сбившись ночью съ дороги, другой баталіонъ сталъ подходить усиленнымъ маршемъ на слышимые выстрѣлы. Отступающая толпа рѣдѣла, слабо мѣняясь выстрѣлами съ преслѣдующею цѣпью гренадеръ; солдаты, послѣ нѣсколькихъ часовъ упорнаго рукопашнаго боя, въ походной аммуниціи, очень утомились; добивая отсталыхъ лазовъ, замѣтили, что одинъ изъ ихъ толпы старикъ сталъ отставать. Бурцевъ, какъ и всегда, былъ впереди и видя, что добыча ускользаетъ отъ усталыхъ солдатъ, далъ шпоры лошади и хотѣлъ саблей добить лаза, но пугливая лошадь бросилась въ сторону,—въ это время фельдфебель Князьковъ бѣжалъ у стремя Бурцева и выскочивъ впередъ хотѣлъ ударить штыкомъ лаза, но тотъ какъ-то увернулся и Князьковъ далъ промахъ; Бурцевъ занесъ второй разъ

саблю, обернувшійся лазъ выстрѣлилъ изъ пистолета почти въ упоръ, хотя въ то-же мгновеніе Князьковъ поднялъ его на штыкъ, но уже поздно для Бурцева: пуля пробила ему грудь, и дрянной пистолетъ убитаго лаза достался печальнымъ трофеемъ Князькову. Между тѣмъ генералъ Муравьевъ шелъ на подкрѣпленіе Бурцеву; получивъ-же донесеніе о несчастномъ событіи, Паскевичъ выступилъ самъ съ отрядомъ. Чрезъ сутки извѣстили умирающаго Бурцева о приближеніи Муравьева, онъ вдругъ обратился къ бывшимъ постоянно у его одра офицерамъ и сказалъ: «господа, не допускайте ко мнѣ Муравьева— я хочу спокойно умереть.» Тутъ только, передъ смертью, высказалось нерасположеніе къ своему товарищу по школѣ колонновожатыхъ, скрываемое прежде подъ личиною добрыхъ отношеній. Изумленные офицеры не знали, что дѣлать, какъ преградить входъ къ умирающему непосредственнаго ихъ начальника бригаднаго командира, который, по самой службѣ, долженъ былъ видѣть передъ кончиной полковаго командира; но они объявили волю отходящаго.

Дѣло въ томъ, что Н. Н. Муравьевъ, при всѣхъ прекрасныхъ качествахъ умнаго боеваго генерала и полезнаго администратора, по своему педантству до послѣднихъ мелочей и холодному важному обращенію, умѣлъ быть для всѣхъ старшихъ и младшихъ всегда тяжелымъ и не симпатичнымъ. Когда Паскевичъ командировалъ Бурцева въ Байбуртъ, то послѣдній наканунѣ выступленія, вечеромъ, долженъ былъ явиться за послѣдними приказаніями къ главнокомандующему, начальнику штаба, въ самый штабъ и къ Муравьеву—какъ къ своему бригадному командиру; наконецъ, усталый Бурцевъ возвратился въ 11 часовъ въ лагерь и отдавалъ приказанія—какъ на-завтра съ разсвѣтомъ выступить въ походъ; вдругъ является ординарецъ съ требованіемъ прибыть къ бригадному командиру.

«Да я у него сейчасъ былъ.» Немогимъ знать—былъ казенный отвѣтъ унтеръ-офицера. Полагая, что Паскевичь передалъ Муравьеву еще какое-нибудь добавочное распоряженіе, скрѣпя сердце Бурцевъ къ нему отправился, задѣвая въ потьмахъ за веревки палатокъ. Муравьевъ съ полулистомъ въ рукахъ серьезно его встрѣтилъ словами: «какой у васъ безпорядокъ въ канцеляріи! Что такое? Да посмотрите—въ рапортичкѣ показано тремя человѣками болѣе къ выступленію противъ наличнаго числа.» Такъ, ваше превосходительство, за этимъ только меня требовали? Да, за этимъ! Вы знаете, какъ я и мои подчиненные нынѣшній день были озабочены скорымъ приготовленіемъ къ походу...прощайте, взыскивайте съ полковаго адъютанта, какъ хотите; меня-же ждутъ фельдфебеля, а за ними весь полкъ для полученія послѣднихъ приказаній, которыхъ я еще не успѣлъ передать по случаю вашего требованія къ себѣ.» Возвратясь, онъ только сказалъ адъютанту: «ну, будетъ вамъ отъ Муравьева за рапортичку.»

Мнѣ передавалъ очевидецъ, какъ во время варшавскаго штурма, подъ картечными выстрѣлами польскихъ укрѣпленій, Муравьевъ распекалъ четверть часа одного адъютанта за подобную-же ошибку; спасеніемъ своимъ онъ обязанъ былъ только тому случаю, что находился предъ исходящимъ угломъ бастіона. Можетъ быть это педантство и не симпатичность были впослѣдствіи причиною неудачи подъ Карсомъ.

Послѣ тяжкихъ мученій, Бурцевъ на третій день скончался; передъ самыми похоронами прибылъ съ отрядомъ Паскевичь и во время печальной церемоніи, заплакавъ, сказалъ офицерамъ нашего полка, указывая на гробъ: «господа, вы хороните фельдмаршала!» Надобно было видѣть горесть и уныніе офицеровъ и солдатъ, потерявшихъ своего любимаго командира, который, соблюдая въ точности порядокъ службы, умѣлъ

привязать къ себѣ подчиненныхъ. Во время хартскаго боя Бурцевъ находился въ передовыхъ рядахъ; будучи прекраснымъ стрѣлкомъ, бралъ часто у солдатъ ружья и билъ безъ промаха, приговаривая: «вотъ, братецъ, какъ надобно стрѣлять», что одушевляло солдатъ, видѣвшихъ въ своемъ начальникѣ товарища въ бою. Бурцева огорчала большая потеря офицеровъ, пораженныхъ вблизи на выборъ,—и оскорбленное честолюбіе дорого обошедшагося предпріятія какъ будто заставляло искать смерти, хотя въ общемъ смыслѣ побѣда осталась за нимъ—непріятель выбитъ изъ крѣпкой позиціи и прогнанъ съ большою потерей. Конечно, ему была-бы головомойка за рискованное предпріятіе вопреки приказанія, но тѣмъ-бы и кончилось. Отъ постоянныхъ успѣховъ духъ самоувѣренности былъ сильно развитъ въ войскахъ отъ генерала до солдата, и Паскевичъ это настроеніе въ войскѣ цѣнилъ, даже при его злоупотребленіи.

—Позвольте спросить—сказалъ я—это было прежде вашей обороны Ахалциха? Ахъ, нѣтъ—сказалъ оторопѣвшій старикъ; я увлекся воспоминаніемъ о моихъ старыхъ командирахъ, и такъ продолжаю. Мало обращая вниманія на постоянно подтверждающіеся слухи о задуманномъ на насъ нападеніи Ахметъ-паши, мы преспокойно поживали и распоряжались какъ дома, да еще занимались литературою, т. е. вздумали издавать что-то въ родѣ газеты подъ названіемъ «Ахалцихскій Меркурій».

Конечно, господа библіоманы раздѣлять со мною прискорбіе, что это *замѣчательное* по мѣсту выхода и времени произведеніе я не могу передать въ ихъ книгохранилище за утратою экземпляровъ, которые я, впрочемъ, долго берегъ, вплоть до С—го пожара. Дѣло было вотъ какъ. Послѣ разгрома декабристовъ, всѣхъ разжалованныхъ въ солдаты, менѣе-же виновныхъ—съ сохраненіемъ офицерскихъ чиновъ,

прислали на службу въ кавказскіе полки, за исключеніемъ гренадерскихъ, въ конѣ, по закону, штрафованные не могутъ служить; только впослѣдствіи къ нашему грузинскому полку, въ абхазскую экспедицію, были прикомандированы изъ другихъ полковъ Александръ Бестужевъ и Норовъ—братъ бывшаго министра. Вообще къ разжалованнымъ относились съ сочувствіемъ; старшіе начальники хотя держали себя отъ нихъ далеко, но не обращали вниманія, что ротные командиры не заставляютъ ихъ нести, какъ должно, солдатскую службу; въ караулы или на работу не посылали, дозволяли жить отдѣльно въ палаткахъ или балаганахъ, въ походѣ быть безъ ранцевъ, имѣть своихъ лошадей и принимали къ себѣ. На нихъ смотрѣли сначала, какъ на что-то особенно замѣчательное; присмотрѣвшись, увидѣли въ нихъ только людей образованныхъ, но ничего необыкновеннаго, за исключеніемъ двухъ-трехъ, могущихъ играть замѣчательную роль, не считая тутъ даровитыхъ Бурцева и Вальховскаго (если они, какъ и вѣроятно, были декабристы).

Близкій человѣкъ къ Киселеву, Бурцевъ женился на одной изъ многочисленнаго штата шляхтянокъ жены его, урожденной графинѣ Потоцкой. Анна Николаевна Бурцева была бойкая женщина, воспитанная хорошо вмѣстѣ съ Потоцкой, принадлежала къ православному исповѣданію; петербургскіе джентльмены высшаго круга, служившіе у насъ, любили ея общество. Оставшись вдовою, она чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ смерти своего доблестнаго мужа родила дочь; сверхъ того ей слѣдовало *сдать полкъ* преемнику покойнаго, т. е. приплатить деньги, что задержало ее на-долго въ штабъ-квартирѣ полка, г. Горн. Послѣ она даже вышла за-мужъ за этаго преемника, человѣка хорошаго. Какъ хорошо знакомому, она разъ въ откровенной бесѣдѣ мнѣ сказала: «если-

бы мой покойный мужъ при допросѣ въ Петербургѣ согласился показать, что онъ исполнилъ одно распоряженіе (какое распоряженіе—она не сказала), по своему произволу, а не по словесному приказанію начальника штаба, то онъ былъ-бы теперь живъ, но въ Сибири, на каторгѣ. Тщетно Беккендорфъ и Чернышевъ уговаривали его мягко и съ угрозами, чтобы онъ принялъ на себя исполненіе этаго распоряженія, такъ какъ начальникъ штаба 2-й арміи, говорили они, отказывается въ отдачѣ таковаго приказанія; мужъ мой стоялъ на своемъ и требовалъ очной ставки. Дать очную ставку Киселеву съ нимъ—считали почему-то неловкимъ, говорила Анна Николаевна; мужа моего освободили, взявъ у него только полкъ». Вотъ почему въ послѣдующемъ затѣмъ печатномъ спискѣ уже не значилось Бурцева въ числѣ преступниковъ. Между тѣмъ товарищи и пріятели его, командиры полковъ въ одной дивизіи—Пестель и Абрамовъ—одинъ пошелъ на висѣлицу, другой—въ каторгу. Однако-же отношенія Киселева къ Бурцеву послѣ декабрьской катастрофы, кажется, мало измѣнились, какъ надобно полагать изъ слѣдующихъ словъ Анны Николаевны: «пришибенные судьбою, мы съ мужемъ жили въ маленькой квартирѣ, нисколько не ожидая какого-либо посѣщенія въ нашемъ печальномъ одиночествѣ,—вдругъ входитъ къ намъ Киселевъ—я была въ неглиже, съ распущенною косою; представьте мое конфузное положеніе—мнѣ даже и уйти было некуда.»

Въ ширванскомъ полку служили: капитанъ Лашкевичъ, переведенный изъ Россіи съ сохраненіемъ чина, по участію въ декабрьскихъ смутахъ, и разжалованные въ солдаты Петръ Бестужевъ и мой землякъ Зубовъ. Послѣдній, имѣя порядочное состояніе, получилъ, по тогдашнему обычаю, хорошее для того времени домашнее образованіе, имѣлъ природныя способ-

ности и, увлекаемый эпохою Пушкина, пописывалъ еще юношею стишки, изъ которыхъ нѣкоторые были и у меня. Въ смутное время декабрьскихъ происшествій онъ былъ на службѣ юнкеромъ и написавъ на смерть Рылѣева элегію, послалъ ее при письмѣ къ своему пріятелю, съ поясненіемъ, что, «къ прискорбію патріотовъ, 14-е декабря не удалось.» Письмо было перехвачено, и Зубова прислали на Кавказъ солдатомъ.

Изъ декабристовъ я познакомился въ Ахалцихѣ только съ Лашкевичемъ; разъ онъ приходитъ ко мнѣ и говоритъ: не возьмусь-ли я ходатайствовать у князя Бебутова о дозволеніи издавать въ родѣ газеты, которую онъ вмѣстѣ съ Петромъ Бестужевымъ (тогда еще здоровымъ) и Зубовымъ хотятъ составлять и въ рукописныхъ листахъ раздавать безденежно по ахалцихскому гарнизону, чтобы развлечь себя и другихъ чѣмъ-нибудь въ скучной жизни. Я охотно согласился на предложеніе, и въ удобную минуту доложилъ князю. «А что, они не будутъ тамъ помѣщать какихъ-нибудь глупостей?» сказалъ князь; я увѣрялъ, что ихъ намѣренія самыя безгрѣшныя, что они хотятъ занять себя и другихъ чѣмъ-нибудь—и только. «Ну, хорошо, ты у меня будешь отвѣчать за нихъ первый; на этомъ условіи даю позволеніе съ тѣмъ, что ты долженъ приносить ко мнѣ предварительно каждый номеръ на цензуру.» Чрезъ нѣсколько дней я приношу князю кругомъ мелко исписанный большой листъ № 1-й «Ахалцихскаго Меркурія»; князь остался имъ очень доволенъ; содержаніемъ было нѣсколько извѣстій, разные анекдоты и событія изъ минувшаго похода, картины военнаго быта, свѣдѣнія о разныхъ подвигахъ изъ турецкихъ екатерининскихъ войнъ и на Кавказѣ, а также мѣстные очерки; черезъ недѣлю Лашкевичъ приноситъ мнѣ 2-й № «Ахалцихскаго Меркурія» и съ грустнымъ видомъ сказалъ, что этотъ номеръ послѣдній.

Это почему—спросилъ я. Да нашлись люди, говорящіе: «что это затѣяли разжалованные; нечего имъ выказывать себя,—ну, и вамъ досталось за посредничество, такъ чтобы не вышло какой-нибудь исторіи, мы рѣшились прекратить изданіе Меркурія—и вотъ прощальный номеръ.» Онъ также состоялъ изъ мелко-писаннаго листа, по той-же программѣ; только въ заключеніе, въ ироническомъ духѣ противъ оппонентовъ, было сказано, что изданіе прекращается. Князь, одобривъ 2-й №, съ выраженіемъ неудовольствія на лицѣ выслушалъ мое объясненіе о прекращеніи изданія, сказалъ: «ну, братецъ, какъ они хотятъ, такъ и дѣлаютъ, а я не нахожу тутъ ничего дурнаго.» Это было за недѣлю до паденія, и князь былъ очень озабоченъ слухами, приходившими съ турецкой стороны.

Кстати здѣсь уже разскажу о послѣдующей судьбѣ декабристовъ на Кавказѣ. Они были размѣщены по распоряженію мѣстнаго начальства въ болѣе дѣйствующіе тогда полки въ персидскую кампанію и съ этими-же полками находились въ турецкой. Всѣ представленія Паскевича о наградахъ отличившимся обыкновенно уважались за исключеніемъ разжалованныхъ—особенно декабристовъ; ихъ не могъ онъ производить даже въ унтеръ-офицеры безъ Высочайшаго соизволенія, и повторенные о нихъ представленія оставались безъ отвѣта. Самый трудный шагъ въ повышеніи разжалованныхъ былъ унтеръ-офицерскій чинъ—если кто его получилъ, то могъ надѣяться скоро быть прапорщикомъ. Для одного Пущина было исключеніе. Онъ служилъ капитаномъ въ конно-піонерномъ гвардейскомъ эскадронѣ, пользовался вниманіемъ покойнаго государя Николая Павловича, когда тотъ былъ Великимъ Княземъ и начальникомъ инженеровъ; при воцареніи его тотчасъ былъ заготовленъ приказъ о производствѣ Пущина въ полковники съ назначеніемъ командиромъ сѣверскаго конно-егерскаго полка;

но, до выхода приказа, его арестовали за участіе вмѣстѣ съ братомъ въ заговорѣ и разжаловали въ солдаты въ кавказскій піонерный (что нынѣ саперный) баталіонъ. Обладая хорошими свѣдѣніями по своей части, во время осады крѣпостей Аббасъ-Абада и Эривани, Пущинъ въ солдатской шинели былъ призываемъ въ палатку главнокомандующаго вмѣстѣ съ другими инженерами для совѣщаній, за что и былъ произведенъ по окончаніи персидскаго похода въ офицеры. Но кромѣ его одного, этого счастія не выпало на долю никому изъ декабристовъ ни въ персидскую ни въ турецкую войны, не взирая на неоднократныя представленія Паскевича. Между тѣмъ жилось имъ кое-какъ и сносно по ихъ положенію. Конечно, избалованные удобствами жизни, удовольствіями образованнаго общества, они съ непривычки тяготились далеко болѣе насъ одичалыхъ кавказцевъ лишеніями, трудами боевой жизни и отсутствіемъ какихъ-либо развлеченій.

Окончивъ турецкую кампанію, они уже мечтали получить прощеніе или значительное облегченіе своей участи, но вышло иначе—положеніе ихъ ухудшилось.

Въ 1829 году, уже въ концу кампаніи, присланъ былъ изъ Петербурга къ Паскевичу адъютантъ, кажется Чернышева, съ какимъ-то порученіемъ, обыкновенно извѣстнымъ для мѣстнаго начальника и кое-о-чемъ для него неизвѣстнымъ. Обыкновенно также, такихъ людей мѣстные начальники принимаютъ очень любезно и находятъ случай награждать ихъ за оказанное отличіе въ сраженіяхъ орденами, а какъ *оныя*, т. е. сраженія, уже почти кончились, то рѣченному адъютанту дали летучій отрядецъ казаковъ, съ которымъ онъ разбилъ какую-то еще бродившую партію куртинцевъ или турокъ. Расхваливъ въ приказѣ по корпусу его подвиги—что тоже была особенность для оберъ-офицера—Паскевичъ, по предоставлен-

ному тогда ему праву, наградилъ его владимірскимъ крестомъ и отправилъ обратно.

Прошло мѣсяца два или три—кампанія уже кончилась; Паскевичъ возвратился въ Тифлисъ, войска—въ свои штабъ-квартиры; многіе разжалованные, въ сладкомъ ожиданіи для нихъ милостей, остались подъ разными предлогами въ Тифлисѣ, гдѣ все-таки и въ то время можно было жить нѣсколько по-человѣчески. Вдругъ получается изъ Петербурга распоряженіе, коимъ декабристы, по-мимо мѣстнаго начальства, изъ дѣйствовавшихъ противъ турокъ полковъ, переводятся въ болѣе отдаленные полки или линейные баталіоны въ Дагестанѣ и по берегу Каспійскаго и Чернаго морей. Какъ въ Сибири—есть еще другая *Сибирь*, въ родѣ Якутска или Охотска, такъ и на Кавказѣ—есть еще *Кавказъ*, представляющій мѣстности тогдашняго Дербента, Тарковъ или Сухума. Вслѣдствіе чего Бестужевы были переведены—Петръ изъ ширванскаго, стоявшаго тогда въ Кахетіи, въ куринскій полкъ, коего баталіонъ стоялъ въ Таркахъ, и Александръ—въ дербентскій линейный баталіонъ; другіе декабристы—въ разныя подобныя мѣста. Такой погромъ на декабристовъ произошелъ вслѣдствіе доклада возвратившагося отъ насъ въ Петербургъ адъютанта Б., что декабристы на Кавказѣ пользуются слишкомъ большою свободою и разными послабленіями, неприличными ихъ солдатскому положенію,—что отъ нихъ не требуется должной субординаціи, и офицеры обращаются съ ними безъ претензій. У другихъ полковыхъ командировъ они не бывали, но у командира нижегородскаго драгунскаго полка, полковника Раевскаго, они постоянно принимались радушно.

Получивъ изъ Петербурга не очень пріятныя внушенія (*),

(*) Хорошо составленными реляціями въ персидскую и турецкую войны Паскевичъ обязанъ былъ прикомандированному къ своему штабу

Паскевичъ бросилъ заготовленныя ходатайства о производствѣ за отличія въ офицеры разжалованныхъ, приказалъ начальникамъ частей держать ихъ въ должныхъ границахъ солдатскаго званія. Раевскому досталось крѣпко, и ежели-бы онъ не успѣлъ получить прежде чинъ генералъ-маіора, то положеніе его было-бы незавидное. Теперь сдавалъ онъ полкъ вслѣдствіе повышенія, а то, пожалуй, сдалъ-бы и безъ того. Открылась другая пруха—вѣроятно, тоже поясненная изъ Петербурга; почти всѣ разжалованные, въ особенности декабристы, получили георгіевскіе солдатскіе кресты, на что корпусный штабъ и другіе начальники не обращали вниманія при полученіи списковъ награжденныхъ ими нижнихъ чиновъ. Стали добираться до ротныхъ командировъ—тѣ показали, что, согласно положенія, солдаты сами избираютъ изъ среды своей достойныхъ награды георгіевскимъ крестомъ, безъ участія начальниковъ, они-же осуществляли только единодушное избраніе солдатъ своимъ утвержденіемъ. Тѣмъ дѣло и покончилось. Остался въ проигрышѣ только тифлисскій комендантъ, полковникъ Бухаринъ, человѣкъ хорошій, какъ вообще говорили, женатый на образованной, очень пріятной въ обществѣ женщинѣ—кажется, Катеринѣ Ивановнѣ,—ей посвящена повѣсть А. Бестужева, *Фрегатъ Надежда*. По званію коменданта, Бухаринъ обязанъ былъ наблюдать за проживающими временно въ Тифлисѣ воинскими чинами, а за разжалованными еще

казачьему офицеру Сухорукову. Этотъ Сухоруковъ былъ классически образованъ, участвовалъ въ литературѣ тогдашнихъ альманаховъ. Онъ присланъ былъ на Кавказъ вмѣстѣ съ подполковникомъ Кузнецовымъ (впослѣдствіи походнымъ атаманомъ) за оппозицію противъ Чернышева въ 1820 году, по преобразованію на Дону. Бѣднаго Сухорукова перевели въ Финляндію, и Паскевичъ не счелъ тогда возможнымъ за него ходатайствовать.

Прим. автора.

болѣе. Между тѣмъ у него, коменданта, отставшій отъ полка А. Бестужевъ былъ постояннымъ гостемъ, какъ хорошій знакомый. Получивъ замѣчаніе по поводу декабристовъ, Паскевичь, прежде къ нимъ снисходительный, сдѣлался вдругъ строго требовательнымъ. Призвавъ Бухарина, онъ гнѣвно спросилъ его, почему онъ дозволяетъ проживать безъ всякой надобности въ Тифлисѣ разжалованнымъ и не высылаетъ ихъ въ полки, да еще А. Бестужева часто принимаетъ у себя въ домѣ? Растерявшійся Бухаринъ на первое сказалъ, что разжалованнымъ дозволили остаться въ городѣ ихъ командиры, а на послѣднее замѣчаніе наивно отвѣчалъ: что не онъ, а его «*Катерина Ивановна* принимаетъ у себя Бестужева.» Это погубило добраго коменданта, скоро смѣненнаго, а достойную женщину сдѣлало предметомъ насмѣшекъ легкомысленной толпы.

Братъ Павелъ и другіе, знавшіе хорошо А. Бестужева, разсказывали, что, будучи адъютантомъ принца Александра Виртембергскаго, онъ былъ принятъ въ высшемъ обществѣ; при интересной наружности, своею любезностію и бойкостію языка производилъ большое впечатлѣніе въ салонахъ; свѣтскія женщины его обожали и страшились его язвительныхъ рѣчей; если которая имѣла несчастіе возбудить противъ себя его неудовольствіе, то безпощадною ироніей и сарказмами онъ преслѣдовалъ жертву. Павелъ Бестужевъ говорилъ мнѣ, что адъютантъ Б., будучи аристократомъ, не могъ играть въ петербургскомъ обществѣ такую видную роль, какъ Александръ, и потому, изъ зависти, былъ съ нимъ въ дурныхъ отношеніяхъ. Этому обстоятельству Павелъ приписывалъ причину погрома декабристовъ на Кавказѣ.

Не смотря на грубую, невѣжественную натуру «бурбона», командира дербентскаго баталіона однако-же нельзя очень ви-

нить въ дурномъ обращеніи съ Бестужевымъ, такъ какъ онъ имѣлъ въ виду предшествующую исторію и частію боялся отвѣтственности за послабленіе, частію увлекался непріязненными отношеніями къ коменданту Шнитникову, съ которымъ былъ въ ссорѣ. Болѣе возвышенная культура и благородное сердце послѣдняго не стѣснялось рабскимъ угодничествомъ репрессивнымъ мѣрамъ въ отношеніи разжалованныхъ, и онъ дружески принималъ въ своемъ домѣ А. Бестужева, что еще болѣе раздражало дубоваго его командира, и потому положеніе Бестужева въ первое время пребыванія въ Дербентѣ было тяжело. Бестужевъ долженъ былъ нести всю тягость солдатской службы и жить въ казармахъ. Но какъ авторитетъ Шнитникова въ отношеніи баталіоннаго командира былъ далеко выше въ глазахъ мѣстнаго начальства, то онъ косвенно облегчалъ участь Бестужева: далъ ему особую квартиру и посылалъ съ порученіями въ горы по завѣдываемому имъ округу; скоро ознакомясь съ татарскимъ языкомъ, Бестужевъ сдѣлался популярнымъ человѣкомъ между дербентскими жителями, а Дербентъ считался тогда мусульманскими Аѳинами, по чистотѣ татарскаго языка и мудрости тамошнихъ ученыхъ, и между ними Искандеръ-бекъ (Александръ) пріобрѣлъ уваженіе.

Кипучая, легкая и суетная натура Марлинскаго причиняла ему много хлопотъ въ жизни и не могла сдѣлать его серьезнымъ общественнымъ дѣятелемъ, какими обыкновенно воображали себя декабристы. Заносчивая отважность, исканіе приключеній—ставили его жизнь не-разъ на карту и, можетъ быть, были причиною его гибели. Женщины, какъ воздухъ, были его стихіей. Бывало—говорилъ мнѣ братъ его Павелъ—соберетъ Искандеръ-бекъ къ себѣ правовѣрныхъ мыслителей и почетныхъ лицъ города и начнетъ имъ разсказывать сказ-

ки, въ родѣ тысячи одной ночи, изъ европейскаго быта или петербургской жизни, и на половинѣ разсказа остановится, заявивъ, что его требуетъ къ себѣ комендантъ, но что онъ скоро вернется и будетъ продолжать исторію; между тѣмъ довѣренный человѣкъ занимаетъ почтенныхъ гостей, не жалѣя угощеній; чрезъ нѣсколько времени возвращается Искандеръ-бекъ, какъ ни въ чемъ небывалый, прочтя между тѣмъ милой половинѣ одного изъ присутствующихъ ученыхъ мужей, на подготовленномъ свиданіи, страстную лекцію, не думая о томъ, что мусульманскій профессоръ въ Дербентѣ владѣетъ кинжаломъ также свободно, какъ тросниковымъ перомъ, а горы укроютъ сейчасъ каждаго кинжальнаго дѣятеля. Между тѣмъ А. Бестужевъ свелъ тѣсное знакомство съ русскою дѣвушкой, дочерью унтеръ-офицера; разъ какъ-то, вечеромъ, она шалила на его постели, подъ подушкой лежалъ заряженный азіятскій пистолетъ, съ которымъ онъ ѣздилъ въ горы; отъ неловкаго движенія курокъ спустился—и бѣдная дѣвушка была поражена на смерть пулею.

Страшная буря обрушилась надъ Бестужевымъ; ближайшіе его начальники тоже были въ смущеніи. Надобно было отвѣчать на два вопроса: почему рядовой Бестужевъ жилъ въ отдѣльной квартирѣ, и зачѣмъ было у него заряженное азіятское оружіе? Но тогда былъ еще въ силѣ благодушный и разсудительный корпусный командиръ, баронъ Розенъ, и начальникъ его штаба, генералъ Вальховскій, человѣкъ съ большими способностями. Удовольствовались донесеніемъ, что Бестужевъ посылался въ горы съ порученіями въ опасныя мѣста только съ нѣсколькими проводниками, то ему необходимо было имѣть азіятскій костюмъ и оружіе, и какъ онъ свелъ знакомство съ нѣкоторыми вліятельными горцами, то необходимо было ему принимать ихъ у себя отдѣльно въ

квартирѣ, а не въ казармѣ. Такъ дѣло и замялось, но о немъ, конечно, донесено было въ Петербургъ. Бестужевъ потерялъ только за это георгіевскій крестъ, который назначался ему за отличіе при оборонѣ Дербента, и въ этомъ случаѣ Бестужевъ тоже напрасно ропщетъ на своего баталіоннаго командира. Эта-же насчастная исторія отдалила производство его въ офицеры. Я не нахожу нужнымъ опровергать нелѣпый слухъ, пущенный въ ходъ недоброжелателями Бестужева, что онъ убилъ дѣвушку изъ ревности. Самъ отецъ несчастной опровергалъ эту клевету.

Пробывъ почти три года во второй разъ въ Ахалцихѣ, по окончаніи устройства переселенцевъ на мѣстѣ новаго жительства, я передалъ ихъ затѣмъ въ мѣстное управленіе, согласно общаго распоряженія, самъ-же возвратился въ полкъ и получилъ изъ корпуснаго штаба командировку въ Россію, имѣя въ виду побывать дома. Живя въ Ахалцихѣ, я пріятельски сошелся съ штабъ-лекаремъ, женатымъ на дочери одного второстепеннаго придворнаго священника. Она была добрая женщина, болѣзненнаго сложенія, невзрачная собой и мало образованная,—мужъ превосходилъ ее интеллектуальностію и былъ человѣкъ вообще порядочный,—сдружась, я часто проводилъ вмѣстѣ съ ними время, какое у меня оставалось отъ частыхъ разъѣздовъ и хлопотъ по моей обязанности. Добродушная хозяйка своею оригинальностію приводила меня иногда въ недоумѣніе,—она часто разсказывала о петербургской жизни и великосвѣтскомъ обществѣ, которое ей удавалось видѣть только съ хоръ дворцовыхъ залъ или гуляя по невскому проспекту. Не смотря на мое совершенное незнаніе свѣта, мнѣ казалось, что ея разсказы не совсѣмъ согласны съ дѣйствительностію. Пріѣзжавшая въ Ахалцихъ на минеральныя воды изъ Гори, Анна Николаевна со вторымъ мужемъ под-

смѣивалась надъ ея странностями и моею простоватостію, но вмѣстѣ съ тѣмъ находила мужа ея человѣкомъ разсудительнымъ и одобряла пріязнь мою съ нимъ. И вотъ послѣ моего отъѣзда, мѣсяца черезъ три, прибывшій въ Ахалцихъ А. Бестужевъ—этотъ левъ и идолъ петербургскихъ салоновъ—находилъ удовольствіе бывать каждый почти день въ томъ не хитромъ, хотя и добромъ семействѣ, какъ и я одичалый кавказецъ, и выслушивать разсказы хозяйки о житейскихъ порядкахъ большаго свѣта.

Такія превращенія во взглядахъ и наклонностяхъ петербургскихъ франтовъ, поступившихъ въ ряды нашего воинства, мнѣ не разъ случалось встрѣчать—и особенно относительно кахетинскаго вина и женскаго общества, такъ бѣднаго своимъ составомъ въ мое время. Сперва молодой баричъ, привыкшій къ тонкимъ французскимъ винамъ, морщится, пробуя по немногу благодатный напитокъ Кахетіи, припахивающій бурдючною нефтью; пройдетъ мѣсяца три-четыре и петербургскій джентльменъ, не хуже присяжнаго кавказца, съ удовольствіемъ тянетъ влагу, которою, по всѣмъ вѣроятіямъ, упился праведный Ной, сошедъ съ Арарата. Потомъ столичный ловеласъ, сидя въ какой-нибудь крѣпостцѣ или штабъ-квартирѣ, иронически отзывается о присущемъ дамскомъ обществѣ, и вотъ отправляется онъ въ экспедицію, протаскается по горамъ и трущобамъ мѣсяцевъ 10 или 12-ть, не зная ничего, кромѣ балагана или палатки, и не видя вблизи изъ *женскаго рода* никого кромѣ пушки и патронной сумы; натерпѣвшись холода и голода, зноя и утомленія, возвращается онъ въ штабъ-квартиру, какъ въ обѣтованную землю—и тутъ уже является любезнымъ кавалеромъ въ дамскомъ обществѣ и находитъ очень милыми полковыхъ амазонокъ. Ахалцихская амазонка штабъ-лекарша, оказалась, въ нѣкоторомъ смыслѣ, героинею.

Нашъ полковой штабъ-лекарь Никифоръ Ивановичъ Явленскій былъ въ своей сферѣ замѣчательной личностію. Зная хорошо свое дѣло и живя въ г. Гори при полковомъ лазаретѣ, онъ первый изъ русскихъ докторовъ пріобрѣлъ большое довѣріе у жителей горійскаго уѣзда (прежней Карталиніи). Какъ человѣку женатому и знающему туземный языкъ, ему вполнѣ довѣряли лечить свои семейства грузины, еще сохранившіе тогда ревнивые азіятскіе обычаи и прятавшіе своихъ красавицъ отъ дурнаго офицерскаго или чиновничьяго глаза. До нашего штабъ-лекаря грузины довольствовались своимъ «акимомъ», т. е. лекаремъ, въ родѣ нашихъ деревенскихъ знахарей, а какъ Никифоръ Ивановичъ не любилъ треволненій походной жизни, то во время похода полка оставался почти всегда при лазаретѣ въ штабъ-квартирѣ, на что полковые командиры охотно соглашались, зная, что оставляемое значительное число больныхъ и по оному хозяйство будутъ имѣть должное попеченіе въ ихъ отсутствіи. Въ іюлѣ 1834 года нашъ грузинскій полкъ, куда я поступилъ по новому переформированію, назначенъ былъ въ походъ въ Абхазію. Явленскаго положено было оставить въ штабъ-квартирѣ, а мѣсто его въ походѣ замѣнить другимъ. Зная, что моему пріятелю, ахалцихскому штабъ-лекарю, желательно было получить анненскій крестъ, чтобы, по тогдашнему праву, быть дворяниномъ, между тѣмъ, ахалцихскій климатъ, въ числѣ не многихъ на Кавказѣ мѣстъ, необыкновенно здоровъ, гдѣ медику и отличиться было не въ чемъ, я и началъ хлопотать, чтобы моего пріятеля прикомандировали къ полку на время похода. Полковой командиръ, зная его лично, охотно на то согласился (*).

(*) Поэтому случаю изъ Сурама я ѣздилъ въ Ахалцихъ и пробывъ тамъ только одинъ день, въ первый разъ видѣлъ А. Бестужева, не болѣе получаса, зайдя къ нему съ однимъ общимъ знакомымъ; онъ жаловался

Но я, какъ медвѣдь пустыннику, оказалъ моему пріятелю дурную услугу. Чрезъ нѣсколько времени онъ заболѣлъ въ Бомборахъ гнилою горячкою и умеръ на моихъ рукахъ. Какъ отрядъ нашъ долженъ былъ скоро выступить далѣе и свободное сообщеніе за нами прекратиться, то я поспѣшилъ отправить въ Ахалцихъ къ *неутѣшной* вдовѣ вещи покойнаго съ лошадью и деньщикомъ его, написавъ при этомъ грустное письмо. Возвратившійся съ вещами деньщикъ первый привезъ печальное извѣстіе, и пораженная имъ вдова впала въ глубокую печаль, доходившую до отчаянія: она рвала не себѣ волосы, била себя въ грудь, все ахалцихское русское общество поражено было ея горестію и жалѣло о добромъ ея мужѣ. Старикъ комендантъ, будучи самъ семейнымъ человѣкомъ, счелъ обязанностію вскорѣ навѣстить несчастную вдову и нашелъ ее въ страшномъ припадкѣ отчаянія—она рвала опять на себѣ волосы и кричала, что ей ничего не осталось, какъ утопиться, и хотѣла при этомъ выбѣжать изъ квартиры,—смущенный, оторопѣвшій начальникъ крѣпости едва успѣлъ удержать ее и не зналъ, какъ успокоить; глубоко взволнованный, онъ передавалъ бывавшимъ у него печальную сцену свиданія съ штабъ-лекаршей. Александра Бестужева давно уже не было въ Ахалцихѣ; съ производствомъ въ унтеръ-офицеры онъ уѣхалъ въ отрядъ генерала Вельяминова, который долженъ былъ со стороны Анапы идти по берегу Чернаго моря на-встрѣчу нашего отряда и соединиться съ нимъ,—но онъ дошелъ въ два года до Геленджика, а мы до Адлера, или, вѣрнѣе, до Гагры.

Чрезъ недѣлю послѣ посѣщенія комендантомъ отчаянно неутѣшной вдовы, подается ему рапортъ; при чтеніи его ста-

---

на нездоровье, почему, какъ обыкновенно, и не могъ быть въ тотъ день у штабъ-лекаря, хотя его ждала хозяйка.

Прим. автора.

рикъ комендантъ выразилъ необыкновенное изумленіе и обратился къ бывшимъ у него по службѣ нѣсколькимъ офицерамъ: «господа, я глазамъ своимъ не вѣрю, такъ-ли я прочелъ—прочтите, пожалуйста»,—и передалъ имъ рапортъ, въ которомъ очень ясно испрашивалось у мѣстнаго начальника гарнизона дозволеніе баталіонному казначею, поручику N., жениться на вдовѣ штабъ-лекаря В. «Я не могу даже и дать просимаго дозволенія, сказалъ комендантъ, такъ какъ деньщикъ прибылъ съ частнымъ письмомъ, я-же долженъ получить офиціальное увѣдомленіе о смерти штабъ-лекаря, считающагося у меня въ командировкѣ.» Увѣдомленіе не могло быть скоро получено; изъ полка донесено было о смерти штабъ-лекаря въ корпусный штабъ, оттуда дано знать корпусному штабъ-доктору и процедура затянулась.

Изумленіе коменданта показывало только, что онъ недавно прибылъ изъ Россіи. У насъ-же въ какой-нибудь крѣпостцѣ или штабъ-квартирѣ можно было подслушать на званномъ вечерѣ такого рода разговоръ вновь прибывшаго со старожиломъ: «кто танцующіе въ первой парѣ? Это жена штабсъ-капитана N. и поручикъ Z; если мужъ дамы скоро умретъ по милости здѣшняго *благодатнаго* климата, то она выйдетъ замужъ за своего кавалера, а если и его потомъ положитъ гдѣ-нибудь пуля, то она будетъ женою своего визави»,—и слова разсказчика послѣ оправдывались. Впрочемъ, я вспоминаю только нѣкоторыя черты характеристики тогдашняго быта, нисколько не думая дѣлать ихъ общими.

Всѣмъ стали надоѣдать безпрестанныя отступленія въ разсказѣ старика, поэтому я спросилъ: «ну, какъ-же вы защищали Ахалцихъ отъ турокъ?»—Да, неожиданно гроза грянула на насъ, и также неожиданно унеслась впхремъ!

Да вѣдь вы знали о сборѣ Ахметъ-паши вблизи Ахалциха? спросилъ я. Я вамъ говорилъ уже, что намъ извѣстны были эти сборы, и Паскевичъ, кромѣ нашихъ донесеній, другимъ путемъ, черезъ Карсъ, былъ тоже о томъ извѣщаемъ. Да и мы, какъ и онъ, мало вѣрили въ дѣйствительность предпріятія, такъ какъ турки и персіяне много затѣваютъ, а мало дѣлаютъ,—такъ думали и теперь. Желая по наружности исполнить волю султана, они, можетъ быть, сдѣлаютъ какой-нибудь набѣгъ, вылазку изъ крѣпости—ихъ прогонятъ,—Ахметъ-паша донесетъ султану, что онъ побилъ множество гяуровъ, и пришлетъ ему въ подарокъ, какъ трофей побѣды, какія-нибудь двѣ-три несчастныя головы, да и скажетъ, что за снѣгами и холодомъ нельзя было дѣйствовать въ гористой мѣстности, чрезъ арсіанской хребетъ невозможно было перевезти тяжести и пушки, «а то-бы «Московъ» совсѣмъ погибъ, и самый Тифлисъ былъ-бы взятъ!» при чемъ подразумѣвалось-бы, что и свѣтлый гаремъ падишаха былъ-бы укомплектованъ въ изобиліи плѣнницами изъ Грузіи—какъ бывало во время оно.

Князь Бебутовъ былъ въ большомъ затрудненіи—дать настоящую оцѣнку предстоящему событію; какъ я уже сказалъ, что всѣ слухи о сборахъ Ахметъ-паши могли быть преувеличены и по характеру противника въ суровое время въ большихъ размѣрахъ не исполнимы, то слишкомъ настоятельныя требованія о помощи были-бы найдены неумѣстными и необдуманными, если-бы Ахметъ-паша съ небольшими силами сдѣлалъ только набѣгъ на окрестности Ахалциха и немедленно удалился за Арсіанъ; тогда войска, пришедшія въ сикурсъ, сдѣлали-бы безполезное движеніе, оторвались напрасно отъ приготовленія къ походу и не могли-бы воспользоваться отдыхомъ, въ которомъ они такъ нуждались. Кажется, и Паскевичъ

и князь Бебутовъ держались такого мнѣнія, и дѣла оставались въ прежнемъ видѣ, въ ожиданіи разъясненія.

Наступила масляница—и разъясненіе незамедлило. Часовъ въ 11-ть ночи, у князя сидѣло два-три человѣка изъ офицеровъ гарнизона,—вдругъ прибѣгаетъ съ гауптвахты вѣстовой съ докладомъ отъ караульнаго офицера, что какой-то туземецъ неистово стучитъ въ запертыя ворота крѣпости и громко требуетъ немедленнаго пропуска къ князю. Велѣно было тотчасъ пропустить его. Вбѣгаетъ съ воплями крестьянинъ христіанской деревни Вале, въ 10-ти верстахъ отъ Ахалцыха по дорогѣ въ Поцховское ущелье, и объясняетъ, что изъ ущелья, часовъ въ 8-мъ вечера, огромная толпа турокъ заняли внезапно деревню и начали въ ней неистовствовать, окруживъ ее со всѣхъ сторонъ, такъ-что онъ съ большимъ трудомъ пробрался сквозь цѣпь и пикеты, чтобы дать извѣстіе въ крѣпость.

Поднялась тревога въ ожиданіи немедленнаго нападенія турокъ на городъ и крѣпость; первая забота состояла—притянуть роту херсонскаго полка, стоявшую все время на южной окраинѣ города, въ нѣсколькихъ уцѣлѣвшихъ отъ пожара пустыхъ сакляхъ, составлявшую наблюдательный постъ и охрану отъ мелкихъ нападеній на городскихъ жителей, и незнавшую о внезапной тревогѣ. Высланы были двѣ роты ширванскаго полка на извѣстный пунктъ въ центрѣ города, чрезъ который слѣдовало отступить ротѣ и гдѣ преобладало мусульманское населеніе; какъ разстояніе было не близкое, то болѣе часа прошло въ тревожномъ ожиданіи, пока благополучно возвратились роты въ крѣпость. Между тѣмъ какъ въ югозападной сторонѣ и близь крѣпости среди мусульманскаго населенія была невозмутимая тишина, на сѣверозападной-же и сѣверной сторонѣ, обитаемой христіанами и евреями, поднялась страшная тревога; засверкали среди мрака въ домахъ огоньки, по-

слышались вопли въ безмятежной до-толѣ тишинѣ спавшихъ жителей, толпами бѣжавшихъ къ крѣпости для спасенія: имъ сказали на-отрѣзъ, что ночью никого въ крѣпость не пустятъ, такъ какъ по пятамъ ихъ могли ворваться турки. Да и въ крѣпости такъ мало было пустаго мѣста, что нельзя было принять болѣе 400 человѣкъ изъ нѣсколькихъ тысячъ жителей, чтобы сохранить свободу дѣйствій гарнизона. Между тѣмъ, напряженное наблюденіе со стѣнъ крѣпости не могло замѣтить въ темнотѣ ночи никакого враждебнаго движенія, не слышно было ни одного выстрѣла со стороны, откуда ожидался непріятель. Съ разсвѣтомъ гарнизонъ разошелся по казармамъ, а херсонская рота пошла занять свой передовой постъ на прежнее мѣсто, чтобы показать ненадежному турецкому населенію увѣренность въ своихъ силахъ, и, въ случаѣ надобности, дать ему примѣръ строгости. Христіанамъ и евреямъ дозволено было перенести цѣнное имущество въ крѣпость, нѣсколько семействъ женщинъ и дѣтей, лицъ болѣе или менѣе оказавшихъ намъ преданность, укрылись тоже въ крѣпости. Мужскому населенію дали часть имѣвшихся ружей и патроновъ—имъ предоставлено было занять низенькую стѣнку, въ родѣ гласиса, подъ защитою крѣпостныхъ выстрѣловъ. По-утру кое-кто изъ почетныхъ мусульманъ пришли къ князю Бебутову съ изъявленіемъ своей преданности, расточая брань Ахметъ-пашѣ аджарскому; князь похвалилъ ихъ усердіе, просилъ держать въ порядкѣ своихъ единовѣрцевъ и показавъ видъ довѣрія, спокойно отпустилъ. Но уже извѣстно было, что нѣсколько городскихъ турокъ отправилось въ лагерь Ахметъ-паши, свирѣпые взгляды остававшихся въ городѣ мусульманъ, изрѣдка показывавшихся на улицахъ, видимо для наблюденія, хорошо объяснили ихъ настроеніе; въ продолженіе другой ночи уже многіе изъ нихъ отправили свои семейства

въ болѣе надежное мѣсто, сами-же остались одни въ домахъ или ушли въ Вале. Такъ прошло два дня; на ночь херсонская рота приходила въ крѣпость, по-утру возвращалась на свой постъ, казачьи разъѣзды по дорогѣ къ Вале верстъ на 5-ть непріятеля не открывали. Неизвѣстность предстоящаго тяготѣла надъ Ахалцихомъ, страхъ и унынiе на лицахъ жителей, увѣренность и бодрость гарнизона странно между собою противорѣчили. А чтобы показать, какъ мало думали въ крѣпости объ опасности, разскажу слѣдующій курьезный случай. Во время обѣда у князя на второй день (это было послѣднее сообщеніе съ Грузіей) пришедшая почта привезла извѣстіе о вышедшихъ намъ наградахъ за штурмъ Ахалциха; дождавшись нетерпѣливо конца обѣда, я поспѣшилъ поздравить съ царскою милостію товарищей, стоявшихъ съ ротою за городомъ; такъ какъ и солдатамъ въ роты тоже были назначены георгіевскіе кресты, то веселье было общее; явились пѣсенники и для нихъ котлы съ имеретинскимъ виномъ—и пиръ пошелъ горой. Въ послѣднихъ числахъ февраля, какъ я уже сказалъ, погода стояла теплая; на лощинахъ около Ахалциха снѣгъ пропалъ, живительная сила весны развивала пріятныя ощущенія, рѣзко противорѣча тревожному настроенію живущаго. Не желая тѣснiться въ мрачныхъ землянкахъ, мы, по восточному обычаю, въ однихъ сюртукахъ веселились на открытомъ тепломъ воздухѣ. Солнце начинало садиться, радушный хозяинъ, капитанъ Завойко, пошелъ въ саклю распорядиться чаемъ,—вдругъ одинъ изъ веселившихся гостей сказалъ своему товарищу офицеру—«пойдемъ открывать непріятеля.» Пойдемъ—отвѣчалъ тотъ.» Велѣли двоимъ пѣсенникамъ взять тутъ-же стоявшiя въ козлахъ ружья, надѣли шашки и пошли въ сторону, откуда ожидался непріятель; отошедъ съ версту, они встрѣтили кучку въ 7-мъ человѣкъ вооруженныхъ

жителей, которые на спросъ объявили, что они ахалцихскіе, и возвращаются домой. Турки подозрительно и недружелюбно посмотрѣли на русскихъ, однакожъ вблизи, вѣроятно, побоялись сдѣлать нападеніе; наши *открыватели* походили еще въ разныя стороны по пригоркамъ, и, къ счастію, никого не встрѣтивъ, поворотили назадъ,—между тѣмъ стемнѣло. Въ продолженіе этаго времени прискакалъ казакъ съ приказаніемъ—идти ротѣ немедленно въ крѣпость. Рота построилась, тутъ только Завойко хватился двухъ офицеровъ. Гдѣ они? Да пошли къ Суфлису и взяли съ собою двухъ солдатъ съ ружьями—сказалъ одинъ пѣсенникъ. Завойко не зналъ, что дѣлать—офицеры не приходили: ударить въ барабанъ для поданія имъ сигнала—произойдетъ въ крѣпости и еще болѣе въ городѣ тревога въ предположеніи нападенія,—оставить ихъ на произволъ судьбы, онъ не хотѣлъ,—послалъ однако-жъ два патруля по указанному направленію, но они разошлись. Въ это время прискакалъ второй посланный о поспѣшномъ отступленіи роты. Завойко въ отчаяніи ломалъ руки,—наконецъ, наши вояжеры возвратились. Сумасшедшіе, гдѣ вы были? *открывали непріятеля*—сказали искатели приключеній. Видя, что ихъ вразумлять нечего, Завойко махнулъ рукою и пошелъ скорѣе съ ротою въ крѣпость.

Какъ мало въ Тифлисѣ давали вѣры въ возможность нападенія турокъ зимой чрезъ снѣжный Улгаръ на Ахалцихъ, и предварительныя донесенія о томъ князя Бебутова принимались только къ соображенію—показываетъ неготовность и медленность принятія мѣръ для поданія намъ помощи и тревога Паскевича, когда дѣло стало нешуточнымъ.

Еще съ осени командиръ херсонскаго полка, ближайшаго расположеніемъ къ Ахалциху, имѣлъ предписаніе двинуться немедленно туда по первому требованію князя Бебутова,

и держать квартировавшую роту въ Сурамѣ, какъ передовомъ пунктѣ, въ комплектѣ, готовую къ выступленію; но собственно въ полку на-лицо было 6-ть роть, такъ какъ одна рота стояла въ Ахалцихѣ, а другая въ крѣпостцѣ Ацхуръ, при входѣ въ боржомское ущелье; третій-же баталіонъ полка былъ разбросанъ по военно-грузинской дорогѣ и въ Тифлисѣ для караула.

Во вторникъ на масляной, командиръ 1-й гренадерской роты, капитанъ Кишкинъ, поѣхалъ изъ своей квартиры въ Сурамѣ въ штабъ-квартиру, городъ Гори, имѣя въ виду требованіе нѣкоторыхъ вещей, недостававшихъ къ полному обмундированію роты, и для разныхъ разсчетовъ съ полковымъ казначеемъ по довольствію. Проѣхавъ 50 верстъ верхомъ, какъ тогда обыкновенно бывало, и прибывъ туда къ вечеру, онъ узналъ, что полковой командиръ наканунѣ уѣхалъ съ женою въ Тифлисъ и пробудетъ тамъ всю масляницу. Не желая отставать отъ родныхъ обычаевъ, парадируя ихъ часто по недостатку средствъ до курьеза (такъ въ мое время блины пекли на шанцовыхъ лопаткахъ по совершенному неимѣнію въ продажѣ вообще чугунныхъ издѣлій), у полковаго адъютанта была масличная вечеринка; разумѣется, обстановку ея, кромѣ однихъ офицеровъ, составляли музыканты и пѣсенники. Одни изъ гостей играли въ карты, другіе и безъ нихъ находили развлеченіе. Въ полночь прибѣгаетъ ординарецъ и требуетъ адъютанта къ полковому командиру. «Ты, братецъ, вѣрно крѣпко поздравилъ масляницу, что городишь такую дичь—вѣдь полковникъ въ Тифлисѣ,—сказалъ адъютантъ. *Они* сейчасъ пріѣхали и требуютъ васъ къ себѣ поскорѣе»—отвѣтилъ ординарецъ. Пирующихъ офицеровъ удивило неожиданно скорое возвращеніе полковника. Явившемуся адъютанту Бурцевъ, видимо встревоженный, объявилъ, что Ахал-

цихъ облагаютъ въ большихъ силахъ турки, поэтому сейчасъ сдѣлать надобно распоряженіе къ походу и первое—послать нарочнаго казака въ Сурамъ, чтобы Кишкинъ спѣшилъ съ ротою къ Ахалциху. «Кишкинъ здѣсь—сказалъ адъютантъ. Тѣмъ лучше—лично передамъ приказаніе.»

По приходѣ Кишкина, Бурцевъ передалъ ему важность минуты, и что отъ его усердія и опытности будетъ зависѣть—быть полезнымъ въ столь серьезномъ дѣлѣ. Бурцевъ, положивъ руку на плечо Кишкина, сказалъ: «ну, Семенъ Ананьичъ, на васъ я надѣюсь, что вы употребите все возможное усиліе и мужество, чтобы, во что-бы ни-стало, поспѣшно пройти, или пробиться сквозь Боржомъ и соединиться въ Ацхурѣ съ Высоцкимъ; въ его ротѣ далеко некомплектъ людей и его можетъ раздавить масса непріятеля, тогда намъ дорога будетъ загорожена; теперь по снѣгамъ обходовъ дѣлать нельзя и мы должны будемъ проходить подъ выстрѣлами крѣпости. Берите сейчасъ съ казачьяго поста лошадь и скачите въ Сурамъ, чтобы по-утру завтра, или, пожалуй, уже сегодня вамъ выступить.» Нѣтъ, ужъ позвольте, Иванъ Григорьевичъ, мнѣ отправиться на своемъ «кабардинцѣ»—сказалъ Кишкинъ,—онъ хотя уже сдѣлалъ сегодня 50 верстъ, но я надѣюсь доѣхать на немъ скорѣе, чѣмъ на казачьей лошади, только прикажите дать мнѣ проводниковъ чрезъ Ліяхву—вода въ ней очень прибыла отъ тепла и мнѣ трудно будетъ переправиться черезъ нее въ бродъ въ такую темноту, когда я и за-свѣтло едва ее переѣхалъ.

Покамѣсть пришли проводники, пока переправляли съ большою опасностію и задержкою въ объѣздъ чрезъ раздувшуюся рѣку, прошло болѣе двухъ часовъ. Кишкинъ не жалѣлъ коня; но ему надобно было по дорогѣ заѣхать въ полковыя конюшни на Гаргарепъ (селеніе), чтобы взять подъ вьюки артель-

ныхъ лошадей для котловъ и припасовъ и въ случаѣ подъ раненыхъ. Около 9 часовъ утра онъ ужъ былъ въ Сурамѣ. Громъ ударилъ неожиданно—никто не думалъ о походѣ; надобно было раздать по рукамъ сухари и запасные патроны изъ ящика; солдаты частію разошлись по разнымъ мѣстамъ—надобно было ихъ собрать; въ головѣ былъ ералашъ масляницы; однакожъ часа черезъ полтора рота была на маршѣ въ полномъ составѣ. Я уже замѣтилъ, что боржомское ущелье за сорокъ слишкомъ лѣтъ было совсѣмъ не то, что теперь и въ такую еще пору года. Едва двумъ человѣкамъ можно было идти по тропинкѣ въ рыхломъ отъ тепла снѣгу и взбираться во многихъ мѣстахъ на скалы, такъ какъ прибывшая вода въ Курѣ уже затопила во многихъ мѣстахъ проходы; это еще, сверхъ затрудненій, увеличивало настоящее разстояніе (50-ти верстъ) отъ Сурама до Ацхуръ Съ маленькими отдыхами, часовъ до 10 ночи, Кишкинъ шелъ безостановочно и для примѣра солдатамъ самъ шелъ пѣшкомъ впереди. На пути не встрѣтился ни одинъ прохожій по-прежде довольно оживленной дорогѣ, чтобы получить какія-нибудь свѣдѣнія объ Ахалцихѣ. Видя крайнее утомленіе отягощенныхъ походной аммуниціей солдатъ, онъ остановился около Страшнаго окопа, верстахъ въ 10 отъ Ацхура, гдѣ ущелье нѣсколько раздвигается, на кратковременный ночлегъ на снѣгу и не разводя изъ предосторожности огня. Часа за два до разсвѣта онъ опять двинулся; отойдя не много, онъ услыхалъ слабый, протяжный гулъ; не довѣряя самъ себѣ, онъ спросилъ солдатъ: «что это, братцы?» тѣ безъ запинки отвѣчали—«пушка, ваше благородіе»,—и вслѣдъ затѣмъ гулъ выстрѣловъ сталъ раздаваться яснѣе (*), Кишкинъ скомандовалъ: «ре-

(*) Это было верстъ за 30 отъ Ахалциха. Во время осады на гаргарскихъ полковыхъ конюшняхъ, верстахъ около 80-ти, фурлейты изъ любопытства по очереди во время утренней и вечерней зари припадали

бята, прибавъ шагу!» *Ребята* пошли погигантски. Надобно было спѣшить запять скорѣе послѣдній обрывистый переваль близь Ацхура; взобравшись на него, Кишкинь, при начинающемъ разсвѣтѣ, увидѣлъ въ сторонѣ отъ крѣпости обходящую ее огромную массу непріятеля; но дѣло ужъ было сдѣлано— турки не успѣли загородить дорогу, и рота благополучно достигла крѣпости, подвергаясь опасности быть раздавленною скопищемъ 5-ти тысячъ человѣкъ, посланныхъ Ахметъ-пашею одновременно съ нападеніемъ на Ахалцихъ для занятія боржомскаго ущелья.

Въ продолженіи двухъ дней послѣ занятія Вале, когда намѣренія непріятеля были уже ясны, въ крѣпости спѣшили приготовиться къ отпору; разломали нѣсколько домовъ вблизи крѣпостныхъ стѣнъ, забрали, по возможности, довольно досокъ, наружныхъ толстыхъ дверей и бревенъ. Но все-таки каменные на глинѣ и нѣкоторые на извести дома и линія лавокъ оставались въ 20-ти саженяхъ; мечеть-же предъ самыми крѣпостными воротами и базастанъ (каравансарай), не далѣе 40 саженъ, сложенные изъ тесанныхъ каменныхъ плитъ со сводами, были очень прочной постройки. Была мысль сжечь окружающіе дома, но во-первыхъ—разыгравшееся вблизи пламя могло обратиться на крѣпость, произвести пожаръ и, пожалуй, взорвать въ цитадели пороховой погребъ, очень не надежно устроенный,—во вторыхъ—обрушившіеся каменные дома могли служить хорошими траншеями. На совѣщаніи за первое мнѣніе стоялъ артилерійскій капитанъ Горячко, послѣднее поддерживали нѣсколько офицеровъ, вызываясь идти на вылазку, если понадобится, и тогда зажечь городъ, чтобы удобнѣе биться въ

ухомъ къ землѣ, и могли ясно слышать, по теченію Куры, гулъ выстрѣловъ изъ огромныхъ турецкихъ пушекъ въ цитадели Ахалциха.

Прим. автора.

дыму и пламени. Князь, видя мужественную рѣшительность гарнизона, склонился на послѣднее мнѣніе. Тѣмъ болѣе, что мечеть и огромный базастанъ нельзя скоро было разрушить; онъ предоставилъ эти два зданія для защиты христіанскаго населенія. Сверхъ того, служа прежде при маркизѣ Паулучи, онъ зналъ, какъ строго осыпали осужденіями рижскаго коменданта, приказавшаго въ 1812 году при появленіи невдалекѣ французовъ сжечь рижскій форштатъ, между тѣмъ какъ французы не подходили къ самой Ригѣ. Могло случиться, что и Ахметъ-паша не сталъ-бы прибѣгать къ рѣшительнымъ мѣрамъ штурма, а не замедливпій сикурсъ изъ Грузіи разсыпалъ-бы скопище осаждавшихъ въ прахъ.

Въ продолженіе двухъ дней вѣсти приходили сбивчивыя— мусульмане видимо лгали, наши христіанскіе лазутчики, боясь быть открытыми турками, приносили свѣдѣнія неудовлетворительныя. Въ городѣ господствовала могильная тишина въ мусульманскихъ кварталахъ, христіане, въ тоскливомъ ожиданіи страшной бѣды, зарывали въ землю свое имущество, поцѣннѣе— переносили въ крѣпость.

Часа за полтора до разсвѣта, 20-го февраля, на вторые сутки по прибытіи непріятеля въ Вале, послышался первый ружейный выстрѣлъ съ поцховскаго моста, со стороны противоположной ожидаемаго нападенія, отъ жидовскаго квартала. Разсчитывая на штурмъ нижней крѣпости—какъ слабѣйшаго пункта, непріятель съ него началъ атаку, между тѣмъ мусульманское населеніе города съ аджарцами бросилось со стороны югозападной отъ базастана къ воротамъ верхней крѣпости. Гарнизонъ успѣлъ во-время стать въ ружье; массы непріятеля подступили къ самымъ стѣнамъ и многіе смѣльчаки начали взбираться на нихъ, между тѣмъ другія толпы, засѣвъ въ домахъ на полуружейный выстрѣлъ, осыпали гра-

домъ пуль отбивавшійся гарнизонъ. Намъ помогли пудовыя бомбы, найденныя при взятіи крѣпости; начали бросать за стѣну, и взрывъ ихъ, покрывая батальный нашъ огонь, охладилъ яростный натискъ непріятеля; къ несчастію, крѣпость почти не имѣла фланговой или бастіонной обороны и весь огонь съ нашей стороны былъ фронтальный. Однакожъ, непріятель отхлынулъ отъ крѣпостныхъ стѣнъ и засѣлъ саженяхъ въ 50 и ближе въ домахъ, поднимающихся во многихъ мѣстахъ амфитеатромъ. Чрезъ нѣсколько времени начало свѣтать—картина представлялась поразительная: съ одной стороны, за зубцами, толпились группы солдатъ, въ дыму выстрѣловъ сурово смотрящихъ съ высоты стѣнъ на волнующіяся толпы непріятеля, покрытыя тоже пороховымъ дымомъ; серьезно спокойное выраженіе энергическихъ, загорѣлыхъ лицъ—показывали пониманіе важности минуты и привычку къ дѣлу защитниковъ крѣпости; съ другой—внизу подъ стѣною, за невысокимъ каменнымъ барьеромъ, толпились сотни двѣ женщинъ и частію мужчинъ, успѣвшихъ перебѣжать изъ ближайшихъ домовъ подъ защиту нашихъ выстрѣловъ,—съ отчаяніемъ въ взорахъ, съ ужасомъ на лицѣ, они взывали къ намъ о спасеніи: многіе изъ нихъ держали въ рукахъ распятіе или иконы. Далѣе слышались изступленные вопли жертвъ дикихъ инстинктовъ непріятеля, покрываемые грохотомъ крѣпостныхъ орудій и перекатной дробью ружейной пальбы. Батальный огонь не умолкалъ почти весь день; понеся значительныя потери отъ неудавшагося штурма, непріятель сталъ укрѣпляться въ домахъ и дѣлать завалы вокругъ крѣпости. Возмущенный звѣрствомъ врага съ жителями христіанами и евреями, гарнизонъ къ вечеру сталъ проситься на вылазку. Но изъ 1100 защитниковъ нельзя было отдѣлить болѣе 250 охотниковъ, самой надежной силы, которыхъ судьба была сомнительна; поэтому князь Бебутовъ

отмѣнилъ вылазку, въ виду огромнаго полчища непріятеля и его энергіи, разсчитавъ, что можетъ понадобиться—употребить этихъ отважныхъ солдатъ болѣе въ крайнемъ случаѣ.

Слишкомъ сто пушекъ крѣпостной, доставшейся отъ турокъ артилеріи, были разбиты по разнымъ частямъ крѣпости. Въ цитадели было болѣе 20 пушекъ большаго турецкаго калибра, на батареѣ верхнихъ главныхъ воротъ крѣпости стояло 8 большихъ турецкихъ и 4 нашихъ полевыхъ пушекъ и на пристроенныхъ платформахъ двѣ своихъ двухъ-пудовыя и двѣ турецкія мортиры,—остальныя пушки по разнымъ мѣстамъ имѣли свое назначеніе. Артилерійскихъ офицеровъ было у насъ два: капитанъ Горячко—начальникъ крѣпостной артилеріи, и его помощникъ, молодой офицеръ. Послѣдній командовалъ въ цитадели, возвышавшейся, какъ я уже сказалъ, на скалѣ отдѣльнымъ укрѣпленіемъ. Мнѣ, остававшемуся по милости Ахметъ-паши, секретарю правленія безъ дѣла, досталась въ команду батарея на главныхъ верхнихъ воротахъ. Въ нижней крѣпости, по ходатайству Горячки, назначенъ былъ командовать всею артилеріею его землякъ, полякъ князь Гедройцъ, классный провіантскій чиновникъ, находившійся при довольствіи войскъ, человѣкъ добрый, по очень простоватый, не имѣвшій даже свѣтскаго лоска польскаго пана; говорили, что его жена, довольно богатая, жила съ нимъ не въ ладахъ, и бѣдный князь духомъ и карманомъ по-неволѣ искалъ убѣжища въ провіантской службѣ на Кавказѣ. Офицеры подшучивали надъ его назначеніемъ, а солдаты относились къ нему не очень внимательно, какъ «не военному.» Однако Горячко, вѣрный своимъ племеннымъ традиціямъ, пользуясь довѣріемъ князя, сдѣлалъ такъ, что въ реляціи о ходѣ обороны выказаны были необыкновенныя заслуги Гедройца; впрочемъ, Горячко, какъ дѣльный офицеръ, исполнялъ дѣло свое хорошо. Крѣ-

пость обложена такъ была густо толпами непріятеля, что въ продолженіе 12-ти дневной осады не одинъ лазутчикъ не могъ въ нее пробраться съ извѣстіемъ, и мы во все это время рѣшительно не знали о мѣрахъ, предпринятыхъ къ нашему освобожденію. Мы только знали, что братъ Ахметъ-паши съ значительными силами занялъ боржомское ущелье ниже Ацхура, и всякое сообщеніе съ Грузіей прекращено. Слѣдовательно, конецъ осады для насъ былъ неизвѣстенъ. Между тѣмъ день и ночь гарнизонъ почти постоянно былъ подъ ружьемъ въ ожиданіи штурма, такъ какъ огромныя толпы, сажепяхъ въ пятидесяти и ближе отъ стѣнъ, закрытыя строеніями, всегда готовы были броситься на приступъ, при малѣйшей оплошности съ нашей стороны. Градъ пуль буквально сыпался съ высоты окружающихъ домовъ, базастана, изъ-за огромныхъ заваловъ, воздвигнутыхъ кругомъ крѣпости изъ бревенъ и камня разобранныхъ домовъ. Этотъ страшный обручъ, сдавливавшій крѣпость, надобно было разбивать неустанно съ батарей. Съ высоты цитадели, съ батарей на верхнихъ воротахъ и угловой въ нижней крѣпости, у Поцхова, канонада не умолкала ни днемъ, ни ночью. Самая тяжелая служба выпала на долю артилеристовъ, зубцы стѣнъ ихъ мало защищали, и прицѣльные выстрѣлы непріятеля съ высоты и заваловъ били въ амбразуры и чрезъ стѣну на-вѣрняка,—съ неуклюжими, тяжелыми лафетами турецкихъ пушекъ было много работы. Въ продолженіи четырехъ сутокъ на моей батареѣ перемѣнилось, по случаю убыли, за исключеніемъ двухъ артилеристовъ, два комплекта прислуги при орудіяхъ и къ вечеру этого дня, послѣдняго масляницы, во время перестрѣлки, когда мы постоянно бывали въ движеніи, приготовляясь къ ночному штурму, запасаясь снарядами—пуля пробила мнѣ правое плечо возлѣ ключицы,—глубина раны оказалась болѣе вершка и вынуть было невоз-

можно или лекарь не съумѣлъ. Сначала мнѣ показалось, что я раненъ въ бокъ, такъ какъ вся правая сторона тѣла онѣмѣла; у меня стала кружится голова и я прилегъ на лафетъ— кровь хлынула по рукаву и вся кисть руки покрылась ею; артилеристы, думая, что я раненъ въ руку, стали меня поднимать какъ разъ за больное плечо,—въ это время овладѣла мною необыкновенная злость, я сталъ бранится.... меня бѣсила невозможность отмстить за себя, но я еще кое-какъ съ помощію Мишустина дошелъ до своей квартиры. Здѣсь уже, отъ истощенія крови и невыносимой боли, я впалъ въ изнеможеніе. Въ продолженіе всей ночи я не могъ сомкнуть глазъ отъ страданія и начинавшейся горячки; въ бреду мнѣ показалось постыднымъ лежать въ такое время—мнѣ представлялись турки, ворвавшіеся въ крѣпость и я долженъ умереть подъ ихъ кинжалами, будучи не въ состояніи отъ боли пошевельнуть рукою—все это меня сердило, усиливая раздраженіе нервъ; къ разсвѣту я немного забылся; вдругъ моя квартира, находившаяся подъ скалою цитадели, плохой азіятской постройки, началась трястись въ основаніи отъ страшной канонады, открытой съ цитадели по турецкимъ толпамъ, брисившимся отбивать нашъ единственный водопой, ведущій изъ нижнихъ воротъ крѣпости къ Поцхову. Тяжесть впечатлѣнія при этой пальбѣ и сотрясеніе моей комнаты производили на мой болѣзненный организмъ невыразимое страданіе, какого я не испыталъ во всю жизнь.

Въ продолженіи 12-ти дней обороны крѣпости, первый и послѣдній день были только ясные; въ остальное время шелъ мокрый снѣгъ пополамъ съ дождемъ; семь ротъ нужно было для занятія необходимыхъ пунктовъ на крѣпостныхъ стѣнахъ и только по одной ротѣ въ верхней и нижней крѣпости оставалось въ резервѣ. Днемъ гарнизонъ занятъ былъ постоянною перестрѣлкою съ засѣвшимъ подъ самими стѣна-

ми непріятелемъ и разными работами для улучшенія обороны, возстановленіемъ частію засыпавшагося, покрытаго хода къ Поцхову; ночью стоялъ на-готовѣ, въ ожиданіи штурма, который даже днемъ было сдѣлать удобно при несоразмѣрномъ превосходствѣ въ численности непріятеля, если-бы половина его силъ бросилась внезапно изъ за ближнихъ строеній на приступъ, а другая сильнымъ огнемъ стала очищать путь черезъ стѣны; но безпристрастно отдавая похвалу смѣлости непріятеля, у него не доставало головы съ умѣньемъ распорядиться своими средствами.

Солдаты, промокшіе до костей отъ постояннаго ненастья, истомленные работой и безсонными ночами, не имѣли времени осушиться или порядкомъ согрѣться; желая сколько-нибудь защитить ихъ отъ мокроты и сырости, князь приказалъ имѣвшіеся въ большомъ числѣ отъ израсходованнаго провіанта порожніе кули раздать солдатамъ; они, распоровъ одну сторону, сдѣлали изъ нихъ въ родѣ бурокъ, изрядно защищавшихъ отъ сырости, остальные употребили на подстилку въ грязной почвѣ; такое некрасивое убранство принесло однако значительную пользу, хотя забавно было смотрѣть на солдатъ, едва ворочающихся въ мокрыхъ, за ночь всегда обледенѣлыхъ буркахъ и на головной уборъ, который тоже пришелъ въ негодность, и потому солдаты кто изъ войлока, кто изъ кожи порціоннаго барана смастерили для себя по своему вкусу и средствамъ шапку.

Фонтанъ близь мечети, проведенный съ горъ, достаточно снабжалъ хорошею водою крѣпость, но его трубу въ первый-же день осады турки испортили; однако, по случаю въ изобиліи падавшаго снѣга съ дождемъ, гарнизонъ не нуждался особенно въ водѣ, хотя и чувствовался въ ней недостатокъ, но для бѣдныхъ животныхъ, лошадей казачьихъ, офицерскихъ и

рогатаго скота штукъ въ полтораста, водопой сдѣлался затруднителенъ. Въ первыя четыре ночи доступъ къ Поцхову нижними водяными воротами былъ свободенъ, но непріятель догадался, и, въ роковую для меня ночь, онъ сдѣлалъ первое нападеніе на вылазку для водопоя; съ этаго времени онъ строго стерегъ всякое движеніе наше къ водѣ, обходившееся горячими сшибками. На бѣду, въ покрытый путь къ водѣ прорвалась, вслѣдствіе размокшаго грунта, какая-то старая съ нечистотой канава и затопила проходъ по немъ.

Осада шла своимъ чередомъ—съ разсвѣта до ночи пальба съ обѣихъ сторонъ была неустанная, только батарея на главныхъ воротахъ, послѣ моей раны и большой потери въ людяхъ, по невыгодности положенія, почти молчала; князь приказалъ стрѣлять съ нея изрѣдка. Съ нея сняли 4-ре нашихъ пушки въ ожиданіи взрыва, оставивъ однѣ турецкія; уменьшили прислугу на половину, уже наполненную изъ строевыхъ солдатъ, такъ какъ, за недостаткомъ настоящихъ артилеристовъ, князь еще съ осени приказалъ пріучить пѣхотныхъ солдатъ дѣйствію при орудіяхъ. Этой батареѣ особенно не посчастливилось—ей предстояло взлетѣть на воздухъ. Съ первой ночи мы услышали стукъ подъ воротами; широкій подземный водопроводъ для фонтана, по отведеніи воды, служилъ готовою галлереей для минныхъ работъ; при дневномъ шумѣ и постоянной пальбѣ подземная работа была не слышна, но въ тишинѣ ночи, при перерывѣ канонады, ее можно было слышать явственно; въ сумерки третьей ночи одинъ изъ христіанъ пробрался къ крѣпости и по данному знаку его перетащили на веревкахъ чрезъ стѣну; онъ объявилъ князю по секрету, что подъ верхнія ворота подведена мина, которую въ полночь турки взорвутъ и бросятся на штурмъ. Хотя сзади была вторая стѣна и такія-же ворота, но онѣ не были при-

способлены къ оборонѣ, да и людей у насъ было недостаточно; не желая преждевременно обезкуражить гарнизона, князь однако передалъ мнѣ это извѣстіе, приказавъ наблюдать осторожность. Положеніе мое было неутѣшительное—быть неминуемою жертвою взрыва, вещь прегадкая,—мнѣ еще хотѣлось жить, радужныя мечты сулили мнѣ заманчивую будущность, а тутъ на-вѣрное предстоялъ всему конецъ; привычка—ни о чемъ не думать въ сраженіи, меня бросила, я сердился на самаго себя и мнѣ было тяжело на сердцѣ. Что-то зашевелилось во мракѣ передъ воротами,—послѣдовали два-три выстрѣла изъ завалова, я велѣлъ отвѣчать изъ двухъ пушекъ, желая показать, что мы не дремлемъ. Потомъ, чутко напрягая слухъ, я не могъ ничего различить, кромѣ зловѣщаго стука подъ ногами. Было уже часа два ночи, а обѣщаннаго взрыва не было, не слышно было никакого шума, показывающаго приближеніе непріятеля, снѣгъ падалъ мокрыми хлопьями, кругомъ мертвая тишина; наконецъ, часа въ три ночи, я прилегъ къ лафету не-много отдохнуть, утомленный деннымъ движеніемъ и почти безсонными ночами; часа черезъ полтора я очнулся, но не могъ раскрыть глазъ—вѣроятно, вслѣдствіе усталости; кругомъ не слышно было даже шороха, тишина эта, смѣнившая грохотъ и шумъ, показалась мнѣ необычайною; падавшаго снѣга я не чувствовалъ; я не зналъ—въ живыхъ или мертвыхъ считать себя, взрывъ мины могъ отправить меня моментально на тотъ свѣтъ,—неужели этотъ мракъ и мертвая тишина—начало загробной жизни! Это полузабвеніе и недоумѣніе продолжалось болѣе минуты, мнѣ стало тяжело, съ усиліемъ я открылъ глаза и съ радостію увидѣлъ прояснившееся небо и блѣдный свѣтъ занимающейся зари,—мои артилеристы дремали, также какъ и я, вблизи часовой, облокотясь на ружье, смотрѣлъ въ амбразуру.

Среди общей нашей опасности, каждый изъ насъ думалъ постоять за себя и недаромъ сдѣлаться жертвою врага, въ этомъ не было ничего необыкновеннаго, но бывшій на моей батареѣ бомбардиръ Мишустинъ, сдѣлался у насъ популярною личностію. Плотно сложенный, слегка рыжеватый, Мишустинъ болѣе 20-ти лѣтъ продолжалъ службу, но незамѣтно было въ немъ сколько-нибудь дряхлости—онъ постоянно держалъ себя бодро и весело. Еще въ 1809 г., подъ Браиловымъ и противъ другихъ крѣпостей на Дунаѣ, онъ упражнялся въ артилерійскомъ искусствѣ и потому такъ изощрилъ глазъ и набилъ руку, что даже изъ мортиръ стрѣлялъ съ удивительною мѣткостію. Изъ бывшихъ у меня на батареѣ четырехъ мортиръ, Мишустинъ съ особою любовію и стараніемъ посылалъ бомбы въ собиравшіяся за строеніями толпы и всегда почти безъ промаха. На минаретѣ за барьеромъ сидѣлъ казакъ, извѣщавшій о сборищахъ непріятеля въ извѣстныхъ мѣстахъ города. Мишустинъ, бывало, посмотритъ въ амбразуру на указанное направленіе, немножко подумаетъ, сойдетъ съ валганга на устроенную по тѣснотѣ мѣста ниже платформу для мортиръ, посыпитъ, смотря по разстоянію, горстью въ камеру пороха—и зарядъ ляжетъ гдѣ надобно. Разъ, послѣ удачнаго выстрѣла въ указанную толпу, сидѣвшій, притаившись за рѣшеткою минарета казакъ, съ радости не вытерпѣлъ, и забывъ осторожность, вскочивъ на ноги, закричалъ богатырскимъ голосомъ: «попало, какъ разъ попало!» Всегда сторожившій, какъ на охотѣ, всякое наше движеніе непріятель, послалъ нѣсколько пуль въ пришедшаго въ экстазъ сына Дона; къ счастію, онъ отдѣлался только царапиною. Какъ истый артилеристъ, воспитанный на бомбахъ и картечи, Мишустинъ съ презрѣніемъ смотрѣлъ на сыпавшіяся вокругъ него пули, и когда отъ нихъ падалъ кто изъ то-

варищей, онъ сердито бормоталъ: «отъ такой пустой штуки и умирать-то гадко!» Когда меня ранили, онъ первый подбѣжалъ ко мнѣ съ утѣшеньемъ: «не безпокойтесь, ваше благородіе, это пустяки,—вотъ если-бы васъ хватили ядромъ или картечью—ну, дѣло другое.» Князь, обходя батареи, всегда говорилъ ему привѣтливое слово. Я считаю излишнимъ говорить, что князь Василій Осиповичъ во время осады стоялъ нетолько во главѣ начальства, но и во главѣ мужества гарнизона.

Осада продолжалась обычнымъ порядкомъ; постоянная пальба съ обѣихъ сторонъ, безпрестанныя попытки собиравшихся массъ къ штурму, охлаждаемыя дѣйствіемъ нашей артилеріи, производили большой уронъ въ ихъ рядахъ. Между тѣмъ, гарнизонъ, отъ недремлющей бдительности подъ ружьемъ въ постоянно ненастную погоду, приходилъ въ изнуреніе, тогда какъ численность непріятеля возрастала пребывающими изъ Аджары и другихъ санджаковъ толпами, привлеченными въ городъ какъ фанатизмомъ, такъ и жаждою грабежа. Въ ожиданіи нападеній на городъ, жители уже давно стали лучшее свое имущество закапывать въ землю и болѣе закладывать въ стѣны. Случайно разломанная турками сакля открыла спрятанное добро, и вотъ они пустились въ постоянное отыскиваніе добычи, разрушая дома, копая землю; подъ конецъ осады, когда уже истощилась добыча въ христіанскомъ и еврейскомъ кварталахъ, аджарцы не давали пощады и мусульманскому имуществу, при чемъ происходили кровавыя схватки.

Въ крѣпость не приходило ни одного утѣшительнаго извѣстія—казалось, насъ бросили на произволъ судьбы. Бурцевъ съ 5-ю ротами своего полка и двумя пушками, оставленными на случай въ Гори, занявъ удобную позицію въ Боржомѣ, не доходя Страшнаго окопа, не могъ ничего предпринять противъ загородившаго ему дорогу въ большихъ силахъ непріятеля. Сдав-

ленный въ трещинѣ ущелья при глубокомъ снѣгѣ, ему нельзя было сдѣлать какого-нибудь обхода, чтобы выбить непріятеля изъ его крѣпкой, лѣсистой позиціи; по тѣснотѣ мѣста и преградѣ горъ, Бурцеву невозможно было даже съ успѣхомъ дѣйствовать изъ орудій. Съ замираніемъ сердца онъ прислушивался къ каждому пушечному выстрѣлу послѣ долгой паузы со стороны Ахалциха, чтобы знать, что крѣпость еще не взята. Предугадывая критическое положеніе осажденныхъ, онъ, наконецъ, рѣшился, во что-бы ни-стало, съ разсвѣтомъ 4-го марта атаковать непріятеля, чтобы, по крайней мѣрѣ, соединиться съ двумя ротами въ Ацхурѣ. Послѣ довольно упорнаго боя, онъ сбилъ турокъ, полагавшихъ, что это былъ только авангардъ изъ Грузіи и потому отступившихъ. Въ полдень Бурцевъ пришелъ въ Ацхуръ, хотя турки еще старались дѣлать ему препятствія.

По-утру этаго дня въ Ахалцихѣ слышенъ былъ слабый гулъ пушекъ со стороны Боржома, но у насъ не знали тому причины и полагали, что это отбивается Ацхуръ; день прошелъ въ обычной перестрѣлкѣ. Въ 9-ть часовъ вечера кто-то подбѣжалъ къ нижнимъ воротамъ и съ благимъ матомъ еврейской натуры закричалъ: «турки бѣгутъ!» Его тотчасъ перетащили черезъ стѣну, онъ объявилъ, что съ часъ времени поднялась между турками тревога и что они поспѣшно удаляются изъ города въ ожиданіи прибытія русскихъ; Ахметъ-паша уже уѣхалъ. Нельзя было повѣрить еврею, и потому въ крѣпости остались въ наблюдательномъ положеніи до утра. Между тѣмъ сталъ слышаться безпорядочный шумъ въ городѣ, вблизи не было ни одного выстрѣла, и только изрѣдка они раздавались въ дальнихъ кварталахъ (то были ссоры за добычу.) Ахметъ-паша, вечеромъ узнавъ о пораженіи своего брата (который, не заходя въ Ахалцихъ, отправился прямою дорогой въ

Аджару), сейчасъ сѣлъ на коня, и не сдѣлавъ никакого распоряженія, поѣхалъ тоже во-свояси. Съ разсвѣтомъ вышедшіе изъ крѣпости двѣ роты и казаки забрали въ городѣ въ плѣнъ человѣкъ полтораста проспавшихъ аджарцевъ, а въ 3-хъ верстахъ нашли брошенными двѣ полевыя пушки и другія двѣ найдены послѣ въ поцховскомъ ущельѣ безъ лафетовъ, которыя везли на саняхъ къ Ахалциху. Въ полдень пришелъ Бурцевъ съ своимъ отрядомъ, а чрезъ три дня Муравьевъ, котораго передовыя войска остановились въ Ацхурѣ (*).

Но бѣдствія продожали тяготѣть надъ Ахалцихомъ и его гарнизономъ; сначала въ наказаніе мусульманамъ и по необходимости очистить эспланаду передъ крѣпостію, сожгли дома на ружейный выстрѣлъ и болѣе. Дней черезъ пять стали внезапно умирать люди въ гарнизонѣ и въ городѣ—открылась чума; турки занесли ее съ собою, она продолжалась три мѣсяца и унесла много храбрыхъ изъ гарнизона и несчастныхъ, раззоренныхъ, изъ города.

Въ продолженіе двухъ недѣль, отъ сильной горячки и дурнаго состоянія раны, я былъ въ безнадежномъ положеніи; послѣ хотя стало мнѣ нѣсколько лучше, но все исходъ раны былъ сомнителенъ, хотя къ концу марта я могъ встать съ

(*) Въ продолженіе осады выпущено было изъ доставшагося турецкаго арсенала до 11-ти тысячъ пушечныхъ зарядовъ и до 150-ти тысячъ патроновъ; всѣ окружающіе дома избиты были, какъ рѣшето; огромные слѣды крови въ этихъ домахъ показывали значительную численность жертвъ и страхъ, причиненный непріятелю, какъ узнали послѣ. Подъ крѣпость подведены были двѣ мины—подъ верхнія ворота и около нижнихъ; въ первой минѣ нашли уже два пуда пороху, но какъ его было недостаточно для полнаго успѣха взрыва, то паша послалъ за порохомъ въ Аджару и тамъ что-то замѣшкались, хотя ему можно-бы было употребить на то порохъ изъ большаго запаса патроновъ, найденныхъ послѣ его бѣгства.

Пр. автора.

постели. Между тѣмъ чума все усиливалась, искусство доктора мнѣ помогало мало, да онъ былъ обремененъ огромнымъ числомъ больныхъ и зачумленныхъ. Мнѣ желательно было попасть на руки своего добраго и искусснаго Явленскаго, но князь не зналъ, какъ меня отправить въ штабъ-квартиру: ни экипажей, ни дороги колесной черезъ Боржомъ, по случаю весенней распутицы, не было. Мнѣ предстояло умереть или отъ искусства крѣпостнаго доктора или отъ чумы (одинъ фельдшеръ, меня перевязывавшій, уже отъ нея умеръ; вскорѣ лекарь и мой товарищъ при Бебутовѣ тоже погибли); съ нагноенною, испортившеюся раною, разслабленнаго, немогшаго отъ боли шевельнуть рукою, посадили меня на доброѣзжаго моего коня и въ сопровожденіи двухъ казаковъ отправили до Сурама верхомъ; нечего говорить, какъ тяжелъ для меня былъ этотъ переѣздъ въ 4 дня, на разстояніи 70-ти верстъ.

Во время послѣднихъ словъ разсказа старика, пароходъ нашъ подходилъ уже къ Нижнему; раздался свистокъ, старикъ засуетился около своихъ вещей—и мы разстались. Я записалъ слышенное, какъ бывалый на Кавказѣ.

Василій Андреевъ (*).

(*) Авторъ *Воспоминаній* служилъ въ войскахъ отдѣльнаго кавказскаго корпуса съ 1816 по 1836 годы; нынѣ статскій совѣтникъ.

Ред.